

F 59

114

M 3

F 59

114

7 114

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ
по
СУЩЬ И МОРЕМЪ.

КНИЖКА ТРЕТІЯ.

ИЗДАШЕ М. Д. ОЛЬХИНА.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
1845.

~~9 68~~
~~19~~

~~9 68~~
~~19~~
F 59

114

§ I. 2/ви зча

СТРАНСТВОВАТЕЛЪ

ПО СУШЪ И МОРЯМЪ.

СТРАШНОСТЬ

ПО СЛОВО И МОЯМ.

СТРАНСТВОВАТЕЛЬ

ПО СУШѢ И МОРЕМЪ.

КНИЖКА ТРЕТІЯ.

КАРПАТЫ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ М. ОЛЬХИНА

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы, по отпечатаніи, представлено было
въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экзем-
пляровъ. С. Петербургъ. Января 4-го, 1845 года.

Ценсоръ *А. Очкинъ*.

1500213977

ПОСВЯЩЕНО

Ал—ъ Ев—ъ Ков—ой.

DOCUMENT

1880-1881

ГЛАВА I.

Карпатскія горы состоятъ изъ трехъ кражей, другъ другу почти паралельныхъ. Южный изъ нихъ, безъ сомнѣнiя, самый роскошный и живописный и мы не даромъ посвятили цѣлый годъ его изслѣдованiю.

Первую ступень этой полосы Карпатскихъ горъ, на Югѣ и Юго-Востокѣ, въ Валахiи, занимаютъ города Плоешти, Торговиштъ, Питешти, Флемунда, Чернецъ. Тутъ еще растетъ виноградъ, поетъ соловей; въ пологихъ пригорьяхъ, и то мѣстами, обнаруживается глинистый сланецъ; земля почти исключительно принадлежит боярамъ, и потому поселяне бѣдны, слабы, угнетены; арендаторы—

бичь, всегда надъ ними поднятый. Слѣды пальцевъ отъ рукъ турецкихъ бешевъ еще ясны: что дѣлать! рука была тяжела.

Вторую горную ступень составляютъ монастырь Синая, Кимполунгъ, Курте—д'Аржисъ, Рымникъ на Ольтѣ, Тургужиу, Бая-ди-арама. Здѣсь уже нѣтъ виноградниковъ, соловей сюда не залетаетъ. Разъ, правда,—и это хорошо помнятъ,—прилетѣлъ соловей въ окрестности Кимполунга, въ садъ, окружающій монастырь св. Іліи и пѣлъ такъ сладкозвучно, такъ отрадно для души, что монастырскія затворницы и теперь съ наслажденіемъ вспоминаютъ объ немъ... На этой полосѣ горъ уже видны стада овецъ, которыя на лѣто покрываютъ всѣ высоты Карпата. Тутъ появляется ужасная горная болѣзнь, развитая въ высшей степени въ Карпатскихъ горахъ,—это зобъ, или какъ называютъ въ Валахіи «гуши». Встрѣчается много тупоумныхъ, кретиновъ. — Народъ добръ, гостепріименъ.

Много земель принадлежит поселянамъ, «Мошнянамъ». Довольство распространяется болѣе и болѣе, подвигаясь въ горы; домики или каменные или изъ хорошаго лѣса; землянокъ и хворостяныхъ лачугъ, довольно обыкновенныхъ въ долинахъ, здѣсь вовсе невидно. Сливы смѣнили виноградъ; онѣ тоже для горныхъ жителей, что оливки для Италіянцевъ—главное ихъ богатство. Русые волосы и голубые глаза встрѣчаются нерѣдко, какъ бы подавая вѣсть о близости своего германскаго отечества. Въ горахъ слюдистый и тальковый сланецъ вытѣсняють филадъ; мѣстами показываются толщи известняка: здѣсь начинаются собственно Карпатскія горы; то были предгорья.

Отъ сюда путешественникъ поднимается по горамъ почти отвѣснымъ, гдѣ съ трудомъ цѣпляется привычная лошадь, и внезапно переходитъ на высоты Карпата, который идетъ вогнутою линіей, съ одной стороны, на границахъ Молдавіи и Вала-

хін, съ другой по рубежу Трансильваніи и Баната. Высшіе пункты его суть: Шало, въ Молдавіи, 6068'4 фута; въ Валахіи—Бучечь, 7951'8 и Лукруй, около 6169; въ Трансильваніи—Негой 8040 футъ.—

✓ Бока горъ покрыты роскошною растительностью, лѣса почти вездѣ дѣвственны, по своей недоступности, на темѣ горъ растутъ только мелкія березы и кустарниковидная ель и наконецъ растительность совершенно исчезаетъ. Тутъ часто встрѣчаешь дикихъ козъ; въ лѣсахъ много медведей, въ скалахъ соколовъ. Деревень нѣтъ, но много разбросанныхъ домиковъ: въ нихъ живутъ «Мошняне», пастухи. Холодно среди лѣта; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ снѣгъ никогда не таетъ, но ледниковъ (glacier, glätcher) нѣтъ; природа дика, сурова, величественна, прекрасна. Здѣсь не услышите ни пѣсней птицы, ни пѣсней человѣка, — человѣкъ гармонируетъ съ окружающею его природой — суровъ, но добръ и честенъ. Вотъ вамъ легкій очеркъ Карпатовъ:

правятся вамъ они, — идите за мною; нѣтъ — ступайте своею дорогою, въ клубъ, или куда сами знаете!

Ноябрь уже былъ на исходѣ; мирные люди, люди ни отъ кого, ни отъ чего не зависящіе, хотѣлъ я сказать, сосредоточивались въ городахъ и плотнѣе кутались въ комнатахъ. Въ Петербургѣ, конечно, стояла выюга на дворѣ и печи топились до бѣлокапильнаго жара, что, какъ вамъ извѣстно, означаетъ высшую степень жара; но въ городѣ, гдѣ я на ту пору жилъ и зѣвалъ, а городъ былъ Букарестъ, стояла теплая и ясная погода и машила въ даль; въ дали же чуть виднѣлась голубая полоса горъ, горъ Карпатскихъ, роскошнѣйшихъ горъ, какія я когда-либо видывалъ въ жизни, а я видывалъ ихъ довольно; горъ, которыя сулили мнѣ столько надеждъ!... Хотя я долженъ былъ ѣхать цѣлымъ караваномъ, однако, сборы были не долги: три экипажа, каждый въ двѣнадцать лошадей, запряженныхъ гу-

семъ, вытянулись отъ моей квартиры въ длину нѣсколькихъ букарестскихъ улицъ и въ ширину каждой изъ нихъ, совершенно запрудивъ собою путь другимъ; арнауты сидѣли на кôзлахъ, держа ружья на отвѣсѣ, какъ здѣсь водится, пугая собою ямщиковъ и смѣша проходящихъ; бичи захлопали оглушительно и поднялся крикъ десятка погонщиковъ, «суруджи,» который слышенъ былъ и среди этого шумнаго бичеванья и среди стука экипажей по мостовой. Мы отправились.

До Плоэшти верстъ семьдесятъ; дорога ровна и скучна. Жители бѣдны и слабы, какъ жители большей части равнинъ Валахін и Молдавіи. Здѣсь еще отзывается городомъ, его болѣзнями и нищетой. Но чѣмъ далѣе отъ Плоэшти въ горы, тѣмъ народъ крѣпче, ловче; довольство какъ мы замѣтили, развивается по мѣрѣ повышения горной полосы. У Бразы представляется вамъ міръ Карпата, отдѣльный, счастливый своимъ уединеніемъ и безмятежною жизнію, населенный людьми, по-

стигающимъ инстинктомъ все величіе окружающей ихъ природы и благословляющими ее за то, что она оградила ихъ отъ вліянія валахскихъ земскихъ властей, «окырмунторовъ» и разныхъ «зопчіевъ», которые показываются здѣсь только изрѣдка, палетомъ.

Плоэшти въ родѣ нашего малороссійскаго порядочнаго городка, но отличается отъ него своимъ азійскимъ духомъ, своею тѣснотой и этимъ вѣчнымъ базаромъ на улицахъ, столь общимъ всѣмъ городамъ Востока. Плоэшти—главный городъ Праовскаго округа, чѣмъ онъ, конечно, долженъ гордиться, потому что далеко нестоитъ своего округа, и мѣстопробываніе окырмунтора, исправника, который, послѣ самаго радушнаго гостепріимства, снабдилъ насъ драбанцами и письмами въ горы. До Бразы — сорокъ пять верстъ отъ Плоэшти—можно ѣхать въ коляскѣ: дорога, пока хороша; но далѣе не совѣтую брать экипажа и лучше ѣхать верхомъ. Оттуда до Кумарника часъ ѣзды,

вдоль русла Право, которую вы должны переѣхать, на этомъ пространствѣ, разъ пятнадцать. Дорога идетъ съ камня на камень, по осыпямъ горъ; несмотря на то, вы встрѣчаете безпрестанно ряды навьюченныхъ лошадей, а иногда и подводы съ тяжестями, потому что здѣсь путь сообщенія, не почтовой, однако соединяющій Валахию съ границею австрійскою, и собственно съ Кронштатомъ, до котораго отсюда часовъ шесть ѣзды.

Скажу нѣсколько словъ о Кумарникѣ, чтобы дать понятіе о томъ, что означаетъ деревню въ горахъ, тѣмъ болѣе, что Кумарникъ можетъ назваться, по преимуществу, деревнею.

Сотни три чистенькихъ, бѣленькихъ домиковъ, съ деревянными кровлями, разсѣяно на большомъ пространствѣ, въ горахъ; почти каждый домикъ стоитъ особнякомъ, каждый обнесенъ садикомъ, состоящимъ преимущественно изъ деревьевъ сливныхъ и волоскихъ орѣховъ, немного грушъ и яблонь, съ грядами куку-

рузы, а иногда и ячменя; въ домикѣ чистота и довольство; широкая нара, устланная самодѣльными коврами или одѣялами и подушками занимаетъ половину комнаты; маленькая печь, которой топка большею частию снаружи, въ сѣняхъ, нѣсколько образцовъ, нѣсколько кухонной посуды. Хозяйка рослая, съ прекрасной таліей, — принадлежностью горныхъ жителей, — съ черными, блестящими глазами — принадлежностью жителей Валахін — хозяйка и всѣ домочадцы женскаго пола ткутъ сукно и пестрядь, для одежды мужской и своей собственной, потому что онѣ, подобно нашимъ Малороссіянкамъ, ходятъ въ шерстяныхъ запасахъ; бѣлая, шитая въ узоръ рубаха дополняетъ ихъ нарядъ. Мужчинъ вы не увидите въ избѣ: благодаря благодатному климату, они всегда на дворѣ, большею частию на работѣ: горы не должны, земли мало; надобно трудомъ дополнять недостатокъ ея. Мужчины въ бѣлыхъ свиткахъ; только лапти, вмѣсто сапоговъ, да подбри-

тые спереди волосы, какъ у Сербовъ и Черногорцевъ, отличаютъ ихъ отъ Малороссiянъ. Грудь ихъ, мощная, обросшая волосами, всегда обнажена въ стужу и въ жаръ: ей такъ легко дышать горнымъ воздухомъ! Воли и воли просятъ она, и какъ высоко цѣнитъ здѣшній житель эту волю, какъ благословляетъ Русскихъ, своею кровію искупившихъ ему свободу, какъ благоговѣетъ передъ именемъ Русскаго Царя, освободившаго его отъ чужеземнаго ига и даровавшаго ему «органическій регламентъ», на которомъ опираются всѣ права края.

До самаго Адрианопольскаго трактата здѣшній крестьянинъ не могъ располагать своею собственностію; на всѣ его произведенія правительствомъ назначались цѣны, которыя доходили до трехъ рублей ассигнаціями за четверть пшеницы и все это отдавалось на откупъ или забиралось правительствомъ, по системѣ Мегмета-Али. Валахскій крестьянинъ и не думалъ о накопленіи своей собствен-

ности и если у него былъ годичный запасъ кукурузы, то онъ считалъ себя счастливымъ человекомъ. Теперь же обыкновенная годичная подать здѣшняго селянина состоить, въ такъ-называемой, десятинѣ, то есть, десятой части всѣхъ его сельскихъ произведеній въ пользу владѣльцевъ земли и государственной подати, простирающейся на одинъ червонецъ, со включеніемъ рекрутскихъ, дорожныхъ и другихъ повинностей; кромѣ того, онъ платитъ за излишекъ земли, если его имѣетъ, а его имѣетъ почти каждый; и сверхъ всего этого работаетъ двѣнадцать дней въ пользу владѣльца. Правда, какъ большая часть имѣній Валахіи находится въ арендѣ и преимущественно у Грековъ, то часто права поселянъ нарушаются; но гдѣ же не бываетъ злоупотребленій власти, а въ Валахіи и Молдавіи, конечно, болѣе, чѣмъ въ другихъ земляхъ, гдѣ временемъ и закономъ упрочены права народа.

Кумарникъ, помѣстье господаря, Би-

беско, доставшееся ему вмѣстѣ съ другими обширными владѣніями за женою, изъ фамиліи Бранковано, одной изъ богатѣйшихъ фамилій въ обѣихъ княжествахъ. Мы приѣхали въ Кумарникъ вечеромъ. Молодая луна ярко освѣщала и чистенькой, бѣло-на-бѣло выкрашенный деревянный господарскій домъ, и широкій дворъ, обнесенный небольшими пристройками и загородами, и всю картину, рисовавшуюся на немъ во фламандскомъ вкусѣ: два три горныхъ пастуха, въ шляпахъ съ широкими тульями, облокотившись на свои посохи, съ изумленіемъ глядѣли на толпу всадниковъ; нѣсколько собакъ лаяли изъ-дала, какъ-бы недоумѣвая, что имъ дѣлать при видѣ небывалыхъ пришельцевъ; усталые, безмятежно лежавшіе быки приподняли свои головы; все было въ вечернемъ сборѣ и все съ любопытствомъ глядѣло на насъ. Арендаторъ—Грекъ стоялъ на крыльцѣ. Послѣ обычнаго привѣтствія, онъ ввелъ насъ въ комнаты, уютныя и убранныя

по въ которыхъ отзывалось еще сыро-
стію, несмотря на яркій огонекъ въ пе-
чи, потому что онѣ оставались долго не-
жилыми; только князь занималъ ихъ во
время своихъ рѣдкихъ пріѣздовъ. Долго
раздавался шумъ моего поѣзда на дворѣ,
долго суетились въ комнатѣ домочадцы,
укладывая мои вещи и заботясь о нашемъ
ночномъ пріютѣ; наконецъ, мало-по-малу,
все пришло въ порядокъ; подали кипя-
щій самоваръ и хозяева, примѣтивъ, что
бесѣда ихъ начинается мнѣ надоѣдать,
удалились.

Ухъ, какъ легко! Теплота уже разли-
валась въ комнатѣ; отрадная влага чая
оживляла истомленные трудной дорогой
мои члены; за окномъ шумѣла и кипѣла
Права, вырвавшаяся изъ горныхъ уще-
лій и яростно несущаяся впередъ, какъ
голодная львица; а мой самоваръ ворко-
валъ мнѣ про радости домашней жизни, про
мирный кровъ. На дворѣ, противъ окна,
высплась грознымъ великаномъ покры-
тая снѣгомъ, какъ гробовымъ саваномъ,

конусообразная гора Плѣшува и шумѣла и качалась покрытая пнеемъ дубовая трущоба, сверкая кристаллами снѣга и переливаясь лучами мѣсяца; а въ уютной комнатѣ было свѣтло, на душѣ легко, тѣлу такъ покойно, мыслямъ такъ раздольно — роились и улетали онѣ свѣтлымъ хоромъ... Мудръ тотъ человѣкъ, кто умѣетъ опредѣлить себѣ цѣль въ жизни и терпѣливо идетъ къ ней черезъ камни и болота; великъ, кто имѣетъ столько силы духа, столько твердости характера, чтобъ достигнуть ея,—но гораздо мудрѣе, гораздо выше тотъ, кто умѣетъ уловить минуточку счастья, потому что счастье дается не произволомъ людей, не состоитъ подъ расчетомъ ихъ мудрости, а приходитъ ненарокомъ, неожиданное, и уносится быстро, невозвратно.... Чѣмъ болѣе я скитаюсь по свѣту, тѣмъ нахожу правильнѣе сравненіе жизни человѣческой съ вѣчнымъ странствованіемъ, и особенно по дорогамъ Россіи и въ Киргизской степи. — Оставимъ вторую, какъ

мало извѣстную для читателей, потому что я могъ дать только темное о ней понятіе, и скажемъ о первой. Здѣсь, то есть въ Россіи, путешественникъ страдаетъ во всѣ времена года: зимою онъ пыряетъ изъ ухаба въ ухабъ, дивясь только, какъ душа не выпадетъ изъ тѣла; лѣтомъ грузнетъ въ сыпучемъ песку; весною тонетъ въ разливахъ рѣки, а индѣ такъ грядется объ паромъ, что не только коляска, кости трещатъ; осенью, Боже мой, осенью!.. Куда же вѣчно спѣшитъ бѣдный странникъ? Зачѣмъ такъ торопитъ смотрителей и гонитъ ямщиковъ? Не то ли самое ждетъ его и впереди? Не тѣ ли муки на привалахъ: самый воздухъ почтовыхъ станцій, какъ вамъ извѣстно, убійственъ. И такъ терпѣніе и терпѣніе, добрый путникъ! А если случайно встрѣтишь на пути уютный и теплый пріютъ,—скорѣй съ себя одежду, пользуйся минутой покоя, пока всемогущая нужда не потребуетъ тебя снова въ дорогу,

Мирныя мысли навѣвали дремоту на отяжелѣвшіе глаза мои (какъ, можетъ-быть, и на ваши, добрый читатель) и я едва дошелъ до постели, какъ сонъ склонилъ меня, сонъ крѣпкій и безмятежный. Вдругъ слышу, кто-то меня будить; протираю глаза и едва вѣрю тому, что вижу, при слабомъ свѣтѣ догорающихъ въ печкѣ углей. Тощая, полу-раздѣтая человѣческая фигура сидѣла на краю моей постели; лице ея было блѣдно, но кротко; глаза мутны, но не зловѣщи и умильная улыбка, которая такъ убѣдительно ручалась за незлобныя намѣренія пришельца, не сходила съ устъ его.

— Не обезпокоилъ ли я васъ? сказалъ мой ночной посѣтитель, по-французски, тихимъ голосомъ.

— Странный вопросъ!

— Но мнѣ до васъ крайняя нужда.

— А, это другое дѣло! Говорите, чѣмъ могу служить вамъ?

— Вы изъ Аѳинъ?

— Нѣтъ, изъ Петербурга.

— Все-равно. Петербургъ греческая колонія, и вамъ, вѣрно, извѣстны всѣ новости нашей всемірной столицы, а эта новость громовымъ ударомъ раздалась въ свѣтѣ.

Я смотрѣлъ на незнакомца, какъ говорится, во всѣ глаза.

— У насъ говорятъ, что умеръ Сократъ, и умеръ въ темницѣ, и умеръ осужденный; если это правда, то на свѣтѣ нѣтъ правды.

— Какой Сократъ?

— Какой! Мужъ Ксантиппы, сынъ Софрониска и Фенареты, свѣтило міра, величайшій мудрецъ нашего времени.

— Вашего времени!—Умеръ, и очень давно, такъ, лѣтъ за четыреста до Рождества Христова. Я отворотился къ стѣнѣ и уже начиналъ дремать, между-тѣмъ какъ потокъ непритворныхъ сокрушеній лился изъ устъ моего посѣтителя.

— Еще два слова, сказалъ онъ съ невыразимымъ страданіемъ, которое заставило меня опять оборотиться къ нему ли-

цемъ. — Живъ ли любимый ученикъ Сократа, мой единственный другъ — и онъ сказалъ какое-то тарабарское имя.

— Живъ и приказалъ вамъ кланяться. — Съ этимъ словомъ, я натянулъ себѣ на голову одѣяло.

— Такъ онъ не забылъ меня! О, вы оживили меня, и я, успокоенный, оставляю васъ, — если только вамъ это не противно.

— Ни сколько, ни сколько, откликнулся я, изъ-подъ одѣяла и едва только слышалъ шорохъ удаляющихся шаговъ, вскочилъ съ постели и заперъ на-замокъ двери за незванымъ гостемъ.

На другой день встрѣтилъ я въ хозяйской семьѣ и своего ночнаго посѣтителя. Онъ былъ молчаливъ; тоска и мука изображались во всѣхъ чертахъ его блѣднаго и изпуреннаго лица.

— Что съ нимъ? спросилъ я сына арендатора.

Тотъ обвелъ указательнымъ пальцемъ вокругъ головы: знакъ очень понятный!

— Онъ очень страдаетъ?

— О, да! и помѣшательство его тѣмъ болѣе жалко, что обнаруживается одною глубокою меланхоліей, которая сохранила въ немъ самопознаніе бѣдствія. Онъ рѣдко говоритъ, но изъ немногихъ словъ его видно, что онъ считаетъ себя и всѣхъ насъ жильцами древнихъ временъ и никакъ не признаетъ нашего девятнадцатаго, по Рождествѣ Христовѣ, вѣка.— Тутъ молодой человѣкъ разсказалъ мнѣ въ многихъ словахъ его исторію.

Этотъ несчастный былъ родной племянникъ арендатора, сынъ ученаго, извѣстнаго въ Букарестѣ и у насъ въ Россіи доктора Ф. Онъ кончилъ воспитаніе свое въ Парижѣ; но когда нить его умственныхъ занятій оборвалась, вмѣстѣ съ послѣднимъ экзаменомъ, не удерживаемый ею, Ф. предался, со всѣмъ жаромъ школьника, упоенію парижской жизни; не подготовленный разсудокъ его сокрушился въ вихрѣ свѣта; вскорѣ настала пора разочарованія сердечнаго и

умственного, а за нею глубокая меланхо-
лія... Жалкій, но вѣрный оттискъ наше-
го вѣка!

Днемъ картины предстали нашимъ гла-
замъ отчетливѣе; правда, не было этой
таинственной неопредѣлительности и тре-
петныхъ тѣней ночи, въ которыя робко
и невольно всматривается глазъ и како-
го-то невнятнаго говора, къ которому
прислушивается душа, за то панорама бы-
ла шире и величественнѣе. [Съ Плѣшу-
вы, которая какъ вѣрный стражъ стоя-
ла надъ Кумарникомъ, по ту сторону рѣ-
ки Праово, съ Плѣшувы, на югъ, въ под-
зорную трубку видна была безпредѣль-
ная даль, равнина, обнимающая Бука-
рестъ; окрестъ, какъ волны, вздымались
горы; но на сѣверѣ, Бучечъ, одна изъ вы-
сочайшихъ горъ Карпата, ревниво засло-
няла отъ насъ видъ на Трансильванію.
Мы рѣшили подняться на вершину Бу-
чечи, или по-крайнѣй-мѣрѣ до того пунк-
та на ней, который былъ достижимъ.
Вершина же оканчивалась обрывистымъ

утесомъ, на которомъ не могъ держаться снѣгъ и посреди зимы: какъ духъ тьмы возставалъ этотъ утесъ на бѣломъ полѣ снѣговъ.

Бучечь стоитъ на границѣ Валахіи и Трансильваніи; переночевавъ въ Синаѣ, большомъ монастырѣ, отстоящемъ за четыре часа отъ Кумарника, мы начали подниматься на Бучечь. Снѣгъ становился глубже; едва прикрытый топкою ледяной корой, онъ мѣстами недерживалъ насъ и мы грузли и падали; панорама горъ разстилалась шире и величественнѣе; казалось, вотъ горизонтъ замыкалъ ее, но по мѣрѣ возвышенія нашего, онъ отступалъ—и новые дѣйствители, новые гиганты являлись на сцену. Тамъ ущелье черной змѣей лежало на бѣлой равнинѣ, тутъ обнаженная отъ своей зелени дубрава казалась сплывшимъ озеромъ; туманы плавали то въ разрѣзѣ горы, вѣщаясь ея лучезарной главой, то поверхъ ея, свиваясь и развиваясь по волѣ вѣтровъ. Глухой гулъ казался величественнымъ гово-

ромъ природы. Все было мощно, дивно, громадно! Шиллеръ сказалъ: даже въ дѣтской затѣи кроется иногда глубокий смыслъ; какая жъ мысль скрывается въ этомъ гигантскомъ, чудно-грамоническомъ созданіи!...

Мы обогнули послѣднюю маковку, заслонявшую отъ насъ пикъ Бучечн. Туманы становились гуще, воздухъ сырѣе; солнце заволокло толстою пеленой; холодъ проникалъ до костей. Цѣль была въ нашихъ глазахъ, хотя чуть видна въ туманѣ;—терпѣніе, терпѣніе! Мы утѣшались тѣмъ, что въ эту пору были, конечно, одни на такой высотѣ и горько ошибались, какъ ошибаются большею частію люди въ пылу своей самонадѣянности: тутъ же шелъ человѣкъ, съ обнаженной головой, съ открытой грудью; обрывки тряпья прикрывали его плечи и руки, а избитые лапти, чуть держались на ногахъ. Это была одна изъ живописнѣйшихъ фигуръ нищеты, какія когда-либо мнѣ случалось видѣть. Обнаженный че-

репъ головы возвышался круто къ вер-
ху и изобличалъ его породу; морозная
пыль блестѣла на немъ; клоки волосъ у
висковъ и курчавая борода развивались
вѣтромъ; черные глаза металн искры еще
непотухшаго внутренняго огня и казались
еще чернѣй подъ сѣдыми, нависшими бро-
вями. Смуглое, морщинистое лицо носило
выраженіе горя и заботы; это была фи-
гура, годившаяся въ любой романъ Валь-
теръ-Скотта и въ любую картину Рем-
бранта. Старикъ шелъ, опираясь на по-
сохъ, и видимо направлялся къ намъ.
Мы приостановились.

— Не видали ль вы женщины? спро-
силъ онъ.

— Нѣтъ.

— Встрѣтите, — скажите, что отецъ
ищетъ ее.

Мы было-сдѣлали ему нѣсколько во-
просовъ, въ свою очередь, но онъ уда-
лился, не слушая насъ.

— Я вернусь назадъ, не могу дальше

пттп, — воскликнулъ Радованъ, одинъ изъ арнаутовъ, сопровождавшихъ насъ.

Я привыкъ къ его дерзкимъ выходкамъ, но эта вывела меня изъ терпѣнія; я зналъ, что не физическая слабость заставляетъ его отказываться отъ путешествія, а одно своеволие.

— Такъ пойдешь черезъ-силу, отвѣчалъ я.

— Я не хочу пттп.

— Пойдешь, противъ воли.—И я приказалъ ему пттп впереди, чтобы онъ не скрылся отъ насъ. Не повиноваться было нельзя. Радованъ стиснулъ зубы и, едва удерживая кипѣвшій гнѣвъ, пошелъ впередъ.

Страннымъ случаемъ достался мнѣ этотъ Радованъ и много горя перелесли мы изъ-за него.

Въ Яссахъ, на второй день послѣ моего прїѣзда въ городъ, былъ я въ театрѣ и оттуда принужденъ былъ возвратиться пѣшкомъ. Яссы перепутанъ въ своихъ улицахъ и переулкахъ пуще другихъ

восточныхъ городовъ, а извѣстно какъ
правильны всеѣ они. Мнѣ нужно было
проходить то черезъ церковной дворъ,
населенный могилами, то узкими перехо-
дами, въ родѣ корридоровъ, то подъ
темнымъ навѣсомъ лавокъ, и потому не-
мудрено, что я, въ скоромъ времени, очу-
тился въ такомъ лабиринтѣ, что нужно
было аріаднину нить, чтобы выйти изъ
него.

А на дворѣ стояла ночь ноябрьская, ко-
торая здѣсь не многимъ уступаетъ петер-
бургской июльской ночи; мелкій, но спо-
рый дождикъ дребезжалъ въ окна и пле-
скался въ лужахъ, которыя уже стояли
на улицахъ и наводили особенное уны-
ніе; сырой вѣтеръ проникалъ до костей,
трясь пристакала комьями къ погамъ,
уже источеннымъ долгимъ шествіемъ;
фонари сверкали, какъ гнилушки, въ тем-
нотѣ этой холодной ночи. По бокамъ тя-
нулись широкіе ставни, запертыхъ тор-
говыхъ прилавковъ, по которымъ я на-
прасно силлся припомнить свое настоя-

Ср

*

шее положеніе: легче было бы мореходцу по волнамъ узнать, подъ какой широтой находится его корабль. Вообще было очень непріятно, и я въ раздумьѣ пріостановился; вдругъ слышу какіе то звуки, какое-то невнятное ворчанье, не то чело-вѣка, не то собаки, но въ это время я радъ бы былъ встрѣтить хоть собаку. Вглядываясь болѣе, я замѣтилъ что-то сѣрое, плотно прижавшееся къ стѣнѣ, такъ, что это можно было принять за часть самой стѣны, если бы оно по временамъ не шевелилось. Я подошелъ къ таинственному существу, — чело-вѣкъ! но что это былъ за чело-вѣкъ! На немъ была только личина чело-вѣка, а ни одного изъ его свойствъ, — до того онъ былъ пьянъ; я съ горемъ глядѣлъ и думалъ, на какомъ бы языкѣ добиться отъ него толку; кому жъ быть до такой степени пьянымъ, какъ не земляку, счастливому тѣмъ, что пѣтъ винаго откупа, и дѣйствительно, по его рѣзкимъ восклицаніямъ, я легко узналъ, что это былъ Рус-

скій. «Знаешь гостинницу Петербургъ?»
Знаю, произнесъ онъ наконецъ. — Такъ ве-
ди же меня туда, — и несчастный привелъ
прямо къ кабаку, — на столько смыслу у
него еще сохранилось. Напрасно стучалъ
я, чтобы вызвать кого-нибудь и порас-
просить, хоть жестами о пути своемъ;
никто даже не откликнулся. Я оглянул-
ся кругомъ, — совершенная трущоба!
тутъ не было даже фонарей. Въ отчая-
ніи я сѣлъ на при-пзбу и рѣшился ждать
разсвѣта подъ дождемъ и всякой непого-
дой. У ногъ моихъ барахтался пьяный
мой вожатый, произнося, по временамъ,
разныя слова, которыя такъ свойствен-
ны русскому человѣку, въ его положеніи.
Въ это время нѣвдалекѣ послышался го-
воръ; я вскочилъ и направилъ туда уско-
ренные шаги. Передъ мною мелькну-
ло нѣсколько тѣней; говоръ былъ внят-
нѣе... раздался женскій крикъ, стукнула
калитка сосѣднихъ воротъ и все смолкло.
Я очутился позади двухъ вооруженныхъ
людей, которыхъ, нельзя было не

узнать по одеждѣ: это были арнауты, а потому вооруженіе ихъ не очень удивило меня: непонятнымъ казался крикъ женщины; но меня слишкомъ занимало собственное положеніе, чтобы заботиться о постороннихъ предметахъ. Мнѣ нужно было разузнать дорогу и я отправился за арнаутами. Звукъ знакомаго языка доходилъ до меня и заставилъ вслушаться въ разговоръ. Арнауты говорили по-сербски.

— Ужъ не лучше ль было совсѣмъ отдѣлаться отъ нея, сказалъ одинъ изъ нихъ?

— Я было думалъ, да стало жаль, отвѣчалъ другой.

— Что же ты теперь будешь дѣлать? вѣдь оставаться долѣе здѣсь нельзя.

— Самъ знаю.

— Какъ же, Радованъ?

— А вотъ, возьми эти деньги, послѣднія, отдай ихъ бѣдной майкѣ, (матери) да эту шубу, пускай прикроетъ старыя кости; ей и прежде было мало отъ меня

пользы, а теперь и по-давна. А умреть—
закрой ей глаза и заплати за панихиду.

— Сдѣлаю, объ этомъ не думай. Да
ты-то что?

— Говорятъ, у насъ въ Сербіи бой;
кто за Александра Кара-Георгіевича,
кто за молодаго Обриновича: къ какимъ-
нибудь пристану и я.

— Поздно; порѣшили миромъ.

Погибай они съ своимъ миромъ! Такъ
пойду куда глаза глядятъ.

— Ну, такъ ступай съ Богомъ.

— Прощай, Янко!

— Прощай Радованъ.

— Не забудь майки. Крестъ, что бла-
гословила меня, я оставилъ на божницѣ:
серебряный, денегъ стоитъ, скажи ей
это.

— Такъ возьми мой, деревянный.

— Спасибо. — И Радованъ перекре-
стился, поцѣловалъ крестъ и сталъ его
надѣвать себѣ на шею. Нечего было до-
лѣе медлить, я подошелъ къ арнауту.

— Не по пути ль намъ? спросилъ я

его по сербски; мнѣ нужно въ гостиницу «Петербургъ,» да не попаду: сбился съ дороги.

— Пойдемъ.—Друзья разстались и я въ сопровожденіи Радована отправился въ путь. Мы шли молча и наконецъ достигли желанной цѣли. Радованъ за мной вошелъ въ комнату; онъ наблюдательнымъ глазомъ оглядѣлся вокругъ и не могъ не замѣтить, что все уже было уложено въ дорожныя сундуки.

— Вотъ тебѣ за труды, сказалъ я, обращаясь къ нему.

— Послѣ отдашь.

— Какъ послѣ?

— Когда-нибудь; я поѣду съ тобою.

— А зачѣмъ ты мнѣ?

— Стану служить.

— Мнѣ нечѣмъ будетъ платить за твою службу, сказалъ я, желая какъ-нибудь отъ него отдѣлаться.

— Буду служить безъ денегъ. Послушай, возьми меня, пожалуйста, съ собой: я христіанинъ, прибавилъ онъ та-

кимъ тономъ, отъ котораго сердцу стало больно. Въ этомъ голосѣ отражалось и уязвленное честолюбіе, которое должно было низойти до просьбы и вся безнадежность своего горькаго существованія.

— Ну, такъ съ Богомъ! Только до разсвѣта будь готовъ.

— Я готовъ, и буду здѣсь почевать.

Обращаюсь къ прерванному разсказу.

На небѣ нѣсколько просвѣтлѣло, пикъ на минуту проглянулъ и что-то странное, движущееся, показалось на вершинѣ его. Радованъ остановился, прищурилъ глаза, всмотрѣлся въ предметъ, потомъ приложился къ ружью и сталъ цѣлится.

— Что тамъ такое? спросилъ я.

— Дикая коза, отвѣчалъ Радованъ.

— Человѣкъ! воскликнулъ другой, бывшій съ нами арнаутъ и вышибъ ружье изъ рукъ Радована. Не прицѣленный выстрѣлъ раздался, но неразгаданное нами существо оставалось на прежнемъ мѣстѣ и какъ бы висѣло въ туманахъ.

Околѣй проклятый, прошепталъ сквозь

зубы Радованъ, замахнувшись на арнаута ружьемъ.

— Что за бѣшенство овладѣло имъ сегодня?

— Знаетъ кошка, чье мясо съѣла, отвѣчалъ арнаутъ Нико, отстраняясь отъ удара. Не одобровать тебѣ Радованъ; умереть отцовскою смертию.

— погоди, умрешь прежде меня, да еще собачьей смертию.

Мы сдѣлали еще нѣсколько шаговъ впередъ, какъ вдругъ, таинственное существо, стоявшее на вершинѣ утеса, спустилось съ него съ легкостію лани и черезъ пашни и кустарникъ и по глубокому снѣгу несло прямо на встрѣчу намъ.

Полунагая, дикая, гибкая, быстрая, вся огонь, вся отчаяніе, съ глазами искрометными, съ распущенными волосами, истерзанная, окровавленная, предстала передъ нами женщина и припала къ рукѣ Радована.

— А, ты здѣсь, ты здѣсь! вопила она; сама судьба привела тебя сюда; сама судьба отдаетъ тебя мнѣ; такъ ты не станешь идти наперекоръ судьбы; ты останешься здѣсь со мною, въ горахъ, или уведешь меня къ себѣ въ городъ. Не выпущу,—кричала несчастная, которую съ силой оттолкнулъ Радованъ, освободивъ свою руку, — вцѣпилась въ его платье и волоклась за нимъ. Судорожно держалась она за него, какъ за свою послѣднюю надежду, какъ погибающій въ волнахъ, держится за попавшуюся ему доску; напрасно арнаутъ толкалъ ее въ грудь ногою, она была безчувственна къ боли; тѣло ее замерло для мукъ, одна душа болѣла и болѣла невыразимо. — И самая смерть сжалась надо мною; такъ сжался же и ты. Помнишь ту ночь, въ Яссахъ, когда полу-живую втокнулъ ты меня въ чей-то дворъ, и заперъ калитку; только внутри я очнулась и очнулась на бѣду; вокругъ меня были люди, звали меня притворщицей, воровкой, били, му-

чили и выбросили, какъ собаку, за ворота: я осталась тогда одна-оди́нѣхонька въ свѣтѣ.... Я увидѣла тебя послѣ, когда ты садился на козлы какого то экипажа, протягивала къ тебѣ руки, гналась за тобой, умоляла, ты не сжался... Сжался жъ хоть теперь!

— Отстань отъ меня! закричала Радованъ и, истощая всѣ усилія, чтобъ освободиться отъ нея, уже занесъ-было надъ нею прикладъ ружья. Несчастная не отшатнулась: она только прикрыла рукою свои глаза, какъ-бы для того, чтобы не видѣть страшнаго удара смерти. Дыханіе замерло въ груди ея. Но люди мои удержали ударъ и страдальца снова ожила для бѣдствій, и грудь ея всколебалась пуще прежняго и потокъ слезъ и потокъ рѣчей, полныхъ скорби и отчаянія, лился неудержимый, билъ ключемъ.

— Убей, убей! кричала она: пусть умру у ногъ твоихъ: съ меня и того довольно, и то мнѣ радость! А если ты улыбнешься мнѣ на прощанье, моя кра-

са, мое счастье, я съ того свѣта буду приглядывать за тобою; буду стеречь тебя отъ злой бѣды, отъ чернаго недуга, отъ измѣны твоей голубицы.

— Прочь! говорилъ остервенѣлый арнаутъ: а вы, за кого заступаетесь, это собака, это Цыганка!...

Надобно звать все омерзение здѣшнихъ людей къ цыганамъ, чтобы понять вполне силу этихъ словъ.

— А! теперь ты говоришь, что я Цыганка; а что говорилъ, когда я жила въ Букарестѣ? И ясной лебедицей, и горлицей, и непаглядной своей и неразлучницей величалъ меня, — теперь я тебѣ собака, хуже, — постылая Цыганка; а что говорилъ, когда надъ тобой, больнымъ, просиживала я безсонныя ночи, а дни проводила въ трудѣ, чтобы выработать тебѣ покой и пищу? Что говорилъ, когда приклоняясь ко мнѣ лицомъ, прокаженный, злою немочью, ты отдыхалъ отъ недуга. А я все была та же, была Цыганкой!.. И скулистое, смуглое лицо ея вы-

ражало то отчаяніе, то мольбу, то надежду.

Непостигаю, какъ могла вообразиться мнѣ въ эту минуту женщина свѣтская, небрежно раскинувшаяся въ своемъ кабинетѣ, окруженная зеленью среди зимы, роскошью, въ благоухающей атмосферѣ, сіяющая при обманчивомъ свѣтѣ большого китайскаго фонаря, вздѣтаго на жалѣ змѣи или на клыкѣ посорога, пластическою, холодною, полупскуственною красотою, женщина, высказывающая избраннику своего сердца, — положимъ хоть и не мужу, — тайну своей любви, такъ осторожно, такъ прилично, мѣрно, что не знаешь чему больше удивляться, ея уму или ея скромности... Цыганка своею дикою любовью напомнила мнѣ эту женщину; значить, самыя крайнія противоположности имѣютъ въ себѣ точки сближенія: такъ два минуса даютъ плюсь.

Несчастливая билась на снѣгу, поалѣвшемъ отъ ея крови.

Мнѣ стала невыносима предстоявшая сцена. Ясно было, что эта Цыганка—дочь встрѣтившагося намъ старика, и я отправилъ ее, почти безчувственную, къ подошвѣ горы, куда пошелъ старикъ и гдѣ черными пятнами виднѣлись три, четыре цыганскія землянки, какъ заброшенныя могилы, и было душно и темно въ нихъ, какъ въ могилахъ: тамъ обитала нагая нищета, а тупая, бессмысленная покорность нищетѣ ужаснѣе самой отчаянной борьбы съ нею.

Между-тѣмъ началъ порошить снѣгъ: онъ становился сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ вершинѣ Бучечи. Совсѣмъ стемнѣло, а день былъ еще высоко. Надо было искать убѣжища, чтобы въ потемкахъ не сорваться гдѣ-нибудь съ утеса, или не погрузнуть въ снѣгу. Мятель въ горахъ ужасна! Вѣтеръ вылъ, ударяясь въ утесы, и стоналъ, прорываясь черезъ дебри.

— Далеко ли до Спная?

— Часа три, и не по теперешней погодѣ.

До цыганскихъ землянокъ было ближе, по грустно и больно было провести тамъ ночь; притомъ же я боялся новой сцены со стороны моего Радована.

— А гдѣ же монастырь Пещера, о которомъ вы мнѣ говорили? Онъ гдѣ-то недалеко.

— Недалеко и есть, да его на зиму заноситъ весь снѣгомъ, такъ что ни въ него никто не попадетъ, ни изъ него никто не выйдетъ.

— Ну, отвѣчалъ другой проводникъ: зима-то еще не глубокая, можетъ-быть и не замело его; держите только все правѣй.

Мы шли да шли; то грузли по колѣно въ снѣгу, то пробирались по голымъ осыпямъ или чащею и валежникомъ. Вдругъ передовой вожатый остановился и, пощупавъ палкою, а потомъ ногою что-то чернѣющее, — исчезъ такъ быстро, что никто изъ насъ и не примѣтилъ.

«Дома!» кричалъ онъ изъ-подъ ногъ нашихъ, и голосъ его отдавался, какъ изъ могилы. Другой вожатый смѣлся во все горло надъ нашимъ недоумѣніемъ.

— Ну, вотъ вамъ и Пещера! говорилъ онъ; а вправду сказать, больше на медвѣжью берлогу похоже, чѣмъ на монастырь.— Что же вы стоите? спускайтесь скорѣе, пока ее совсѣмъ не занесло снѣгомъ; не бойтесь, не глубоко и не ушибетесь, и онъ, прочистивъ ногою отверстіе, котораго мы до того и не примѣтили, спустился въ подземелье; за нимъ послѣдовали и мы.

Никогда не забуду я зрѣлища, которое представилось глазамъ моимъ въ ту пору. Нѣсколько человѣкъ, такъ чудно вошедшихъ со мною въ это святое убѣжище, заслоняли собою скудную струю дневнаго свѣта, стоя у входа, если можно назвать входомъ отверстіе, въ которое мы вошли и которое мало-по-малу опять заносилось снѣгомъ. Только лампада, висѣвшая передъ небольшою бож-

ницей, служившей церковью, и другая, вдали, освѣщали великолѣпіе и убожество этого жилища. Шла вечерня; одинъ монахъ отправлялъ ее, трое другихъ благоговѣйно молились и не обращали вниманія на нашъ неожиданный приходъ. Это было все населеніе пещеры, которая, то подымаясь великолѣпными, на сталактитовыхъ колонахъ уставленными куполами, то изгибаясь темными, длинными коридорами и опять раскидываясь широкою площадью, терялась въ неизвѣданномъ пространствѣ, и могла вмѣщать въ себѣ, и нѣкогда вмѣщала, многія тысячи людей, какъ свидѣлствуютъ преданія, какъ говорятъ еще уцѣлѣвшіе человѣческіе кости и нѣкоторыя искусственныя приделки въ самыхъ дальнихъ углахъ пещеры. Душа благоговѣйно трепетала въ этомъ чудномъ храмѣ и въ такую торжественную минуту. Эти черныя, волнистыя тѣни и кристаллическія блески, являвшіяся на куполѣ пещеры, по волѣ лампаднаго свѣточа, колеблемаго поры-

вомъ вѣтра, казались чѣмъ то живымъ и наводили невольный страхъ.

Вечерня шла на валахскомъ языкѣ, но напѣвъ и многія слова напоминали намъ славянскій текстъ ея. Вѣрно, давно мы не молились такъ искренно, какъ въ то время!... По окончаніи вечерней молитвы, добрые иноки не безъ удивленія обступили насъ. Мы сказали причину нашего посѣщенія и, загнанные непогодой, просили убѣжища на ночь.—Располагайте этой обителью, какъ собственнымъ жилищемъ, сказалъ со всевозможнымъ радужіемъ старшій изъ иноковъ: но не взыщите за скудность ея.—Скудность! А какой зодчій могъ бы воздвигнуть столь чудные чертоги! Если же монахъ разумѣлъ скудность жизненныхъ средствъ своихъ, то онъ былъ совершенно правъ: не смотря на то, что припасы были заготовлены на всю зиму, потому что монахи уже прекратили сообщеніе свое со свѣтомъ, до весны; не многимъ можно было отъ нихъ поживиться. Люди мои ми-

гомъ разложили большой огонь. Между-
тѣмъ, какъ они хлопотали около чайника,
необходимой походной принадлежности
Русскаго, монахи обѣли вокругъ меня
близъ привѣтнаго огня. Разговоръ всего
прежде склонился на Церковь. Само со-
бою разумѣется, что Валахи слѣдуютъ
тѣмъ же правиламъ и обрядамъ право-
славнаго Богослуженія, какъ и мы. Цер-
ковныя книги ихъ переведены только въ
началѣ семнадцатаго вѣка; до того же
времени Богослуженіе отправлялось на
славянскомъ языкѣ, на которомъ писаны
были и всѣ акты княжества. Въ немно-
гихъ монастыряхъ Богослуженіе отправ-
ляется на греческомъ языкѣ. Христіан-
ство въ Валахіи введено гораздо прежде,
чѣмъ въ другихъ земляхъ, далѣе отстоя-
щихъ отъ его благодатнаго источника.
Еще въ 325 году, Дакскій епископъ Ни-
кита, бывши на Соборѣ Никейскомъ, удо-
стоился тамъ назначенія апостола, или
гласителя Слова Божія въ Ренезею, ны-
нѣшній Банатъ; онъ соорудилъ нѣсколь-

ко церквей и христiанство распростра-
нялось вокругъ него, какъ свѣтъ отъ сол-
нечнаго луча; но въ послѣдствіи религія,
языкъ, на которомъ исповѣдывалась она,
самый быть народа былъ подавленъ,
сглаженъ разрушительнымъ дѣйствіемъ
обстоятельствъ. Первый митрополитъ
Валахіи былъ Нифонъ, нѣкогда митро-
политъ константинопольскій, но потомъ
опальный, ссыльный, освобожденный вое-
водою Радулемъ, прославленнымъ исто-
ріею Валахіи, подъ именемъ Великаго. Ни-
фонъ былъ достойный сподвижникъ Ра-
дуля и положилъ здѣсь краеугольный ка-
мень вѣры.

Нынче въ Валахіи считается всѣхъ мо-
настырей и метоховъ (младшихъ, подчи-
ненныхъ монастырей) до 250. Нельзя не
сознаться, что это не пропорціонально-
большое число монастырей, владѣя мно-
жествомъ богатыхъ земель, рѣкъ и озеръ,
истощаетъ финансовыя средства княже-
ства; особенно обременительны для него
тѣ монастыри, которые принадлежатъ на-

тріархамъ антїохійскому, іерусалимскому и другимъ; всѣ доходы этихъ монастырей отправляются къ ихъ владѣльцамъ, за границу княжества, а эти доходы огромны!

Несмотря однако на богатство монастырей, большіе долги тяготѣютъ на нихъ, и эти долги выросли не отъ излишней ревности къ благолѣпію церквей и украшенію монастырей, но единственно потому, что настоятели ихъ, игумены, епископы, сами митрополиты, принуждены были покупать свои мѣста, и для того занимали большія суммы, а чрезмѣрные проценты, которые здѣсь и нынче въ общемъ ходу, увеличивали эти долги, и довели многіе монастыри до того, что они принуждены были продать лучшія свои земли. Должно однако надѣяться, что столь бѣдственное состояніе монастырскихъ имѣній, хотя нѣсколько, измѣнится при настоящемъ порядкѣ вещей.

— А какъ велики ваши владѣнія и какъ велики долги на нихъ? спросилъ я, шу-

тя, монаха, когда разговоръ началъ спадать на предметы общежитія.

— Долговъ, благодаря Бога, нѣтъ, а помѣстья не велики: одна покатошь этой горы, да приписныхъ къ ней три цыганскихъ лачуги; вы ихъ вѣрно замѣтили отсюда. Цыганъ-то было по-больше, да молодежь разбрелась, остались старпки и дѣти.

— Такъ женщина, что мы видѣли на самой вершинѣ...

— А, это, вѣрно, бѣдная Оприна! сказалъ монахъ такимъ голосомъ, изъ котораго замѣтно было, что ему извѣстно кое-что и изъ свѣтскаго быту.

— Какъ же можно въ такую пору, одной, на такой высотѣ!

— Что же будете дѣлать? Ужъ это не въ первый разъ; и я говорилъ отцу ея, — такъ не въ его, видите, волѣ.

— Странно!

— Тутъ цѣлая исторія. Оприна жила въ городѣ у бояръ; тамъ, прости Госпо-

ди, и сошлась съ какимъ-то арнаутомъ, да вѣдь знаете, арнауту что въ женѣ! Ему нужна воля, а не жена; онъ ее и бросилъ. Бѣдняжка вернулась къ отцу, къ матери. Отецъ бы ничего, подѣ-часъ еще прикроетъ ее отъ матери; да мать—бѣда! только и знаетъ что неволить дочь къ работѣ, а бѣдная за горемъ ни какой работы не сможетъ, на мѣстѣ не усидитъ, бьется, ноетъ, да и только; исчахла какъ щепка по своемъ сердечномъ, прости Господи! Вотъ какъ наступилъ холодъ, мать со злобы и стала посылать ее за валежникомъ; а та рада-радехонька, что изъ избы вонъ, и бродитъ, въ чемъ видѣли, по горамъ, да таскаетъ, что есть силы, дрова къ шалашу: горе смотрѣтъ на нее! Хоть и соблазнъ; а иногда не утерпишь послать къ ней съ цыганенкомъ кусокъ хлѣба, состраданія ради. Да и лапти-то мы ей выслали.—Недобрь ѿ арнаутъ! Тяжкій грѣхъ. Хоть она и Цыганка, да все же человѣкъ. Господи, прости ихъ! И старикъ поднялъ кверху глаза,

какъ бы испрашивая прощенія преступнику и его жертвѣ.

Я посмотрѣлъ на Радована; глаза всѣхъ были обращены на него; онъ ясно понималъ этотъ безмолвный укоръ, и сидѣлъ какъ на раскаленныхъ угляхъ.

— Да отстанете ль вы отъ меня, воскликнулъ онъ наконецъ: и будетъ ли мнѣ покой?

— Не будетъ, ни здѣсь, ни тамъ, если ты не справишь вины своей передъ Господомъ! произнесъ торжественно и пророческимъ голосомъ монахъ, какъ-бы вдохновеніемъ угадавшій преступника и постигшій всю бурю, происходившую въ груди его.

Радованъ схватилъ свое ружье и, какъ сумасшедшій, кинулся изъ пещеры.— Не скоро послѣ того и не къ добру встрѣтился я съ нимъ опять!

Время было не позднее; спать было рано; мы стали рассказывать другъ другу про свое прежнее житье-бытье. Исторія монаховъ была коротка и проста.

Одинъ изъ нихъ былъ мелкимъ торговцемъ, проторговался и пошелъ въ монахи; другой былъ пастухомъ; всегдашнее созерцаніе величія и красоты природы навели его на мысли набожныя и благочестивыя; третій ни чѣмъ не былъ, такъ-себѣ; четвертый, когда я сталъ спрашивать его, махнулъ рукой, какъ-будто хотѣлъ сказать: эхъ, что вамъ до меня! По этому рѣзкому знаку вы сейчасъ узнаете южнаго Славянина, который такъ неохотно начинаетъ разсказъ о себѣ, и съ такимъ жаромъ продолжаетъ, если вы задѣнете его нѣжную струну. Монахъ, родомъ Булгаръ, подстрекаемый нами, наконецъ оживился воспоминаніемъ благого, близкаго сердцу. Такъ бранный конь, застоявшійся долгое время въ неволѣ, сначала ступаетъ робко, недовѣрчиво, но почувавъ знакомый призывъ трубы, летитъ быстрый, огнеметный...

На послѣдней, такъ сказать, страницѣ исторіи Валахін является лицо свѣтлое, запечатлѣвшее жизнь свою безсозна-

тельную, безусловную любовь къ родинѣ: это нѣкто капитанъ Іордаки, о которомъ и нынче ни одинъ арнаутъ не вспомнитъ безъ сердечнаго трепета. Нашъ Булгаръ былъ сподручникомъ и нераздѣльнымъ спутникомъ Іордаки.

Вы слышали объ этеріи, возбужденной въ Молдавіи и особенно въ Валахіи, въ 1821 году, Исплантіемъ. Главная цѣль ея была, отвлечь силы Турковъ отъ Греціи, уже замышлявшей свое великое возстаніе. Въ то же время явился въ Валахіи Владиміреско со своими пандурами, и сталъ ратовать противъ Грековъ—Фанарістовъ вообще и противъ господарей, угнетавшихъ и грабившихъ народъ, особенно... Испланты и Владиміреско встрѣтились старыми знакомцами, а разстались врагами!—Явилась и третья вооруженная сила, по-видимому противодѣйствовавшая обѣимъ первымъ: это Савва, со своими арнаутами, которыхъ было до тысячи чело-вѣкъ. Савва—лице замѣчательное. Онъ служилъ въ послѣднее время съ Турка-

ми, отличался своею храбростію и получилъ отъ нихъ въ награду званіе бимъ-баши; потомъ, когда Турки заключили миръ и ему нечего было дѣлать, перешелъ онъ съ преданнѣйшими себѣ арнаутами къ Калимахи, господарю Молдавіи и, наконецъ, въ Букарестъ, дѣйствуя въ этомъ случаѣ по обыкновенному побужденію арнаута, — гдѣ больше смуть, туда и онъ! Ничто такъ вѣрно не характеризуетъ Савву, какъ отзывъ объ немъ Іордаки и отзывъ перваго о самомъ Іордаки; надобно замѣтить, что они были соперниками славы между собою. Іордаки всегда говорилъ: Савва умнѣе и хитрѣе меня; я отдаю ему справедливость, — и онъ уступилъ ему защиту города, а самъ отправился въ поле. Савва въ свою очередь говорилъ: Іордаки храбрѣе меня, — и я отдаю ему первенство!

Господаря уже не было въ Валахіи; кто говоритъ — его отравили, но вѣрнѣе, что онъ умеръ своею смертію. Савва стоялъ въ Букарестѣ, но вскорѣ сдалъ

его почти безъ боя Владиміреску, а самъ укрѣпился въ митрополіи, что на краю города: ужъ Богъ знаетъ, какъ они между собою положили. — Валахія представляла самое жалкое зрѣлище. Вездѣ слышенъ былъ звукъ оружія и вопль отчаянія; сегодня грабили именемъ этеріи, завтра именемъ защитниковъ правъ; не было никому покоя, ни селянину, ни горожанину; негдѣ было затаиться, ни въ горахъ, ни въ долинахъ. Въ такомъ жалкомъ положеніи нагрянули Турки, для *возстановленія порядка*, и мечъ опустошенія прошелъ по Валахіи...

Владиміреско со своимъ отрядомъ былъ истребленъ. Вскорѣ выгнанъ былъ Исплантъ. Савву Турки знали: предложили ему миръ и звали въ Букарестъ. Зналъ и Савва Ахметъ-Пашу, командовавшего тогда въ Букарестѣ: это былъ истинный Турокъ, вылитый въ форму янычара; жестокъ, какъ звѣрь, но слову вѣренъ, и Савва поддался льстивымъ обѣщаніямъ; напрасно Іордаки убѣждалъ его не вѣ-

рить, — онъ поѣхалъ, а съ нимъ и часть его арнаутовъ. Турки приняли ихъ ласково, а на разставаньи послали нѣскольکو пуль въ подарокъ Саввѣ. Смерть Саввы подала знакъ измѣны. Арнауты кинулись бѣжать, — Турки за ними; тѣ и другіе перемѣшались. Сорокъ арнаутовъ успѣли запереться въ церкви, и двадцать четыре часа выдерживали осаду турецкаго войска; наконецъ, разстрѣлявши всѣ патроны, вышли съ тѣмъ, чтобы умереть, но дорого продать жизнь свою, и разсѣкая толпу непріятеля направо и налево, двинулись однимъ дружнымъ, всесокрушающимъ мечемъ, и пока не раздробился онъ въ куски, пока не палъ послѣдній арнаутъ, — кровь Турковъ не переставала литься. Валахи оставались безмолвными, трепетными свидѣтелями этого зрѣлища.

Между-тѣмъ Іордаки, принявшій этерію, продолжалъ свое дѣло, съ другомъ своимъ Фурмаки. Турки сильно тѣснили ихъ къ горамъ. Іордаки, отступая вдоль границы Австріи и Молдавіи, дорого про-

давалъ Туркамъ каждый шагъ земли; но для нихъ потеря ста человѣкъ была незамѣтна и пополнялась свѣжими людьми, а для Іордаки недочетъ десятка храбрыхъ сподвижниковъ былъ очень чувствителенъ.

«Насъ-то всего оставалось человѣкъ триста, говорилъ Булгаръ, а Турковъ было до трехъ тысячъ; на-бѣду еще, Іордаки тяжело заболѣлъ; стали-было совѣщаться, что дѣлать; даже приняли письмо отъ Ахметъ-Паши, гдѣ онъ обѣщаль пощаду и прощенье всѣмъ, кто отдастся безъ оружія, да Іордаки, хотъ и при смерти былъ, а какъ привсталъ, да какъ прикрикнулъ, такъ первый, кто стоялъ возлѣ турецкаго посланца, тотъ ему и отсѣкъ голову. Рѣшили только, чтобъ послать въ городъ, къ Нѣмцамъ, просить доктора. Я поѣхалъ. Долго водили меня по городу [отъ одного къ другому, то за карауломъ, то съ почетомъ, а кончилось тѣмъ, что доктора не дали, а сказали, что колѣ-де болѣнъ, такъ пусть самъ

пріѣдетъ къ доктору: да еще прибавили въ-тихомолку, что примутъ насъ въ свои границы, если сдадимъ оружіе.—Я передалъ, какъ было, Іордаки. — Доктора миѣ не надо, сказалъ онъ: я и безъ того не умру отъ болѣзни; а оружіе положить—не положу, пока живъ; умру, какъ подобаетъ!—На другой день ему стало лучше: онъ отступилъ къ монастырю Секую и тамъ заперся. Турки, какъ муравьи облѣпили монастырскія стѣны; сначала намъ то было и по рукѣ; били ихъ да били; не стало свинцу,—заряжали серебромъ, а у кого было золото, тотъ и золота не жалѣлъ, только, чтобъ въ Турка влѣпить: на томъ свѣтѣ десятиницей отдастся.

— Не гнѣви Господа! замѣтилъ набожно старый монахъ.

Булгаръ перекрестился.—«Стало и намъ жутко: не было и крохи хлѣба! Капитаны (Іордаки и Фурмаки) стали толковать. Пытались-было посылать малыя партіи на вылазки, да тѣ и не возвра-

щались. Іордаки отсчиталъ половину людей и сказалъ: одни идите съ Фурмаки, и попробуйте пробиться сквозь Турковъ, а другіе останьтесь со мною: увидимъ послѣ, что надо будетъ дѣлать. Кажется, капитанъ думалъ напасть на Турковъ, когда замѣтитъ, что еще можно будетъ помѣряться съ ними силами, а какъ нѣтъ, такъ онъ уже рѣшилъ въ умѣ своемъ, что ему дѣлать. Мнѣ досталось на вылазку. На прощаньи, Іордаки призывалъ меня къ себѣ и сказалъ:—если кто останется въ живыхъ, пусть отпшетъ къ сестрѣ моей, передастъ ей мое благословеніе и скажетъ, что я умеръ за вѣру и отечество: такъ пусть не плачетъ!—Только мы и видѣлись. Чуть вышли за монастырскую ограду, Турки налетѣли на насъ словно пчелы на медовой сотѣ; мы шли было толпой, да гдѣ удержаться! Не успѣешь отмахиваться;—смотришь, то съ того боку нѣтъ товарища, то съ другаго; то тамъ колышетъ тебя самого, то тамъ задѣнетъ. Капитана

въ куски искрошили; а что Турковъ на-
валило, Господи, твоя воля! Какъ вдругъ
отхлынули они отъ насъ, какъ будто
все порѣшили и кинулись къ монасты-
рю. Я посмотрѣлъ туда: ворота мона-
стырскія на-стежь. Турки такъ и лѣзутъ
въ нихъ.—А что будетъ? спросилъ меня
товарищъ.—Худо, брате!—Не успѣлъ я
договорить, какъ земля дрогнула подъ
нами, надъ монастыремъ поднялся гу-
стой столбъ дыма и пыли, и рухнули
монастырскія стѣны.—Юрдаки взорвали
порохъ и поднялъ себя и Турковъ на воз-
духъ... Юнаку юнакская и смерть! Цар-
ство ему небесное!»

И всѣ перекрестились.

— «Было уже совѣмъ темно. Нашихъ
собралось человѣкъ съ пятокъ, кто безъ
ноги, кто безъ руки, кто безъ ружья.
На Турковъ идти было нельзя; пожалуй,
еще бы полонили. Мы пошли въ австрій-
скія земли. Съ-тѣхъ-поръ я попробоваль-
было еще поскитаться по свѣту, да всё
какъ-то стало горько на свѣтѣ, тяжело

на душѣ, хоть совѣсть и чиста... Я пошелъ въ монастырь!»

Къ этому отчетливо-историческому разсказу прибавимъ описаніе наружности Іордаки: его помнятъ еще многіе здѣсь. Іордаки былъ средняго роста, худощавъ; въ карихъ глазахъ его и во всѣхъ чертахъ лица отражалось совершенное спокойствіе и твердость воли непоколебимой; онъ никогда не измѣнялъ своему слову и былъ вѣренъ дружбѣ, какъ истый Славянинъ. Іордаки нѣкогда ратовалъ за одно съ нашимъ отрядомъ, въ Сербіи, и за свою отчаянную храбрость получилъ офицерскій чинъ; можетъ быть, еще живъ кто изъ нашихъ и, вѣрно, съ сердечнымъ удовольствіемъ вспомнитъ объ немъ.—«Не убивайте его!» говорилъ звѣрообразный Ахметъ-Паша, посылая отрядъ противъ Іордаки: «такого другаго человѣка не скоро найдете въ свѣтѣ.»

На другой день, рано, оставили мы гостепріимныхъ иноковъ Пещеры. Солн-

це вставало, вершины горъ уже поднимались изъ тьмы, а низменность еще покоилась въ туманѣ. На то онѣ и горы, на то такъ и высоки, чтобы бодрствовать и не дремать надъ тѣмъ, что у ногъ ихъ!

Австрійская граница была не далеко. До Кронштата нѣсколько часовъ верховой ѣзды; но мы должны были посѣтить его другимъ разрѣзомъ горъ, черезъ Кимполунгъ, и уже весною; а потому, осмотрѣвъ систему рѣки Праово, мы спустились, по теченію ея, опять въ Кумарникъ.

Мы еще вернемся сюда, и при обстоятельствахъ, болѣе благопріятныхъ.

ГЛАВА II.

Съ началомъ весны отправился я опять въ горы, черезъ Питешти и Кимполунгъ. Но конечно не всѣмъ извѣстны эти важные въ Валахіи города. [Возмите же за точку опоры вашихъ географическихъ знаній Букарестъ; проведите линію на сѣверо-востокъ, и вы увидите, верстъ за 120 отъ Букареста, Питешти,] а далѣе, верстъ за 50 на сѣверъ, Кимполунгъ, отъ котораго недалеко уже и Австрійская граница. Объ Питешти нельзя ничего сказать, ни хорошаго, ни дурнаго: городъ какъ слѣдуетъ быть валахскому городу; много церквей, въ которыхъ и въ большіе

праздники едва ли кого увидите; гостеприимство отличное, а если у васъ нѣтъ знакомыхъ, то вамъ придется спать подъ открытымъ небомъ, потому что, будь вы изъ дерева, и тутъ не уложите въ корчмѣ, отъ приступа разнородныхъ насѣкомыхъ, въ числѣ которыхъ, я увѣренъ, найдется много новыхъ родовъ для зоологовъ; о пищѣ уже и не думайте.— Не обо мнѣ здѣсь собственно рѣчь; я навсегда сохранию воспоминаніе самаго радушнаго гостеприимства Валахін.

Кимполунгъ красивъ по мѣстоположенію. Расположенный между горъ и садовъ, съ бѣленькими домиками и яркою зеленью садовъ, со своей игривой рѣчкой Рыу-Тыргулуй, онъ показался мнѣ такой добренькой, такой счастливой, что я издали опредѣлилъ въ немъ свое главное мѣстопребываніе, пока не переселюсь за Ольту. — Едва я успѣлъ въ немъ осѣсться, какъ уже получилъ приглашеніе, отъ президента суднаго трибунала, на балъ: — видите ль, Кимполунгъ со-

зданъ для веселья. Вотъ я и на балѣ, на балѣ въ Кимполунгѣ! При входѣ, на крыльцѣ оглушила меня какая-то адская музыка: нѣсколько цыганъ — лаутарей сплелись извлечь изъ своихъ допотопныхъ инструментовъ самые громкіе, самые раздирающіе звуки, и въ нихъ поставляли всю свою славу; кто громче свистнетъ, кто громче зыкнетъ или завизжитъ, тотъ считалъ себя и виртуозомъ. — Какъ хорошо свиститъ этотъ мускалуджи, замѣтилъ мнѣ одинъ изъ бояръ, указывая на виртуоза, работавшаго и духомъ и тѣломъ на своемъ инструментѣ. — Очень хорошо, отвѣчалъ я серьезно. — Въ хаосѣ дикихъ звуковъ я однако, къ неопisanному своему удивленію, слышалъ, что-то знакомое, и дѣйствительно, это былъ столь извѣстный маршъ: «славься симъ Екатерина» и проч. — память квартировавшаго нѣкогда здѣсь русскаго полка. — Рядъ паръ выступилъ польской. Чинначаліе и здѣсь, какъ у насъ въ провинціяхъ, соблюдается во всей строгости и на самыхъ

балахъ. Исправника, или какъ его официально называютъ окырминторъ, хотя это слово никакъ не прививается въ Ва-лахіи, со времени выступленія оттуда Русскихъ, исправника не было въ городѣ; мѣсто его занималъ временно секретарь уѣзднаго трибунала. Секретари вездѣ принадлежатъ къ рабочему классу канцелярскаго народа и играютъ незначительную роль на празднествахъ, особенно внѣ обѣда, а потому и этотъ сидѣлъ чинно въ углу. Въ первой парѣ выступалъ, опираясь на костыль, прокуроръ, т. е. уѣздный стряпчій съ женою члена суднаго трибунала.

— И этотъ будетъ танцовать? спросилъ я своего сосѣда.

— Какъ же!

— Да онъ едва ноги волочить.

— Это только сначала, а расходится, такъ лучше другихъ выплясываетъ.

Далѣе шелъ президентъ трибунала съ такою дамою, что изъ нея бы вышло два президента и одинъ секретарь.

Эта изъ Букареста, по гречески умѣетъ, сказалъ значительно сосѣдъ.—О!—Чтобы понять важность такого замѣчанія, надобно припомнить, что хотя въ Букарестѣ французскій языкъ совершенно овладѣлъ высшимъ обществомъ, въ провинціяхъ все еще греческій остается моднымъ, — какъ было при господаряхъ—Фанаріютахъ. — Далѣе шелъ президентъ магистрата, далѣе зопчій, засѣдатель, еще далѣе дѣти... По угламъ, на широкихъ диванахъ, сидѣли, поджавши подъ себя ноги, дамы, которыя уже не могли свободно передвигать ногъ, или полулежали такіе бояре, которые считали себя слишкомъ знатными для того, чтобы ходить, хоть бы въ комнатѣ, и дѣлали во всеуслышаніе свои замѣчанія, вѣроятно очень остроумныя, вотому что они сами отъ нихъ смѣялись; изъ-подъ рукъ у нихъ выглядывали дѣти, показывая языкъ почтеннѣйшей публикѣ, что также было очень мило. Словомъ, балъ былъ хорошъ, многолюденъ, обставленъ какъ нельзя

лучше; балъ былъ блистательнѣй, чѣмъ бываетъ у насъ въ Миргородѣ. Всего болѣе занималъ меня зопчій; во-первыхъ, природа, создавая его, кажется уже черезъ-чуръ перехитрила, или можетъ быть, по ошибкѣ, начала его птицей, потомъ, вспомнивъ, что изъ него выйдетъ лучше зопчій, чѣмъ птица, кончила человѣкомъ; а потому носъ, глаза и верхняя часть головы вышли совиные, а остальное совсѣмъ, какъ у человѣка; во-вторыхъ, танцуя, онъ выводилъ такіе узоры, такіе огромные круги описывалъ ногою при поворотахъ, что чуть не доставалъ концемъ ея до носа неосторожныхъ, составившихъ тѣсныя кружки возлѣ него и удивлявшихся ему подобно мнѣ; но проклятая музыка сильно беспокоила меня; [напрасно старался я мысленно увѣрить себя, что жидовская музыка не лучше этой, а я, бывало, терпѣливо слушалъ ее; но или жидовская музыка была лучше, или мой слухъ избаловался, только уши мои страдали невыносимо и при нѣко-

торыхъ звукахъ морозъ подиралъ по кожѣ. — Я не вытерпѣлъ и ушелъ, къ крайнему моему сожалѣнію, когда балъ уже былъ въ полномъ разгарѣ и граціозная, хотя монотонная, Румейка смѣнила французскіе кадрили, — и здѣсь танцуютъ французскіе кадрили, хотя на свой особенный ладъ. Въ Румейкѣ участвуютъ и старые, даже дѣти: кто усталъ, тотъ выходитъ изъ круга; кому наскучило сидѣть, тотъ вступаетъ въ кругъ и выдѣмываетъ на свой ладъ, а фигура все одна и та же; составивъ кругъ, нѣсколько паръ, то растягиваются во всю длину рукъ своихъ, то сбиваются въ одну точку, играя тѣломъ и плечами, какъ лебедь, охорашивающійся на волнахъ. Гораздо живѣе и разнообразнѣе коло. Тутъ съ прекрасною таліей, съ маленькой ножкой и съ черными, вѣчновлажными валахскими глазами, можно творить чудеса, и Валашки творятъ ихъ.

Кимполунгъ, какъ я уже замѣтилъ, былъ встарину столицей Валахін; еще

уцѣлѣла часть митрополіи, обновленной впослѣдствіи, и особенно колокольная, которыя свидѣтельствуютъ о древней славѣ города. Другихъ остатковъ прежней столицы нѣтъ. Нынче въ Кимполунгѣ считается до 4000 жителей.

✓ Планъ моего путешествія былъ таковъ: прежде всего осмотрѣть разрѣзъ горъ, т. е. переѣхать поперегъ кряжа въ нѣсколькихъ важнѣйшихъ пунктахъ и потомъ слѣдовать по немъ до новаго разрѣза. Въ этомъ предположеніи проѣхалъ я отъ Плоэшти до Бучешти, въ Ноябрьрѣ мѣсяцѣ. Съ этою же цѣлію отправился я изъ Кимполунга черезъ горы въ Кроиштатъ, который, какъ извѣстно, лежитъ въ Трансильваніи, на противоположной сторонѣ Карпатскаго хребта, почти также высоко отъ поверхности моря, какъ и окрестныя горы Кимполунга, именно Кроиштатъ на 1839, ближняя отъ Кимполунга гора, безъ имени, на 1560 футовъ.

Здѣсь я долженъ сдѣлать небольшое замѣчаніе: я опредѣлялъ высоту горъ ба-

рометрически; но нѣкоторыя горы уже измѣрены были прежде австрійскими инженерами и частью нашими тригонометрически, а потому я всегда выставяю здѣсь послѣднее измѣреніе, какъ точнѣйшее; своимъ же барометрическимъ опредѣленіемъ руководствуюсь только въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ другаго, или когда оно мнѣ неизвѣстно, и только въ случаяхъ сомнительныхъ выставяю нѣсколько измѣреній, предоставляя судить о нихъ читателю.

За полчаса отъ Кимполунга уже горы волнистѣй и грозивѣй. Вы карабкаетесь на лошади, которая съ трудомъ цѣпляется за острый камень, на высоты 3000 футовъ, и спускаетесь только на половину этого: вы идете все вверхъ. Мы остановились въ небольшомъ женскомъ монастырѣ, котораго церковь, изсѣченная въ разрушенномъ гранитѣ, и находящаяся въ ней икона Божіей Матери найдены лѣтъ 200 тому назадъ, случайно; первая съ тѣхъ поръ нѣсколько разширена, на

икошѣ едва остались слѣды прежняго изображенія. — Когда, какіе отшельники, отъ какихъ притѣснителей скрывались здѣсь? — Мать игуменья рассказывала чудеса; мы слушали и дивились, и все таки ничего не узнали. Она кончила свой рассказъ тѣмъ, что свѣтъ нынче никуда не годится, что скоро и Богъ отъ него отступится; мы со своей стороны сказали, что это совершенная правда, что не стоитъ нынче жить на свѣтѣ, и пошли жить, какъ жили.

Деревеньки попадались часто; горныя долины доставляли имъ приволье. Рукеръ, огромное село, домовъ въ 300, находится уже въ горной полосѣ, среди величественной природы. Буковые лѣса, ели и сосны, выходящія изъ разсѣлинъ скалъ и какъ бы чудомъ держащіяся на нихъ, повсюду возстаютъ дикіе и неприступные для человѣка; рядъ спѣжныхъ горъ, который виднѣется, едва вы поднимаетесь изъ села, обдаетъ васъ благоговѣйнымъ

страхомъ.—Боже, какъ хорошо! Но дальше будетъ еще лучше.

Мы остановились у постельника. Постельники—родъ нашихъ однодворцевъ; но хозяинъ нашъ былъ постельникъ и маканъ, то есть, обладатель стадъ, и стадъ довольно большихъ. Домикъ его состоялъ изъ трехъ комнатъ. Парадная, которую отвели намъ, представляла для насъ новый видъ, но обыкновенный здѣсь у зажиточныхъ людей, а здѣсь почти каждый имѣетъ нѣсколько десятковъ овецъ, рогатаго скота, да еще многіе промышляютъ лѣсомъ, добываемымъ задаромъ.— Въ комнатѣ, всѣ стѣны были покрыты тонкими шерстяными ковриками, большею частью яркихъ цвѣтовъ; только отвернувши коверъ, вы можете увидѣть подъ нимъ выбѣленную стѣну; коврики эти дѣлаются въ горахъ, женами макановъ; у карниза, или лучше сказать, тамъ, гдѣ долженъ быть карнизъ, висѣли фестонами пестрые и шитыя полотенцы, въ родѣ нашихъ ручниковъ, и шелковые

платки; подъ ними и между ними видѣлись дѣтскія игрушки, кувшинчики, горшечки, чашки, крендели, бумажные голубки: все это гирляндой висло въдоль стѣнъ подъ потолкомъ, а на балкахъ, поддерживавшихъ потолокъ, висѣли крашенныя и писанныя яйца, банты изъ ленточекъ и другія украшенія; палѣво возвышался небольшой камелекъ, который, впрочемъ, во время здѣшнихъ суровыхъ зимъ, можетъ согрѣвать комнату только при неугасаемомъ въ немъ огнѣ; кругомъ—лавки; на лавкахъ «петуры» и «сарки», одѣяла и бурки изъ мягко выдѣланныхъ овечьихъ шкуръ съ длинною, волнистою шерстью; сарки, то есть бурки, здѣсь носятъ всѣ: мужчины и женщины, богатые и бѣдные; только качество сарика опредѣляетъ различіе пола и достояніе; бурки эти цѣною отъ 7 до 50 рублей.—По угламъ комнаты, на скамьяхъ, висѣлись пестрыя подушки и сундуки, а въ углу, между сгибомъ двухъ скамей, стоялъ столъ. Прибавьте къ это-

му небольшія окна, съ частымъ узорчатымъ переплетомъ и нѣсколько въ безпорядкѣ воткнутыхъ въ стѣну ножей и вилъ, и вы составите себѣ понятіе объ этой комнатѣ, довольно темной, но весьма располагающей тѣло къ покою, а душу къ мирнымъ помысламъ: такое дѣйствіе она, по крайней мѣрѣ, имѣла на меня, усталаго, промокшаго до костей.

Жена и дочь явились прислуживать мнѣ: съ покорностію рабынь исполняли онѣ приказанія и съ любопытствомъ разсматривали мои вещи, которыя бережно складывали къ сторонкѣ. Женщины здѣсь красивѣй, чѣмъ въ долинахъ; онѣ не проводятъ труженическихъ дней на поляхъ, и работа ихъ ограничивается большею частию дома; особенно заняты онѣ вышиваніемъ, и потому цвѣтъ и черты лица ихъ не такъ грубы. Здѣсь вы находите уже очень много русыхъ волосъ и свѣтлыхъ глазъ, а за границей эти цвѣта волосъ и глазъ такъ общи, какъ въ Валахїи черныи.

Въ Рукерѣ встрѣчается меньше людей съ зобами; но въ Кимполунгѣ и особенно въ окрестностяхъ его, вы видите на каждомъ шагу обезображенныхъ въ высшей степени этою болѣзнію; у иныхъ, особенно у цыганъ, зобъ «гуши» виситъ огромнымъ пузыремъ до пояса и почти закрываетъ все лице. Когда эти страдалцы спятъ, хрипѣніе и свистъ ихъ поражаетъ невольнымъ страхомъ, особенно среди ночной тишины; говорятъ, дикіе звѣри боятся его. Что причиною этой жалкой болѣзни? Иные увѣряютъ—горный воздухъ, другіе—вода, и послѣднее мнѣніе принадлежитъ вообще всѣмъ туземцамъ. Дѣйствительно, по нѣкоторымъ рѣчкамъ нѣтъ человека, который бы не имѣлъ зоба, между тѣмъ, какъ выше, и въ сторону отъ нихъ, эта болѣзнь не такъ развита.

Всякій разъ, когда я воображаю себѣ идеальный міръ счастья и совершенства человека, я предполагаю, что въ немъ нѣтъ ни таможенъ, ни карантинныхъ,

станціонныхъ смотрителей, а потому мнѣ очень прискорбно было узнать въ Руккерѣ, что передо мною три границы, каждая въ разстояніи двухъ часовъ ѣзды,—три, вмѣсто одной, и разумѣется, со всеми принадлежностями существеннаго міра! Почему и какъ, спросите вы, если хорошо знакомы съ географическимъ положеніемъ края?—А такъ, ради изощренія способностей Австрійскихъ таможенныхъ чиновниковъ, которыхъ пытливость здѣсь превосходитъ человѣческое терпѣніе. — Я рассчитывалъ, что этихъ трехъ границъ станетъ намъ на цѣлый день страданій, хотя мы были верхомъ и ровно ничего при себѣ не имѣли, но я очень бы ошибся, если бы таможенные чиновники не сдѣлали для меня исключенія въ этомъ случаѣ; продѣлки ихъ обыкновенно оканчиваются въ два и въ три дня; не вѣрите—выслушайте.

За полчаса отъ Руккера Валахская таможня: не думайте однако, чтобъ это была граница Валахін,—ничуть! таможня

здѣсь сама по себѣ, а граница Валахіи за три часа отсюда сама по себѣ. Такимъ образомъ руккерскіе пастухи, владѣющіе горами за таможенною чертой, въ Валахіи, должны всякой разъ, что перегоняютъ стада изъ деревни на пастбища, прописывать свои паспорта; мало этого: у нихъ пересчитываютъ овецъ и если какую съѣлъ волкъ или пастухъ, то отъ послѣдняго требуютъ отчета и даже свидѣтельства, что онъ или волкъ дѣйствительно съѣлъ ее, а что она не продана за австрійскою границей; эту продѣлку Валахи переняли отъ Австрійцевъ, но должно сказать къ чести первыхъ, что они на своихъ таможенныхъ и границахъ вообще не держатся такъ строго системы притѣсненій, хотя первые у нихъ на откupu и только подъ присмотромъ правительства.

Валахская таможенная застава отпирается въ 9-ть часовъ утра,—все по образцу сосѣдственной австрійской, а какъ бѣдный пастухъ не въ силахъ догнать стадо свое до австрійской границы къ 12

часамъ полдня, (главную здѣсь и довольно важную торговлю составляетъ скотъ), съ этого же часа, до 3 ворта австрійской пограничной таможни заперты, то онъ и долженъ ожидать, подъ открытымъ небомъ, на самой высотѣ Карпатовъ, благодатной минуты, пока таможенные чиновники откушаютъ и желудки ихъ переварятъ; тамъ пойдетъ счетъ и учетъ скотскихъ головъ, разсмотрѣніе паспортовъ, сличеніе примѣтъ и проч., что длится до вечера, а иногда откладывается до другого дня. Когда наконецъ бѣдный пастухъ выйдетъ изъ этого чистилища, ему даютъ двухъ солдатъ, и караванъ, въ сопровожденіи ихъ, отправляется уже австрійскими владѣніями до другой заставы, часа два съ половиною пути отъ первой.—Тутъ уже я не знаю что съ нимъ дѣлаютъ или, лучше сказать, чего не дѣлаютъ! Хотя карантинны въ послѣднее время сняты на границахъ Австріи со стороны Молдавіи и Валахіи, хотя пастуха выпускаютъ прямо за карантин-

ную черту, гдѣ онъ конечно можетъ свободно сообщаться съ каждымъ, тѣмъ не менѣе однако, внутри карантинной ограды, куда загоняють людей и скоть, съ ними обращаются, какъ съ зачумленными.—Къ чемуужь всѣ эти смѣшныя продѣлки, неумѣстныя предосторожности и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ всѣ сношенія ограничиваются между одними сосѣдними жителями и состоятъ въ перегонахъ скота и частію въ торговлѣ хлѣбомъ, гдѣ всѣ выгоды этихъ сношеній на сторонѣ австрійскихъ пастуховъ, которые безъ земель Валахіи и существовать бы не могли. Должно полагать, что это просто мистификація пограничныхъ чиновниковъ; настоящей причины этой двойной и столь строгой кордонной линіи приискать нельзя, тѣмъ болѣе, что едва въ годъ проѣдетъ этимъ путемъ одинъ путешественникъ, а окрестныя горы такого рода, что черезъ нихъ не легко переберется и туземецъ, минуя проходъ,

гдѣ стоятъ таможни, какъ орудія пытки
человѣческаго терпѣнія.

Горное ущелье, которое идетъ, черезъ
Орадiю, австрiйскую границу, образуетъ
ся двумя гигантскими кряжами горъ: Бу-
чечемъ съ правой, и Піатро-Лукрой съ
лѣвой стороны. Мы уже кажется опредѣ-
лили высоту первой; по тригонометриче-
скому измѣренiю австрiйскихъ нивене-
ровъ она простирается до 7951,8; по
гипсометрическому— г. Курца 8100,5; по
моему, барометрическому 7990. Піатро-
Лукрой нѣсколько ниже (около 7208 фу-
товъ); —обѣ онѣ, покрытые почти до по-
ловины снѣгомъ, сіяли ярко на солнцѣ:
это было въ концѣ маія мѣсяца.—При-
рода являлась во всей величавой красѣ
своей. Была тишина совершенная и какъ
то таинственна была она, при сокру-
шительныхъ сплахъ природы, которыя
зрѣлись повсюду, при этихъ мощныхъ
гигантахъ, при неподвижности окружа-
ющаго лѣса. Букъ, распутивъ свои вѣтви
съ повисшими листьями, казалось, преда-

вался весь нѣгѣ; орелъ видѣлся неподвижной точкой въ высотѣ; горный вѣтерокъ налеталъ и разсыпался благоуханіемъ: теплота была благодатна... тутъ бы жить; не надо лучшаго зрѣлища для человѣка; оно разнообразно до безконечности и станетъ на всю жизнь его... Австрійскій солдатъ вывелъ насъ изъ созерцательнаго положенія, въ которое мы были погружены; онъ напомнилъ намъ, что если не поспѣемъ къ урочному часу, то запрутъ карантинъ и не только насъ, но и солдатъ не пропустятъ въ ворота. Мы пошли скорѣе. Вожатый мой Иванъ шелъ опустивъ голову, видимо погруженный въ мысли.

Это былъ странный человѣкъ: горы Карпатскія онъ зналъ какъ свой карманъ, за то больше ровно ничего не зналъ. Трудно бы вообразить въ этомъ огромномъ тѣлѣ столько ребячества въ душѣ и умѣ; между тѣмъ глаза его выражали остроуміе, а сомкнутыя тонкія губы лукавство; неужели же природа хотѣла

подшутить надъ нимъ или обстоятель-
ства до того измѣнили его;—послѣднее
вѣроятнѣе. Онъ былъ родомъ Суздалецъ;
въ послѣднюю турецкую компанію, 1828—
29 годовъ, пустился маркитантомъ въ
дѣйствующую армію; скопилъ капитадецъ
тысячъ въ сорокъ рублей и вдругъ, по
одному несчастному случаю, всего лиши-
ся: это поразило его какъ громомъ; нѣ-
сколько мѣсяцевъ онъ былъ помѣшанъ
въ умѣ; наконецъ оправился, съ беззабот-
ностію русскаго мужичка махнулъ ру-
кой и пустился съ коробкою за плечами
по горамъ, разнося табакъ, пуговицы и
другія мелочи пастухамъ; кольца, бисеръ,
серьги ихъ женамъ. Въ этомъ положе-
ніи засталъ я его въ горахъ. Съ пер-
выхъ словъ показался онъ мнѣ очень
просто:—Ужъ полно, Русскій ли ты, спро-
силъ я его? — «Да, развѣ не видите?»—
Впжу, да что-то не вѣрится и ушамъ,
нетолько глазамъ: глупъ ты больно! —
«Ничего. Это такъ кажется». — Можетъ
быть! И я взялъ его къ себѣ вожатымъ.

«О чемъ ты задумался, спросилъ я его, удивленный тѣмъ, что онъ такъ долго погруженъ въ мысляхъ; не случилось ли чего?»

— Ничего. Всякой разъ какъ прилучается мнѣ быть здѣсь, я думаю и недодумаюсь, по чему это такъ? Когда идешь по Валахiи, до самой границы нѣмецкой, все говорятъ: идешь вверхъ, а перейдешь границу,—кажись, все впередъ тащишься, а говорятъ: идешь внизъ; когда жъ несешь свою коробку изъ Австріи, то случается со всѣмъ на оборотъ. Что за диво такое!

«А какъ ты объ этомъ думаешь?»

— Да никакъ не думаю; ужъ видно у Нѣмцевъ заведеніе такое, что все на оборотъ дѣлаютъ.

«Зачѣмъ же ты не спросилъ по сию пору у людей, коли тебя это такъ занимаетъ и беспокоитъ?»

— Спрашивалъ: говорятъ, такъ должно быть.

Я старался пояснить ему, что тутъ

высшій пунктъ горъ, служащій раздѣленіемъ рѣкъ, изъ которыхъ одни идутъ въ Валахію, другія въ Нѣмечину, а потому, куда бы онъ отсюда не шелъ, — все внизъ; откуда бы сюда не направлялся, все будетъ вверхъ; такъ, видишь, текутъ рѣки.

Иванъ задумался, что-то размѣривалъ своими длинными руками, указывая то назадъ, то впередъ, видимо выжималъ изъ ума своего смыслъ сказаннаго мною; — наконецъ махнулъ рѣшительно рукою и крѣпко ударилъ свою лошадь, какъ будто она была виновата въ его непонятливости.

«Ну что?» спросилъ я.

— Ничто!

«Понялъ?»

— Нѣтъ, не понялъ.

Мы иногда обгоняли стада овецъ, запоздавшихъ своимъ возвратомъ изъ-за Дуная, иногда встрѣчали идущихъ изъ Трансильваніи, но большую часть находили уже на мѣстахъ, на своемъ лѣтнемъ

кочевьѣ, въ вершинахъ горъ, которыя пестрѣли отъ нихъ, словно разостланный ситецъ русскихъ фабрикъ.

— Странное сословіе этихъ макановъ, пастуховъ. Большая часть изъ нихъ не имѣетъ своихъ земель, пасетъ стада не только на чужихъ участкахъ, но даже въ другихъ владѣніяхъ; такимъ образомъ Трансильванцы на лѣто отгоняютъ свои стада въ Валахію, а на зиму за Дунай, въ турецкія владѣнія; послѣдняя экспедиція не рѣдко бываетъ опасна, хотя вѣрность пастуховъ, которымъ поручаются эти стада достойны удивленія. Обыкновенно собирается нѣсколько стадъ вмѣстѣ; хозяева ихъ выбираютъ четырехъ или пятерыхъ пастуховъ; надежнѣйшему изъ нихъ поручаютъ деньги для платы за прогонъ скота, для найма степей, корма ихъ самихъ, пошлины правительству и проч., и такимъ образомъ отправляютъ за границу, гдѣ онъ воленъ остаться навсегда вмѣстѣ съ стадомъ, простирающимся до 5000 головъ; по

если это бываетъ, то единственно отъ
какого нибудь непредвидѣннаго бѣдствія
и никогда отъ измѣны пастуха. Вотъ
что случилось однажды.

Макапъ, по имени Михайлица, былъ
однимъ изъ надежнѣйшихъ жовзатыхъ
стадъ. Ему были извѣстны все тропин-
ки въ Валахіи и Булгаріи, знакомы все
мѣстныя власти и владѣльцы степей, гдѣ
приходилось кочевать со стадомъ. Онъ
былъ круглый сирота, голякъ; уходя за-
границу уносилъ свою душу и все было
съ нимъ; ни семьи, ни добра не оставлялъ
онъ въ залогъ людямъ, которые вѣря-
ли ему все свое богатство; однако же
люди вѣрили ему совершенно. Но вотъ
пастала поздняя весна, а Михайлица не
приходилъ: никто изъ возвратившихся
пастуховъ не видалъ его ни на пути, ни на
мѣстѣ. Настало время платежа податей;
бѣдные владѣльцы не возвратившихся
овецъ не имѣли ни шерсти, ни кашкава-
лу, овечьяго сыру, за который они вы-
ручали обыкновенно деньги, пужныя на

платежъ податей; но они все вѣровали въ возвратъ Михайлицы и упростили правительство отсрочить взносъ податей; настало и лѣто, а Михайлицы нѣтъ; раззореніе и нищета грозили маканамъ; ропоть и даже проклятiе неслись на главу виновника бѣдствiй; но онъ былъ совершенно безвиненъ.

Въ то время, когда онъ готовился въ обратный путь, на него напала шайка Албанцевъ, обобрала, захватила стада и потащила его, съ двумя другими пастухами, за собою. Тяжко было ему идти въ неволю, но еще тяжелѣе знать, какое нареканіе падетъ на него и Михайлица рѣшился пожертвовать всѣмъ, чтобы спасти стадо. — Онъ зналъ мѣста за Дунаемъ какъ и у себя дома, а Албанцы были пришельцы и не рѣдко его же спрашивали о пути. Достигнувъ желаемого мѣста и выждавъ сильной мятели, ночью, онъ поднялся, разбудилъ младшаго изъ двухъ пастуховъ, еще почти ребенка и сказалъ: гони овецъ въ лѣсъ, а я разбросаю съ

десятокъ въ противной сторонѣ, по вѣтру, будто ихъ отнесло мятелью; въ лѣсу, за три часа пути, въ такомъ-то мѣстѣ, въ тущобѣ, ты увидишь небольшую нору, спустишься въ нее, пещера велика, загони туда все стадо, прикрой входъ, три дня не показывайся оттуда, потомъ выгони стадо на кормъ въ лѣсъ и жди насъ, жди мѣсяцъ, другой,—если не дождешься, то дѣлай что знаешь: одинъ ты не дойдешь домой со стадомъ.»

— А ты, дядя Михайлица, развѣ тутъ останешься?

«Останусь.—Если уйдемъ съ тобою, то Турки догадаются и будутъ искать насъ, пока не найдутъ.»

Утромъ, проснувшіеся Албанцы хватились стада. — Гдѣ овцы? — спрашивали они Михайлицу. — Видно отнесло мятелью: видите какая вьюга на дворѣ. — Стали искать въ степи, нашли нѣсколько, а стада ни гдѣ небыло; въ лѣсъ и не думали заглядывать. Никто не подозрѣ-

валъ уловки Михайлицы, потому что онъ былъ на-лицо, хотя зналъ чему подвергался. Взбѣшенные Албанцы вымѣстили на двухъ оставшихся пастухахъ свою неудачу и увели ихъ съ собою въ неволю.

Тяжко страдали плѣнники отъ жестокости Турковъ, но терпѣли и дотерпѣлись до нѣкотораго спокоевья. Албанцы вернулись домой и стали дѣлиться своею добычей: сначала пили, потомъ завязалась драка; Михайлица воспользовался случаемъ и бѣжалъ съ своимъ товарищемъ, твердо помня дорогу, по которой шелъ. Чего не претерпѣли два бѣдняка во время этого перехода!.. Но они отыскиали свои стада, хотя весьма уменьшившіяся подъ надзоромъ бѣднаго мальчика. Михайлица дошелъ со стадомъ до Видина и тамъ явился къ пашѣ; онъ разсказалъ о нападеніи Албанцевъ и просилъ пополнить стада, за которыя онъ долженъ отвѣчать. Просьба эта не покажется слишкомъ дерзкою, если мы скажемъ, что паша, пользующіеся значитель-

нымъ доходомъ съ пригона чужеземныхъ овецъ, всячески покровительствуютъ макановъ, которые, въ противномъ случаѣ, переходятъ съ земель одного пашалыка на земли другаго. — Паша, за неимѣніемъ въ наличности виновныхъ, взыскалъ недостающее число овецъ съ кого — попало и пополнилъ стадо Михайлицы. Между тѣмъ наступила слѣдующая зима; Михайлица далъ о себѣ вѣсть домой, а весною и самъ явился, не только съ цѣлымъ стадомъ, но и съ приплодомъ его, пробывъ въ отлучкѣ почти два года. Правительство австрійское, всячески поддерживающее полезный для него классъ макановъ, не требовало податей съ тѣхъ, которыхъ овцы столько времени были въ отлучкѣ и тѣмъ спасло отъ раззоренія нѣсколько десятковъ семействъ. Одно, какъ мы замѣтили, строго соблюдаетъ правительсто, чтобы ни одна овца не была продана за границей и сколько отправляется овецъ, столько должно возвратиться; въ случаѣ же убыли отъ падежа

или другаго несчастія, въ каждой овцѣ, не состоящей на-лицо, должно представить подробный отчетъ и пастухи всегда охотно замѣщаютъ покупкою убылыхъ, чтобъ только не имѣть хлопотъ на границѣ при повѣркѣ ихъ числа.

Сколько разъ потомъ случалось мнѣ переѣзжать вдоль и поперекъ эти горы или оставаться подъ мирнымъ кровомъ макана : разъединенные, разметапные тамъ-сямъ домики стоятъ одиноко; каждый живетъ самъ по себѣ и рѣдко сообщается съ другими. Вотъ суббота: вечеръ, горы объаты тишиною; на одномъ изъ возвышеній, на паперти ветхаго, продолговатаго зданья, съ поныкнувшимъ крестомъ на верху, пробилъ току (*), потомъ ударили въ небольшой колоколъ. Тутъ церковь. Къ ней шелъ медленно ста-

(*) Въ Валахїи, слѣдуя древнему обычаю, передъ начатіемъ колокольнаго звона, бьютъ деревяннымъ молоткомъ въ доску,—это называется «тока».

рикъ съ сѣдою бородою, въ оборванной свиткѣ, босый, опираясь на трость. Это священникъ. Въ церкви пусто; деревянная, источенная временемъ доска, на которой нѣкогда было изображеніе Спасителя, замѣняетъ весь иконостасъ; двѣ три бумажныя картинки уныло вторять своимъ шорохомъ монотонному чтенію или напѣву священника, котораго слушаетъ мальчишка, сынъ его; но вотъ отошла вечерня, тотъ же старикъ переходитъ изъ дома въ домъ, гдѣ вмѣстѣ съ его появленіемъ вспыхиваетъ огонекъ восковой свѣчи; священникъ справляетъ, за пять паръ, молитву, объ очищеніи дома отъ злыхъ духовъ; но онъ ушелъ и опять все стихло. Десятокъ, другой барановъ, которые почему либо оставались при домахъ, возвращались съ пастбищъ; вотъ одинъ старый баранъ остановился близь дворяжки и съ удивленіемъ глядитъ на нее, хоть онъ видитъ ее каждый день; другой послѣдввалъ его примѣру и все стадо остановилось, дивясь само не зная

чему, и вы глядите на эту картину отъ нечего дѣлать; въ ней тоже жизнь своего рода; этотъ баранъ, стоя надъ собакой, можетъ быть разрѣшаетъ какую нибудь важную задачу овечьяго міра.

Отъ первой границы или настоящей австрійской границы до второй, до Терцбурга, горы быстро склоняются. Терцбургъ, замокъ, начатый рыцарями, конченный венгерскими князьями, и возобновленный, почти въ томъ же видѣ, австрійскими императорами. Отъ Терцбурга начинается обширная и роскошнѣйшая горная долина, какихъ вѣрно мало въ Европѣ: она слишкомъ на 1800 футовъ отъ поверхности моря; виноградникъ не растетъ на ней, не смотря на всѣ усилія туземцевъ привить его къ этой почвѣ; но нивы пшеницы волновались какъ море; множество деревень, населенныхъ Валахами, Саксонцами, частію Венгерцами, деревень обширныхъ, изъ которыхъ напримѣръ Зибенъ-дорфъ, Семь—деревень, заключаетъ въ себѣ до 20,000

жителей, разстлаются веселые, пестрые зеленую окрестных садовъ и бѣлизною своихъ домовъ, богатые. Душа ваша, утомленная величіемъ предшествовавшей горной картины, отдыхаетъ на этомъ благоустроенномъ быту гражданскомъ Переходъ удивительный какъ въ физическомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи.

Саксонцы поселены здѣсь уже нѣсколько вѣковъ; иные говорятъ со времени Цегру—вѣды, который вывелъ отсюда своихъ подданныхъ Валаховъ на Югъ и оставилъ земли пустыми; впрочемъ, подъ именемъ Саксонцевъ въ Трансильвиніи разумѣютъ всѣхъ переселенцевъ сюда изъ Германіи. Саксонцы сохранили свои права, свои обычаи, одежду, вѣру, архитектуру домовъ и въѣзжая въ деревню ихъ, вамъ кажется, что вы какимъ-то волшебствомъ очутились вдругъ въ Саксоніи. Въ послѣднее уже время языкъ ихъ, чистое нѣмецкое нарѣчіе, началъ значительно измѣняться, такъ

что безъ привычки, съ трудомъ ихъ поймешь. Одно поражаетъ васъ непріятно при въѣздѣ въ эти деревни: это толпы мальчишекъ, которые гонятся за экипажемъ, прося милостыни, между тѣмъ какъ видъ ихъ и окружающее васъ довольство, не заставляютъ даже предполагать, чтобъ они нуждались въ подаяніи; неужели это тоже неизбежность цивилизаціи, индустрія своего рода? Это тѣмъ болѣе поражаетъ васъ, что позади себя вы давно уже не видали нищихъ, хотя были свидѣтелемъ повсемѣстной бѣдности.

Я упомянулъ объ экипажѣ. Да, между тѣмъ, какъ по сю сторону Карпатовъ, на токой же высотѣ, вы съ трудомъ можете пробираться верхомъ на лошади по извилистой тропинкѣ, отъ Терцбурга катитесь по прекрасному шоссе.

Кронштатъ—весь въ духѣ нѣмецкихъ городовъ: каменные высокіе дома, изъза которыхъ свѣта Божьяго невидно, одинъ какъ другой; каждый шагъ земли

расчитанъ, занять; только одна площадь возлѣ собора, на которой толпятся маневрирующіе солдаты, да базарныя бабы; ни кустика зелени въ городѣ; за то въ форштатахъ прекрасные общественные бульвары. Нѣмецъ вѣдь дома не живетъ, такъ что ему въ зелени подъ окнами или даже на окнахъ. Кронштатъ есть выраженіе австрійской администраціи вообще: жители его—Венгерцы, Валахи и отчасти Саксонцы окрестныхъ деревень; городскія власти—австрійцы; гарнизонъ—весь изъ поляковъ, полка Біанки. Жители мало понимаютъ одинъ другаго, а начальства свое вовсе не понимаютъ, за то оно ихъ знаетъ хорошо. Гарнизонъ же совершенно отчужденъ отъ жителей, потому, что никто въ городѣ не говоритъ по-польски, а солдаты и двухъ словъ не знаютъ по туземному, да и на какомъ языкѣ выучиться объясняться съ горожанами: нѣкоторые выучили было нѣсколько необходимыхъ словъ по-валахски, но

обращенныя къ Венгерцамъ или Саксонцамъ, эти слова оставались непонятымъ, и солдаты, въ невѣденіи, винили себя и рѣшили, что они никогда не выучатъ и слова общепонятнаго: такимъ образомъ они живутъ совершенно разъединено отъ жителей города и цѣль правительства достигнута. Даже командныхъ словъ своихъ офицеровъ они не понимаютъ, потому что эти слова на нѣмецкомъ языкѣ.

Кронштатъ въ старину назывался Брошовъ, потомъ Корона, наконецъ сталъ именоваться своимъ настоящимъ именемъ. Валахи и нынче называютъ его Брошовъ. Какъ бы то ни было, только его готическій, обширный, почернѣвшій отъ времени, пожаровъ и пороха соборъ, принадлежитъ къ 13 вѣку и свидѣтельству о значеніи въ то время города. Имя Брошова упоминается еще ранѣе въ исторіи. Преданіе говоритъ, что онъ получилъ его отъ короны, найденной здѣсь на концѣ дерева, и потому и та

и другой находятся въ его гербѣ: историкъ называютъ это басней, а истины не говорятъ. Нынче въ Кронштатѣ до 25000 жителей и онъ одинъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Трансильваніи.

Я попалъ въ Кронштатъ прямо на ярмарку (26 Маія). Изъ окна гостиницы, гдѣ я остановился,—въ Кронштатѣ есть очень порядочныя гостиницы,—видѣлась вся площадь, на которой ярмарка кипѣла народомъ и скотомъ. Отъ городской стѣны до Шлоссъ-бергъ, и вверхъ по ней, до самаго замка, который господствуетъ надъ городомъ, пестрѣли люди, каруцы, палатки, открытыя лавочки, нищіе, лошади, быки: всего болѣе было быковъ; эта разнообразная масса пестрѣла различными цвѣтами и шерстями; люди толковали, кричали на всевозможныхъ языкахъ, музыка невѣдомыхъ инструментовъ раздавалась тамъ и сямъ: каждый нищій визжалъ на какомъ нибудь инструментѣ, чтобы обратить на себя вниманіе. Впро-

чемъ на этихъ нищихъ нельзя было и не обратить вниманія. Если въ Букарестѣ попадаются очень много колѣкъ безъ ногъ и безъ рукъ, то это неудивительно: извѣстно что бывшіе Князья—Фанаріоты (особенно изъ нихъ Караджа) немилосердно рубили человѣческое мясо; за воровство—руки, за бѣгство—ноги, за возмущеніе—языки и такъ далѣе, до головы; но отъ чего такъ много колѣкъ самыхъ безобразныхъ, какихъ въ жизни не случалось мнѣ видѣть, здѣсь? Впрочемъ, не должно забывать, что это было во время ярмарки, на которой, какъ извѣстно, между всякимъ товаромъ, торгуютъ и на счетъ состраданія ближнихъ.

Надъ однимъ изъ балагановъ было написано по-венгерски, по-валахски и по-нѣмецки: «здѣсь показываются такіа вещи, какихъ свѣтъ еще никогда не видалъ!» — Странно, сказалъ Саксонецъ своей женѣ, стоявшей возлѣ меня, чего бѣ еще не видѣлъ свѣтъ! въ прошломъ году и слона приводили сюда. — Стран-

но! сказала жена. Непремѣнно надобно посмотрѣть «чего еще свѣтъ никогда не видѣлъ.» — Какія нибудь гадости! возразилъ мужъ. — Нѣтъ, должно быть что-нибудь хорошее, — и блаженная своею невинностью чета отправилась въ балаганъ; я пошелъ за ними, размышляя въ свою очередь, чтобъ это такое, чего свѣтъ еще никогда не видѣлъ.

Гораздо интереснѣе были комедіи, происходившія подъ открытымъ небомъ: тамъ четыре удальца, въ гусарскихъ венгерскихъ доломаняхъ, съ цвѣтами на каскахъ, плясали чудные танцы, ради забавы публики и своей корысти; далѣе, оборванный кандидатъ богословія, говорилъ хриплымъ съ перепоя голосомъ, размахивая руками, разныя сказки во всеуслышаніе, между тѣмъ какъ никѣмъ незримый, но обоняемый однимъ разскащикомъ, полицейскій чиновникъ слѣдилъ за нимъ, съ вниманіемъ кошки, сторожащей добычу, готовый при первомъ неосторожномъ

*

словѣ или движеніи схватить его и утащить въ невѣдомыя мирнымъ людямъ страны.

Картина была жива, пестра, ярка, но безъ рѣзкихъ, разманистыхъ очерковъ нашихъ русскихъ ярмарокъ.

— Хороша ярмарка? спросилъ я Ивана.

«Что за ярмарка: пьянаго лица не увидишь на площади!»

Дѣйствительно, эта черта народнаго быта кинется въ глаза каждому Русскому. Гдѣ бы казалось и покутить, какъ не на ярмаркѣ, на такой ярмаркѣ, которая состоитъ, по преимуществу, изъ сельскихъ произведеній! Какъ бы не записать «могарычей», — тѣмъ болѣе, что и благосклонная здѣшняя полиція позволяетъ добрымъ нѣмцамъ немножко выпить на радостяхъ.

Въ пестротѣ женскихъ нарядовъ самыя красивыя принадлежали австрійскимъ валашкамъ: ихъ коротенькія, опушенныя мѣхомъ шубейки и головной уборъ очень

привлекательныны. Между хорошенькими личиками всего чаще встрѣчались Венгерки. Попадались люди, въ сюртукахъ со шнурками, называемыхъ у насъ венгерками, въ широкихъ шараварахъ, съ огромнымъ хлыстомъ въ рукѣ, въ шляпахъ съ широкими тульями, съ красными носами и самою нахальною физиономіей: они одни бушевали на площади, сколько позволяла полиція, и народъ сторонился отъ нихъ, какъ отъ чумы: это были венгерскіе ремонтеры или барышники лошадьми.

Кронштатъ расположенъ у самого ска-та Капеленбергъ, почти отдѣльной отъ главной цѣпи горъ и имѣющей до 3039 футовъ высоты. — На вершинѣ Капеленбергъ стоялъ древній городъ и еще видны остатки стѣнъ. Мы поднимались къ нему около двухъ часовъ, не смотря на то, что дорожка, проложенная Австрійцами, была очень хороша; представившійся отсюда видъ, вознаградила насъ за тяжесть перехода. Вся обширная

равнина, обхватывающая Кронштатъ съ трехъ сторонъ, кажется вамъ однимъ роскошнымъ ковромъ, на которомъ набросано искусною рукою до полусотни деревень и деревенокъ, струятся рѣчки, змѣею извиваются дорожки или ровною нитью идутъ шоссе; вдали чуть—чуть слышится полоса горъ,—то другіе, сѣверные Карапаты; а возлѣ, на югѣ, возвышаются громадныя, увѣнчанныя снѣгами горы, Бучечъ и Лукрой. Тамъ, внизу, все мирно, уютно; тутъ громадно, величественно. Это былъ часъ таинственной тишины, когда кажется утомленная природа покоится, погруженная въ созерцаніе своихъ чудесъ. Только снизу, гдѣ, какъ муравейникъ, кипѣлъ городъ, доходилъ неопредѣлимый, неровный, непрерывный шумъ, голосъ нужды или тревоги сердца, голосъ расчета или вопль страданія. — Да замолчишь ли ты, несчастный, со своими житейскими требамъ! неужели у тебя нѣтъ одной минуты мира и внутренней тишины! — У

Муссильманъ есть опредѣленное время молитвы: въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ нѣтъ или мало поклонниковъ другой вѣры, особенно въ городахъ среднеазійцевъ, гдѣ палкой сгоняютъ людей въ мечеть, площади и улицы по временамъ совершенно пустѣютъ и настаетъ тишина совершенная. Душа отдыхаетъ въ молитвѣ къ Богу; она сочувствуетъ этому общему покою, котораго кажется требуетъ даже неутомимая дѣятельность и воспроизводительность самой природы.

Въ горы и въ горы! прощай Кронштатъ! — Правду сказать, осѣдлая жизнь, гдѣ все дышетъ порядкомъ, устройствомъ, довольствомъ, гдѣ найдешь и теплую постель и сытный столъ, имѣешь, на время, свою прелесть, но эта постоянная забота жизни, этотъ вѣчный расчетъ, эта тревога души, тревога мысли и страсти, которые тутъ-то какъ нарочно и рвутся, между тѣмъ, какъ тутъ имъ повсюду преграда, — все это дѣлается постылымъ, невыносимымъ. —

То ли дѣло тамъ! Нужда, правда! За то ничѣмъ и не платишь за нее. Эти утесы,—они также ваши, какъ и мои, какъ и этого сокола, который вьетъ на немъ гнѣздо, какъ и этой каприюли, черной дикой козы, которая, собравъ все четыре ноги въ одну точку, довольствуется пространствомъ острія утеса и граціозна и прекрасна на немъ, а можетъ быть и счастлива. Тутъ все общее. Устали, ложитесь на мягкой мохъ, подъ затишье утеса или подъ тѣнь выдававшегося камня; скучно, тѣсно,—взберитесь на верхъ,—цѣлый міръ чудесъ передъ вами!.... Правда, подъ часъ ничто не успокоитъ, ничто не утѣшитъ; душа тоскуетъ, ноетъ, и тяжело ей отъ своего одиночества, и не подъ силу ей величественная картина..... Что дѣлать? терпите, на то вы человѣкъ! царь земнаго! Тѣшитесь своимъ громкимъ именемъ.....

ГЛАВА III.

Если хотите вы изучить Карпатъ въполнѣ, если не устанете слѣдить его—гряда за грядою, меня—шагъ за шагомъ,—ступайте за мною. Впрочемъ, какое вамъ дѣло до автора? Путешествуй онъ себѣ по Голубому Нилу или по Невскому проспекту,—вамъ все равно; но Карпатъ,—онъ стоитъ вашего вниманія: онъ могучъ и красивъ, онъ таковъ, какъ вышелъ изъ подъ рукъ чудодѣйственной природы. Его утесы недоступны и служатъ кладбищемъ орламъ, какъ увидимъ ниже; его лѣса темны, какъ ночь и дѣвственны, какъ поворожденная луна, его горныя долины (plataeux) зе-

лены, какъ изумрудъ, его люди,—пу люди пресмыкаются у стопъ его, какъ слабый у стопъ спльнаго,—люди вездѣ таковы, а тутъ они вышли изъ подъ бича Турка, да изъ подъ ярма Князей—Фанариотовъ.

Чтобы представить себѣ положеніе описываемыхъ мною мѣстъ въ Карпатахъ, припомните очертаніе ихъ, сдѣланное въ началѣ книги. Римникъ на Ольтѣ, по-сю сторону Карпата, соотвѣтствуетъ Германштату по ту, или трансильванскую сторону горъ: оба они лежатъ ниже Кронштата и Кимполунга, именно на высотѣ 1372,8 футовъ, по разрѣзъ первозданныхъ горъ на линіи отъ Римника до Германштата шире и болѣе развитъ въ геологическомъ отношеніи. — Ольтѣ, или какъ Нѣмцы называютъ его Альтъ, римскій Олута, единственная рѣка, которая пересѣкаетъ весь южный кряжъ Карпата, выходя довольно далеко за нимъ въ сѣверо-западной части Трансильваніи. — Шиль тоже раз-

рѣзалъ одну гряду Карпата, но немощный, онъ кружится вокругъ нея, выбирая мѣста положе и выходя все таки изъ той же южной цѣпи горъ. Ольтъ похожъ на нашъ Иртышъ,—каковъ онъ въ своемъ началѣ отъ озера Норъ-Зайсана и еще болѣе на Верхній Иртышъ, и похожъ только на него одного, сколько мнѣ извѣстно: онъ разсѣкъ, словно сабельной полосой, Карпатскія горы и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ всего неприступнѣй, гдѣ, какъ мы замѣтили, представляютъ самую большую область первозданныхъ горъ и улегся между ними какъ сабельная полоса. — Какъ чудесенъ онъ, этотъ Ольтъ! Озлобленные утесы жмутъ его, недоступные; первобытные лѣса сурово глядятъ на него, помавая своими вѣковыми главами, а онъ, гордый, мощный несется быстро, всесокрушительно, пока не выйдетъ изъ утесовъ, пока природа не уступитъ ему въ бою и не удалитъ его противоборцевъ, свои неприступныя горы. Около

Козья, омывая монастырскія стѣны, онъ уже смиряется, какъ бы благоговѣя передъ святынею; далѣе внизъ, онъ течетъ между горами болѣе пологими и около Рымника образуетъ прелестнѣйшую, довольно возвышенную равнину.

Человѣкъ, которому всюду тѣсно, пошелъ за Ольтомъ, подобно Ольту, на битву съ природою и людьми. — Рѣка не допустила его на свои строптивыя волны, онъ, упорный изсѣкъ себѣ карнизъ въ скалахъ и, лепясь по немъ, перешелъ Карпаты. Слѣды этой гигантской дороги, устроенной по закраинамъ горъ первоначально Римлянами, — все Римлянами и все при Траянѣ, какъ будто этотъ императоръ жилъ баснословный вѣкъ, — слѣды этой дороги въ скалахъ видны очень ясно и нынче. Дорога переходила съ одной стороны Ольта на другую, смотря по удобству мѣстности, но выйдя изъ горъ, шла все по правому берегу рѣки до самаго Дуная, по крайней мѣрѣ я встрѣчалъ ея остатки только на

этой сторонѣ. Напрасно называютъ ее шоссе; я раскапывалъ ее во многихъ мѣстахъ и убѣдился, что она сдѣлана безъ настилки, безъ полотна, только ограждена по краямъ рядомъ большихъ камней и составлена изъ рѣчныхъ довольно крупныхъ галекъ: гравія на ней и не было, потому что не видно и слѣдовъ его. — Кажется нельзя сомнѣваться въ томъ, что эта дорога построена дѣйствительно Римлянами, особенно если обратить вниманіе на то, что она проходила черезъ всѣ важнѣйшіе города Римскихъ колоній, которыхъ остатки, хотя очень слабые видны и теперь; но письменные памятники попадаются очень рѣдко и довольно темные; и то правда, на этотъ предметъ до сихъ поръ не обращали никакого вниманія. Въ кабинетѣ Мпхаила Гики, бывшаго Дворника Валахіи, хранится доска временъ императора Трояна, найденная на Римскомъ пути, съ надписью, свидѣтельствующею, что такой-то участокъ былъ

уступленъ такимъ-то подъ дорогу. Во время войны Австрійцевъ съ Турками, при императорѣ Карлѣ VI, римская дорога была возобновлена и продолжена въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она уклонялась на лѣвый берегъ; такимъ образомъ дорога шла и нынче идетъ по правому берегу непрерывно отъ Рымника до Германштата. Огромная доска, врубленная въ скалу на значительной высотѣ, недалеко отъ Кипень, свидѣтельствуешь объ гигантскомъ трудѣ Австрійцевъ. Каменный орелъ, державшій когтями доску или парившій надъ нею, расшибенъ низпадшимъ сверху обломкомъ скалы. Австрійцы, при сооруженіи дороги, имѣли вѣрнаго себѣ союзника въ порохѣ, котораго не знали древніе; слѣды римскаго долотообразнаго кайла видны и нынче въ прорѣзяхъ утесовъ. Не менѣе трудно было прорубить валахскій участокъ пути отъ Козья до Кипени; но хотя главный трудъ оконченъ и осталось-бы только уравнивать дорогу, однако къ этой послѣд-

ней операціи никакъ не рѣшаются приступить; подрядчикъ, взявшій на себя устройство дороги, получилъ почти всю условленную за нея плату (11000 червонцевъ) и нехочетъ оканчивать ее: «идетъ переписка» — скажутъ вамъ въотвѣтъ, а вы сами знаете, что гдѣ пойдетъ переписка, тамъ никогда не дойдетъ до дѣла. Нынче же дорога съ Валахской стороны представляетъ волнообразную стезю камней, которые торчатъ снизу, словно кабаньи клыки, и счастливы вы, если поплотитесь за проѣздъ по ней только своимъ экипажемъ, а не ребрами.

Ряди живописности картины, на право, внизу подъ вами, бездна, мѣстами въ 600 футовъ глубины, вверху, надъ вами, утесъ больше 1000 футовъ высоты; между-тѣмъ, какъ дорога такова, что два экипажа никакъ не могутъ разъехаться, кромѣ на извѣстныхъ и нарочно для того оставленныхъ площадкахъ. Если бы существовало общество поощренія чего нибудь отлично дурнаго, по части

дорогъ,—а такое общество конечно скоро образуется изъ экипажныхъ мастеровъ,—то оно выдадо бы премію творцу этой дороги. — Кто добивается сильныхъ ощущеній, тому советуемъ по ней проѣхаться въ валахской почтовой повозкѣ, и если изъ него не вышибутъ душу или не выбросятъ его въ Ольтъ, то вѣрно онъ испытаетъ то, чего никогда не испытывалъ и ему не зачѣмъ будетъ ѣхать за этимъ далеко. Но я описалъ вамъ состояніе дороги при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, когда же буря повалитъ на распуты нѣскольکو деревьевъ, которыхъ никто не спѣшитъ убрать, когда накопившіеся отъ дождей ручьи ниспадають водопадами и обломки камней градомъ сыплются сверху, тогда сохрани Боже! А зимой, въ мятель, которая случается здѣсь такъ часто!....

Рымникъ стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была древняя Ремисіана; многоближній можно подвести для подтвержденія

этого; еще недавно на городской площади, при рытіи канавы, открыли огромный камень съ латинской надписью: надписи конечно никто не разобралъ, а чтобы вынуть камень, его разбили, надъ чѣмъ трудились, нѣсколько времени, 200 человекъ: видите ль, камень надобно было непременно уничтожить,—и вѣроятно ни для чего другаго, какъ въ предположеніи открыть подъ нимъ кладъ: здѣсь такая же манія къ поискамъ кладовъ, какъ у насъ къ поискамъ золотыхъ розсыпей. Еще и нынче попадаются обломки этого камня съ отдѣльными латинскими буквами.

Возлѣ Рымника, возвышается небольшой холмъ, сохранившій названіе Читатусы, крѣпостцы; на немъ видны остатки укрѣпленія и нѣкоторыя антикваріи пріняли ихъ за римскія; между-тѣмъ, какъ стояло только сличить ихъ съ исторіей послѣднихъ войнъ Австріи съ Турками и со свойствомъ самаго укрѣпленія, еще порядочно сохранившагося, и

легко было убѣдиться, что это дѣло рукъ Австрійцевъ; тутъ было ихъ укрѣпленіе, а на противоположной сторонѣ Ольта—турецкое; въ послѣднемъ недавно найденъ, не глубоко въ землѣ, янычарскій ятаганъ.

Рымникъ лежитъ на правомъ берегу Ольта и слѣдовательно принадлежитъ къ Малой Валахія; но еще будетъ время говорить о Рымникѣ, потому что мы не разъ посѣтимъ его и не на короткое время; едва ли только что найдется говорить объ немъ.

Долина Ольта до самаго Козья, какъ мы замѣтили, прекрасна; по ней идетъ дорога среди природныхъ садовъ. На пути деревня Калиманешти: тутъ сѣрные и желѣзистые ключи; при нихъ нѣтъ почти никакого устройства; люди, ищущія исцѣленія, помѣщаются въ крестьянскихъ избахъ и нѣкоемъ зданіи, которому нѣтъ имени, хотя назначеніе его, именно, служить помѣщеніемъ для посѣтителей источниковъ; въ немъ находятся

и самыя ванны,—грязныя ямы, очень похожія на помойныя ямы, или тѣсныя ванны, въ которыя едва можетъ помѣститься ребенокъ. Нужно много рѣшимости и много увѣренности въ изцѣленіи, чтобы подвергать себя тѣмъ лишеніямъ, которыя здѣсь неизбежны; и точно, источники, говорятъ, цѣлебны. За полтора часа отъ нихъ есть другіе, Олимпанешти. Древніе Римляне знали цѣлебность нѣкоторыхъ источниковъ нынѣшней Валахія и между прочими Калиманешти.

Отъ Рымника до Козья полторы почты, 3 часа ѣзды; мы въѣхали, при звонѣ колоколовъ, на монастырскій дворъ и пошли прямо въ кіоскъ. — Въ недоумѣніи остановился я у перилъ; страхъ и радость обхватили меня. — Я не видалъ ничего подобнаго въ Валахія, а видѣлъ много великолѣпныхъ картинъ, начертанныхъ природой. Ольтъ лежалъ подъ нами; гряды гигантскихъ утесовъ сжимали его такъ крѣпко, что онъ казалось задыхался между ними и ревѣлъ и ме-

тался какъ бѣшеный, но у монастырскихъ стѣнъ нѣсколько смирялся; все еще однако брызги его летѣли высоко вверхъ. Здѣсь Ольтъ шириною въ пол-Невы.

[Долго оставался я безмолвнымъ зрителемъ этой картины; на душѣ было такъ тихо и мирно.] Если есть счастье на землѣ, то первыя минуты подобнаго впечатлѣнія можно назвать истиннымъ счастьемъ. — Уйдемъ скорѣе отсюда, пока не настало разочарованіе, неизбежный удѣлъ всего прекраснаго, и унесемъ, какъ похищенную сокровищницу, воспоминаніе объ этой блаженной минутѣ.

Козье, второй монастырь въ Валахіи по получаемымъ доходамъ, а какъ здѣсь все исчисляется деньгами, то и въ іерархіи монастырей онъ второй:—первый Орезъ. Доходы монастыря простираются до полумилліона піастровъ (*);

(*) Піастръ почти равняется десяти копейкамъ серебромъ.

церковь его въ хорошемъ состояніи, но большая часть стѣнъ его и дома лежатъ въ развалинахъ послѣ посѣщенія Турокъ, въ 1821 году, въ несчастную междоусобную войну, которую простой народъ такъ поэтически называетъ «войною за вѣру» и которая извѣстна подъ именемъ этеріи. Монаховъ въ Козь-емъ всего 40 человѣкъ: число незначительное, если скажемъ, что въ Каларушанахъ, на примѣръ, до 500 человѣкъ!— Всѣ лучшія земли въ Валахіи принадлежатъ патріарху Константинопольскому, Афонской горѣ и такъ далѣе, и высылаютъ къ своимъ владѣльцамъ всѣ доходы, между-тѣмъ, какъ монастырскія зданія и церкви стоятъ въ развалинахъ. Козій монастырь принадлежитъ княжеству.

Гдѣ же дорога? спросилъ я, зная что она идетъ вдоль Ольта и видя гряды утесовъ на лѣво, гряды утесовъ на право и, наконецъ, каменную стѣну впереди. Миѣ показали на лѣво, въ третью высоту

утеса, желтую черту, словно нацарапанную булавкой на черной доскѣ. Это они называютъ дорогой! подумалъ я, и еще римской! Быть же потѣхѣ! и дѣйствительно была потѣха.—Но на этотъ разъ мы отсрочили на нѣкоторое время свои дальнѣйшія мученія и, проѣхавъ около двухъ часовъ отъ Козья, въ Проэняхъ, достигли разрѣза горъ и своротили въ лѣво. Бассейнъ Латру, довольно значительной рѣки, представлялъ намъ всѣ удобства къ путешествію вдоль Карпатовъ.—Если я говорю удобства, то не должно полагать, чтобы мы часто находили тропу, кромѣ той, которую пролагали медвѣди, а ихъ здѣсь очень много. Мы путешествовали верхомъ или пѣшкомъ. Природа здѣсь чрезвычайно дика. Нависшая ель съ утеса, за который Богъ знаетъ какъ она вцѣпилась, грозитъ обрушиться на васъ. Рѣдко встрѣчаются избушки. Пастухи также попадаютъ не часто, потому что тутъ мало пищи овцамъ и даже иня макановъ

здѣсь неизвѣстно; капріюлей, дикихъ козъ и оленей много.

Латру, какъ видимъ, сохранилъ и по нынѣ свое римское имя; можетъ быть онъ названъ такъ потому, что противъ сокрушительной быстрины его ничто не могло противустоять, можетъ быть потому, что здѣсь укрывались разбойники; мѣста же представляютъ всѣ удобства для нихъ.

Часовъ черезъ 6, 7 пути вверхъ по Латру мы остановились. Пестрая толпа, человѣкъ въ сорокъ, большею частію Валаховъ и Цыганъ, разкинулись на узкой площади образуемой горами; никто не подумалъ устроить себѣ шалашъ, какъ водится у насъ, хотя всѣ знали, что мы остановились здѣсь на долго; кто пріютился подъ деревомъ, кто у камня, кто просто подъ открытомъ небомъ; только надо мною возвышалась безобразная масса вѣтвей и травы, вовсе незаслуживавшая имени балагана, которое

придавали ему Русскіе и еще менѣе «кучи», дома, какъ называли ее мои арнауты; «кучей» могла она развѣ назваться въ русскомъ значеніи слова.

Прошелъ мѣсяцъ. Одиночество стало сказываться въ душѣ; порою скука отзывалась на голосъ одиночества и просилась въ мой шалашъ, къ моему изголовью; порою заходили въ голову разныя нехорошія мысли, съ которыми не легко было совладать..... Порою даже природа казалась однообразною, но въ самомъ дѣлѣ будто это единообразіе! Гряда дикихъ утесовъ не измѣнялась ли безпрестанно по волѣ солнечныхъ или лунныхъ лучей, не являлась ли иногда черной, страшной и угрожающей, иногда вся въ огнѣ, между тѣмъ какъ ярко зеленая покатость противоположной горы сливалась въ безотчетной тѣни вечера; а этотъ пикъ (pic), высокій и одинокій даже среди ряда утесовъ!—какъ пустыненъ онъ, какъ не-

доступенъ; никогда не видѣлъ я дикой козы на вершинѣ его, ни птицы въ окрестности и, вѣрно, никогда змѣя не доползала туда, и немудрено: онъ почти на 800 футовъ подымался надъ грядою горъ, которой высота по моему измѣренію доходила до 5000 футовъ и казался обсѣченнымъ, такъ отвѣсны были бока его, а зубчатая вершина походила на терновый вѣнецъ. Приличенъ ей, издѣвающейся надъ громами и бурями этотъ терновый вѣнецъ, какъ челоуку, стоящему крѣпко и гордо, съ поднятою вверхъ головою, среди бичеванія бѣдствій! Глаза мои часто обращались къ этому одинокому, какъ бы отчужденному отъ всей природы жильцу, и грустно мнѣ становилось глядя на него; ни малѣйшаго признака жизни не замѣчалъ я на немъ.

Въ уединеніи каждое движеніе природы кажется происшествіемъ; сживаешься съ нею, словно съ милой подружницей. Разъ, утромъ, едва начинало свѣ-

тать, слышалъ я надъ собою какой-то глухой крикъ, въ родѣ карканья вороны, и свистъ въ воздухѣ. Я всталъ, и глазамъ моимъ явилось странное зрѣлище. Вокругъ этого страшнаго утеса вился орелъ, но такъ низко былъ его полетъ, такъ тяжело взмахивалъ онъ крыльями, что казалось касался камней низшей полости горной гряды; вотъ появился въ высотѣ другой, третій, вотъ еще нѣсколько орловъ, но всѣ высоко, какъ слѣдуетъ царямъ птицъ; первый орелъ, который какъ увидимъ, былъ героемъ этой сцены, началъ отдѣляться отъ земли; какъ бы стыдясь своего положенія передъ товарищами, онъ подымался выше, выше, видимо напрягалъ всѣ усилія, широко расправляя отяжелѣвшія крылья и описывая неровные круги надъ утесомъ; вотъ онъ достигъ высоты прочихъ орловъ; а тѣ вились вокругъ него, испуская какіе-то дикіе звуки, которыхъ я никогда дотолѣ не слышалъ, несмотря на то, что часто видѣлъ ор-

ловъ и казалось хорошо зналъ ихъ правы. Вотъ нашъ герой взвился выше прочихъ, превратился въ точку и исчезъ въ облакахъ; но другіе кружились все на томъ же мѣстѣ, шныряя и скрестиваясь въ своемъ полетѣ, словно калужари въ своемъ мистическомъ танцѣ. Вдругъ, съ высоты, какъ ринутый свинецъ, неся нашъ орелъ прямо на зубчатый утесъ, неся шибко, и съ размаха палъ на вершинѣ его, — только перья и пыль взвилсяъ вокругъ его и разсѣялись. — Въ это время раздался такой пронзительный крикъ прочихъ орловъ, что стоявшіе вокругъ меня люди невольно присѣли, схватившись обѣими руками за головы, какъ бы страшась, чтобы орлы не упали на нихъ; но когда первое изумленіе прошло и мы взглянули вверхъ, — все было тихо и пусто; утесъ, одинокій и безмолвный, стоялъ, какъ бы въ угрозу землѣ и даже небу, которое такъ щедро осыпало его въ это время первыми лучами возвращав-

шагося изъ дальнихъ странствованій солнца.

«Что это такое? спросилъ я въ изумленіи стоявшаго возлѣ меня Валаха.

— Штіо іо! (знаю я, или почему—я знаю), отвѣчалъ онъ съ проклятымъ равнодушіемъ, съ которымъ Ромынь произноситъ эту фразу на всякій вашъ вопросъ, и пожимая плечами.

«Что это значитъ? спросилъ я цыганскаго ватафа, старика отличавшагося своею смышленостію.

— Старикъ значительно покачалъ головою: это значитъ, что орлы хоронили стараго своего товарища!

«За живо!»

— Да! Орелъ, отжившій вѣкъ, самъ знаетъ честь и отлетаетъ на покой, боясь, чтобъ не случилось съ нимъ, какъ бываетъ съ старымъ человѣкомъ, котораго кто только хочетъ, тотъ и клюетъ, беззащитнаго. Пожалуй, этакъ воронье заклевало бы орла и перья его разнесло бы вѣтромъ; а тутъ онъ самъ выбираетъ

могилу и всегда разборчиво, — такъ, чтобъ ни человѣкъ, ни звѣрь не потревожилъ его вѣчнаго покоя. У насъ говорятъ, что эта скала служить кладбищемъ для орловъ, потому и называется «орлиною»; можетъ и такъ: на ней никто небывалъ.

Можетъ и такъ, — подумалъ я. А можетъ быть осужденный на смерть грознымъ судилищемъ пернатыхъ властителей, кружившихся вокругъ него, самъ исполнялъ приговоръ ихъ надъ собою; можетъ быть, преслѣдуемый, разимый ими въ бою или не нашедшій защиты подъ небомъ, низвергся, пораженный или предпочевшій добровольную смерть позорной гибели. Какъ знать! Но впрочемъ, гдѣ дѣваются остатки птицъ и звѣрей, въ нечисленномъ множествѣ населяющихъ воздухъ и землю; случалось ли вамъ видѣть когда нибудь трупъ животного, погибшаго не отъ насильственной смерти? — Нельзя предположить, чтобы тѣла умершихъ были пожираемы живыми съ такою быстротою, чтобъ чело-

вѣкъ никогда не замѣчалъ ихъ труповъ. Очень вѣроятно, что они гдѣ-нибудь хоронятъ сами себя передъ смертию. Въ Средней Азiи случалось мнѣ иногда слышать о кладбищахъ птицъ и звѣрей, куда являются они на призывъ смерти. Браминны говорятъ, что тѣ и другія никогда не умираютъ, а переселяются заживо одинъ въ другаго. Мнѣ, можетъ быть, укажутъ на домашнихъ ручныхъ птицъ и звѣрей, но тѣ слишкомъ отступили отъ своего естественнаго начала, да и гдѣ укрыться имъ отъ людей, чтобы умереть незамѣченными ими; тѣмъ не мене, однако, вамъ вѣрно случалось замѣтить, что собака, это благороднѣйшее и честнѣйшее изъ животныхъ, передъ смертию ищетъ потаеннаго уголка, гдѣ бы умереть, и безпрестанно скребетъ лапами, какъ бы изрывая себѣ могилу.

Орлу орлиная смерть! Иначе не можетъ, не долженъ умереть орелъ, сподружникъ звѣздъ, жилецъ неба. Сколько поэзiи въ этомъ надсмертномъ отпѣванiи, сколько

таинства въ этихъ кабалистическихъ кругахъ, сколько вѣрованія въ этомъ добровольномъ самоубійствѣ и сколько тутъ гордаго, орлинаго величія, которое боится, чтобы даже прахъ его не достался въ удѣлъ землѣ; можетъ быть нашъ орелъ и взвился было такъ высоко, чтобы достигнуть небесъ и тамъ сложить свои кости, но небеса стоятъ отверсты, роскошны, приманивающіе всѣхъ и недостижимы ни для кого, ни даже для полета орла!

Долго ль человѣкъ съ такимъ упорствомъ будетъ отвергать всякую способность мышленія у животныхъ, надѣлая его однимъ инстинктомъ, конечно за недостаткомъ свѣденій объ нихъ, и, въ припадкѣ гордости, называть себя царемъ вселенной! Пора отложить мнимую свою власть надъ ними въ сторону, и заняться предметомъ съ любовью, а не въ упоеніи гордости и своего величія; а право, цѣлый міръ животныхъ, косматыхъ и пернатыхъ, вполне за- ✓

служиваетъ этого. *El mondo es poco* — міръ малъ—сказалъ Коломбъ Изабеллѣ; съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался еще тѣснѣе для нашего любознания: вотъ новый міръ,—изучайте его! Я воображаю себѣ, какимъ бы дикимъ смѣхомъ захохоталъ медвѣдь, если бы могъ прочесть любое опредѣленіе себѣ въ нашей естественной исторіи; порядочный карпатскій медвѣженокъ лучше знаетъ свойства человѣка, чѣмъ мы его. Неужели при нынѣшнемъ состояніи наукъ, о которомъ говорятъ съ гордостію, мы можемъ довольствоваться однимъ наружнымъ опредѣленіемъ животнаго, не зная ни его образа жизни, ни его нравовъ, ни его общественнаго управленія и надѣлая безъ разбора всѣхъ инстинктомъ, чтобы выпутаться изъ своего незнанія передъ любопытнымъ и неотвязчивымъ школьникомъ.

Кстати мы заговорили о карпатскихъ медвѣдяхъ: вотъ образчикъ ихъ находчивости. Трансильванскій Валахъ, котораго я жаловалъ, притащилъ мнѣ, по со-

сѣдству, на Латру, колодку пчелъ: эта колодка пчелъ и моя верховая лошадь составляли предметъ общихъ заботъ, хотя правду сказать, заботы ограничивались не многимъ; всякій говорилъ, что надобно поискать и нарвать травы для лошади на сторонѣ, потому, что подножный кормъ былъ очень бѣденъ, и никто не дѣлалъ этого: моя лошадь продовольствовала себя какъ могла, а медъ изъ колодки пчелъ подрѣзывалъ всякій, кто хотѣлъ, и всегда подъ какимъ нибудь благовиднымъ предлогомъ. — Однажды эти похищенія превзошли всякую мѣру. Проснувшись поутру, мы увидѣли улей опрокинутымъ и бѣдныхъ пчелъ въ ужасномъ волненіи, жужжащихъ вокругъ своего жилища. Стали доискиваться вора, и увидѣли гладко умятую тропу медвѣдя. — Судя по нѣкоторымъ отдѣльнымъ шагамъ, видно было, что онъ былъ не одинъ и не изъ слишкомъ опытныхъ, потому что не умѣлъ скрыть своей тропы, наведя ее куда нибудь въ рѣку, а пренебрегать

ему этимъ обстоятельствомъ было нельзя, потому что онъ конечно умѣлъ пересчитать насъ. Уже по одной этой самонадѣянности, легко было догадаться, что молодецъ придетъ еще полакомиться нашимъ медомъ, который пришелся ему за даромъ наканунѣ.—Мы перенесли улей на другое мѣсто и разложили возлѣ него огонь, надѣясь, что медвѣдь не полѣзетъ на него, особенно въ присутствіи столько людей.

Около полуночи, раздался шорохъ мятой травы, который очень хорошо знакомъ каждому въ горахъ.—Кто не спалъ, притаилъ дыханіе, ожидая, что будетъ, и готовый вооружиться чѣмъ попало, при первой тревогѣ. Сначала показался изъ за кустовъ медвѣженокъ, за нимъ шла медвѣдица; ясно было, по заботливости, которою она окружала его, что это была мать. Медвѣженокъ бѣжалъ прямо къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ улей: мать старалась опередить и заслонить его; ненашедши улья мохнатый мишка сильно

разсердился: это былъ *enfant gaté* медвѣжьяго рода; но мать скоро открыла гдѣ былъ медъ; тутъ они однако встрѣтили новое препятствіе: огонь очень не нравился обоимъ. Мать пошла къ ручью и, окунувшись въ него, вернулась назадъ; подошедши къ огню, она встрѣпенулась и цѣлый ручей воды едва не заплеснулъ огня; она повторила это въ другой разъ, въ третій; медвѣженокъ подражалъ ей самыми уморительными движеніями; точь-въ-точь ребенокъ копирующій большихъ. Когда стемнѣлось, медвѣженокъ опрокинулъ улей и, запустивъ въ него лапу, несмотря на свою молодость, очень ловко тащилъ медъ; вскорѣ онъ недовольствовался этимъ и сунулъ въ него всю голову: видно пчелы жалили его сильно или онъ не могъ освободиться изъ улья, только мишка взревѣлъ, махая своимъ головнымъ украшеніемъ. Мы рѣшились воспользоваться этой благопріятной минутой и кинулись на непріятеля; но мать, стоявшая

на караулъ во все время, какъ сынокъ извоилъ проказничать, замѣтила наше движеніе прежде еще, чѣмъ мы успѣли вооружиться; она смяла въ своихъ лапахъ улей, чтобы поскорѣе освободить отъ него голову медвѣженка и оба бѣжали. Бѣдняку вѣроятно порядочно досталось отъ раздраженныхъ пчелъ; онъ то и дѣло останавливался, обтирался передними лапами или терся мордой объ косматые бока матери, которая металась во всѣ стороны, чтобы заслонить его отъ людей. Невозможно себѣ вообразить, съ какими самоотверженіемъ, съ какимъ остервененіемъ, она нѣсколько разъ кидалась въ толпу людей, и потомъ опять къ сыну, заботясь только объ немъ одномъ; несмотря на угрожавшую опасность, она нѣсколько разъ останавливалась и облизывала больныя мѣста своего дѣтища, или заслоняла его отъ выстрѣла.—И это въ понятіяхъ нашихъ не больше какъ животный инстинктъ! Мое ружье было заряжено дробью, а только и было ружья, что

у меня; поэтому неудивительно, что медвѣди совершили счастливо отступленіе, но долго слышался еще ревъ бѣднаго медвѣженка.

Мы поднялись до вершины Латру, все по его бассейну, который только мѣстами образовалъ небольшія долины: такъ сжатъ онъ былъ въ утесахъ, которые составляютъ одну изъ высшихъ цѣпей Карпата. Оттуда возвратились мы по самому хребту его, слѣдуя по направленію той же рѣки. 9 Іюля, съ вечера, небо стало хмуриться и дуло холодомъ; потомъ запорошилъ снѣжокъ. Мы разложили огромный костеръ и сидя вокругъ него шутили надъ тѣмъ, какъ перенархивалъ онъ по желто-зеленымъ листьямъ орѣшника, какъ бы двясь такому чуду. Но на другой день намъ было не до смѣха.—Снѣгъ сыпалъ словно въ Ноябрь и въ свою очередь издѣвался надъ нами. Полунагіе цыгане корчились, какъ въ судорогахъ; передъ нами тянулся рядъ голыхъ камней и не было ни защиты

отъ вѣтра, ни топлива. Такъ продолжалось съ часъ.

Въ Проэняхъ сѣлъ я въ экипажъ и опять пустился по этой чудовищной дорогѣ, — а еще трояново шоссе! — Ужъ пусть въ горахъ, гдѣ нѣтъ и слѣда человеческого, тамъ и не взыскиваешь за дорогу, какова ни есть; идешь себѣ пѣшкомъ, спотыкаясь о камни, цѣпляясь за колючіи кустарникъ и находишь все это въ порядкѣ вещей; но на почтовой дорогѣ, стоившей столько денегъ, въ своемъ экипажѣ, надѣешься найти хоть немножко удобствъ, необходимыхъ для путешественника. — Не тутъ-то было! Къ довершенію бѣдствій начались границы, карантинны, таможни и Богъ знаетъ еще какія порожденія досужаго воображенія валахскихъ и австрійскихъ пограничныхъ чиновниковъ. Здѣсь Валахи тоже имѣютъ двѣ заставы, а не одну, и дѣйствительно, какъ же имъ въ свою очередь не потормозить бѣднаго путешественника, когда сосѣди тѣшатся надъ

нимъ сколько душѣ угодно. — Нестану вамъ описывать всѣхъ продѣлокъ австрійскихъ чиновниковъ: скажу только, что они осмотрятъ всѣ ваши вещи, ошупаютъ всѣ ваши кости, сводятъ, и это нѣсколько разъ, на высоту 300 ступеней, на какую-то башню, окуратъ васъ, омоютъ вашихъ лошадей, спишутъ весь вашъ паспортъ, будь онъ въ нѣсколько листовъ, выжмутъ васъ, какъ амальгаму, сквозь лайку своихъ перчатокъ и только тогда, какъ вещь больше для нихъ ни къ чему негодную, выбросятъ за шлагбаумъ.

Отъ Рымника до Германштата меньше лѣтняго дня ѣзды; но по милости разнаго рода пограничныхъ манипуляцій, вы едва доѣдете въ два дня. Еще со мною поступали по-сосѣдски. Послѣ этого всего, я васъ спрашиваю, благоразуменъ ли человѣкъ, который, ради такъ называемой умственной дѣятельности, составляющей предметъ его человѣческой гордости, превращаетъ свое прекрасное

*

человѣческое тѣло въ мѣшокъ, въ котормъ толкутъ его собственныя кости, то встряхивая, то подталкивая справа и слѣва, какъ бы для того, чтобы онѣ плотиѣ улеглись, а голову свою предаетъ на жертву такимъ постукиваніямъ и пощелкиваніямъ, что въ короткое время она превращается въ пузырь, набитый орѣхами? Въ такихъ обстоятельствахъ позавидуешь даже медвѣдю, который лежитъ покойно въ уютной берлогѣ, рядомъ съ мохнатою подругою своею, — что впрочемъ рѣдко съ нимъ случается, по непривычкѣ къ любовнымъ дѣламъ, — или потому, что онъ, предаваясь сладостному *far niente*, круглую зиму лижетъ свою лапу, — а это составляетъ высокое чувственное наслажденіе, хотя немножко въ медвѣжьемъ родѣ.

А между тѣмъ, мы съ вами, добрый читатель, все ѣдемъ да ѣдемъ: не знаю кому изъ насъ легче, кому хуже отъ этой поѣздки.

На пути, и особенно по лѣвому (по теченію) берегу Ольта, гдѣ большею ча-

стію шла римская дорога, кое-гдѣ видны слѣды, хотя полуизглаженные, пребыванія Римлянъ: выдавшійся изъ берега обломокъ обтесаннаго камня, можетъ быть служившаго пристанью для римскихъ плоскодонныхъ судовъ, на которыхъ легіоны переправлялись съ одного берега на другой, надъ груда камней, видимо непринадлежащихъ, по своей огромности, послѣдующимъ за Римлянами пигмеямъ здѣшнихъ странъ. — Часто встрѣчается еще уцѣлѣвшая стѣна воеводъ поколѣнія славянскаго, показывающая, что Валахія въ то время была не то, что при князьяхъ—фанаріотахъ, которые, подобно Туркамъ, населили страну одними развалинами. Гораздо замѣтнѣе остатки укрѣплений Австрійцевъ, принадлежащихъ большею частію къ несчастной ея войнѣ, въ 1738 и 39 годахъ, войнѣ, кончившейся унижительнымъ для Австріи миромъ, который она заключила 1-го Сентября, не зависимо отъ Россіи, хотя дѣйствовала какъ ея союзница. Въ

силу этого мирнаго договора императоръ сдалъ Туркамъ Бѣлградъ, который можно почесть ключемъ Венгріи, уступилъ Сибачъ, Буковину, Орсову и сдѣлалъ бы еще большія уступки, если бы Турки ихъ потребовали; въ такомъ страхѣ былъ императоръ и войско; а между-тѣмъ, въ то же время, Русскіе, подѣ начальствомъ знаменитаго Миниха, одержали одну изъ блистательнѣйшихъ побѣдъ надъ Турками, подѣ Ставучанами, которая вполне смыла наше Прутское пораженіе и самыя неудачи Миниха въ предшествовавшемъ походѣ.

Минихъ разразился гнѣвомъ, услышавъ вѣсть объ этомъ успѣшномъ и отдѣльномъ мирномъ трактатѣ Австрійцевъ; въ письмѣ своемъ къ князю Лобковичу, возбудившемъ сильное негодованіе австрійскаго двора, онъ между прочимъ писалъ: «Развѣ вы не считаете своего мира постыднымъ? Вы отперли Оттоманамъ ворота въ Вѣну, вы заключили такой миръ, что нельзя бы заключить и

тогда, когда бѣ непріятель, разбивши вашу армію, сталъ у Вѣны. И что жъ послѣ этого нашъ союзъ? Мы беремъ крѣпости, вы отдаете ихъ. Мы предписываемъ непріятелю законы, вы ихъ принимаете отъ того же непріятели! Хоть бы подождали нашихъ побѣдъ» и проч. Послѣдствія Славянской войны для Россіи конечно извѣстны Русскимъ. Въ западномъ отклонѣ Карпата есть темное преданіе объ отступленіи отряда Фролова (1739 г.) изъ Валахіи черезъ Австрійскія земли; даже показываютъ одно возвышенное мѣсто, гдѣ стоялъ его лагерь.

И такъ будущій археологъ здѣшняго края долженъ съ большимъ вниманіемъ разбирать всѣ эти остатки временъ прошедшихъ, чтобы не впасть въ важныя ошибки.

Первозданныя горы на этой полосѣ Карпата также быстро оканчиваются, ниспускаясь пологими возвышенностями мергеля, какъ внезапно возстаютъ послѣ песчанка. За пол-часа отъ Ротенъ-

туръ или первой Австрійской станціи, Байцы, начинается равнина, едва прерываемая небольшими возвышенностями, на которой, за три часа пути отъ границъ, находится Германштатъ.

Германштатъ не привлекателенъ по мѣстоположенію: горы отъ него далеко и видны только съ нѣкоторыхъ пунктовъ; но онъ больше Кронштата. Германштатъ очень долго былъ главнымъ городомъ Трансильваніи и еще нѣтъ полу-вѣка, какъ управленіе провинціи перенесено въ Клаузенбургъ,—мѣра, которую Германштатцы почитаютъ несправедливою и сильно возстаютъ противъ нея, въ надеждѣ, что ихъ милый городъ опять пріобрѣтетъ потерянное первенство; но Германштатъ все остается мѣстопробываніемъ коммеса, главы трансильванскихъ Саксонцевъ. Германштатъ по-валахски называется Сибинъ. Если я говорю: «по-валахски,» то это не значитъ, чтобы это слово составилось нынѣшними Валахами: слишкомъ много для нихъ—при-

давать свои названія городамъ, каковъ напримѣръ Германштатъ; нѣтъ, всѣ эти имена городовъ и мѣстъ принадлежатъ времени владычества Римлянъ или Славянъ, потому что почти все, что существуетъ въ Валахіи, что освящено воспоминаніемъ или величіемъ, принадлежитъ этимъ народамъ. Сибинъ названъ по имени рѣчки, протекающей въ городѣ, которая называлась Римлянами Сибинисъ.

Германштатъ—сколокъ нѣмецкихъ городовъ; въ немъ есть площади—большая и малая; а на обѣихъ, вмѣстѣ взятыхъ, русскому человѣку расходиться нельзя; есть фонтанъ и статуя святаго Германа, есть соборъ, башня съ часами, театръ; на площади, по временамъ, полковая музыка разыгрываетъ вальсы Страуса. Улицы узки; на нихъ не увидишь экипажа, а потому и тѣсниться некому; пусто и скучно, не въ хулу сказать доброму Германштату. Но что достойно вниманія въ Германштатѣ, такъ это его картинная

галерея, собранная извѣстнымъ Брункенталемъ, бывшимъ правителемъ Трансильваніи, временъ Маріи Терезіи, любимцемъ, избранникомъ ея сердца, которому она ни въ чемъ не отказывала.— Картинная галерея Германштата могла бы служить украшеніемъ столицы: ее оцѣняютъ въ нѣсколько милліоновъ франковъ; есть картины Рубенса и Тиціана, если подлинность послѣднихъ дѣйствительна; но лучшая ея картина, ея сокровище неоцѣненное, это одна изъ картинъ Вандейка: Карлъ I, король англійскій, принимающій лавровый вѣнокъ отъ Генріэты Французской; женская фигура готова выйти изъ рамъ; въ чертахъ ея столько жизни, столько прелести въ этомъ зарумянившимся отъ стыдливости и радости лицѣ, въ этихъ полуопущенныхъ рѣсницахъ, что невольно увлекаешься въ другой міръ, гдѣ жила и дѣйствовала эта женщина и принимаешь участіе въ ея жизни; съ устъ ея вотъ-вотъ

сорвется слово, и боишься, чтобы не скрылась она, прекрасная королева.

Долго стоялъ я, любуясь чуднымъ твореніемъ Вандейка; едва отводя отъ него глаза, обратился я къ директору музеума, который провожалъ меня: Не правда ль что это одинъ изъ лучшихъ портретовъ великаго художника? — То же самое говорилъ ты, любуясь однимъ Вандейкомъ въ Питти, сказала кто-то возлѣ меня. — Я оглянулся, и съ изумленіемъ глядѣлъ на новое лице. Да, это былъ дѣйствительно онъ, Б—э, ученый французскій геологъ, съ которымъ я путешествовалъ лѣтъ пять тому по Италіи, человѣкъ въ то время еще молодой, моложе меня, острый, всегда веселый; но въ какомъ видѣ стоялъ онъ предо мною? Состарѣвшійся, блѣдный, съ преждевременными сѣдинами и морщинами, онъ равнодушно простиралъ мнѣ руку, мнѣ, которому онъ прежде кинулся бы на шею, послѣ недѣльной разлуки. — Что это значить?

спросилъ я, съ невольнымъ изумленіемъ. — Ничего особеннаго, отвѣчалъ онъ; пойдѣмъ глядѣть еще книги и прочій хламъ этого музея.

Мы обошли всѣ комнаты. — Директоръ съ особенною гордостію указывалъ намъ нѣкоторыя старинныя рукописи, драгоценныя для исторіи, нѣсколько обломковъ римскихъ древностей, найденныхъ въ Трансильваніи и наконецъ небольшое, но очень любопытное геологическое собраніе края. Мы проходили цѣлое утро.

— Довольно ли съ тебя? спросилъ насмѣшливо Б—э, когда почтенный директоръ наконецъ выпустилъ насъ на свѣжій воздухъ.

— А давно не занимаетъ все это тебя?

Мы провели день съ Б—э. Онъ неговорилъ объ утомленіи жизни, о ея непрестанныхъ ударахъ и преждевременномъ разочарованіи, нѣтъ! онъ не жаловался, но тѣмъ жалче онъ казался, тѣмъ больнѣе было глядѣть на него; его

лице, его бѣдное, колющее немногословіе высказало ясно, что прожилъ онъ жизни въ эти пять лѣтъ.

Знаете ли вы, какъ цыгане приучаютъ медвѣжатъ къ пляскѣ? — Они раскладываютъ огонь, и когда земля достаточно раскалится, сбрасываютъ угли и пускаютъ на то мѣсто медвѣженка. Бѣднякъ, почувавъ подъ собою распаленную землю, подпрыгиваетъ и реветъ, не смѣетъ идти впередъ, не можетъ стоять на мѣстѣ, то скачетъ, то становится на заднія лапы, выдѣлывая самые уродливые прыжки, пока наконецъ почва не остынетъ подъ страдальцемъ или пока онъ не падетъ, выбившись изъ силъ. — Въ продолженіе всего этого времени, одинъ цыганъ, равнодушный зритель мученій бѣднаго медвѣженка, наигрываетъ на скрипкѣ, стараясь попасть ему въ тактъ, чтобъ придать конвульсіоннымъ кривляніямъ видъ танца; а другой бичуетъ его сколько есть силы, чтобъ онъ помнилъ причину дѣйствій своихъ въ послѣдствіи.

Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ уроковъ, медвѣдя заставляютъ танцовать уже на обыкновенной почвѣ и только одними звуками скрипки и ударами бича припоминаютъ ему, что онъ долженъ дѣлать. — Рѣдкій медвѣдь неподдается наукѣ, и если не успѣетъ сорваться съ цѣпи и убѣжать въ свои родные лѣса, хотя и тамъ ему не лучше, потому, что прежніе товарищи никогда не соглашаются принять въ свое общество побывавшаго въ обществѣ людей, — если не достигнетъ этого, то его продаютъ старымъ охотникамъ, которые уже не въ силахъ выѣзжать на травлю звѣрей въ лѣсъ и тѣшатся этимъ зрѣлищемъ у себя дома.

Также, или почти также, поступаютъ и съ людьми. Молодой человѣкъ, вырвавшійся изъ школы, кидается въ свѣтъ съ горяча, безъ оглядки. Полный силы, полный страстей, юноша несетъ туда свои надежды, свои желанія, свои юные, крѣпкіе помыслы, свои вѣрованія. Но свѣтъ скоро останавливаетъ его, дикаго на-

рушителя общаго застоя, или, какъ говорятъ, порядка и ставитъ въ свою школу на раскаленную арену своихъ дѣйствій; начинается тяжкое бичеваніе, и тѣшится надъ своимъ школьникомъ свѣтъ, заставляя его плясать въ одну ногу съ собою, подъ свою дудку; если гордый, непреклонный, силою своей воли повичекъ исторгается изъ этой школы, изъ этаго очарованнаго круга, свѣтъ старается погубить его общимъ презрѣніемъ, общею насмѣшкою, враждою, и юноша остается въ обществѣ избитый, измученный тяжкими, унижительными испытаніями, одинъ одиноконекъ, служа метою для всѣхъ, кому захочется бросить въ него камень или грязью. Такой человѣкъ уже не есть полезный труженникъ этого міра, къ которому онъ питаетъ взаимную нелюбовь; это испорченная, негодная машина, которая иногда сама собою скрывать, и питать, и вертится, но къ дѣлу вовсе негодна, сколько не заводи ее; это разбитый грозою дубъ, котораго верши-

на все еще зеленѣть нѣсколькими поблеклыми листьями, недающими путнику ни тѣни отъ солнца, ни защиты отъ дождя и качается по волѣ вѣтра и непогоды.

Наружный колоритъ Германштатскаго населенія таковъ же, какъ и въ Кронштадтѣ. Валахи, Саксонцы, Венгерцы, Нѣмцы, Цыганы пестрѣютъ своими одеждами, разногласяютъ нарѣчіемъ. Первые три племени ненавидятъ другъ друга до крайности; Австрійскимъ Нѣмцамъ ни до кого и ни до чего нѣтъ нужды; были бы они сыты, да было бы у нихъ пиво и еще кое-какія утѣхи, такъ они и довольны; по своему счастливому предрасположенію, они во всемъ своемъ умѣютъ отыскать хорошую сторону.

Путешественникъ найдетъ въ Германштатѣ въ гостиницахъ не только пріютъ, но нѣкотораго рода комфортъ; обращаемъ его вниманіе на форель, которую привозятъ сюда изъ горныхъ рѣчекъ: она превосходна, хотя не въ та-

комъ пзобиліи какъ въ горахъ, въ Валахін.

Остановимся на минуту на границѣ австрійско-валахской. Посмотрите на Югъ, за валахскую черту: тамъ природа величественна, горныя долины роскошны, но кое-гдѣ видишь ветхій домикъ, деревушки дышатъ нищетою; люди бѣдны до изнуренія; рѣдко встрѣтишь человѣка безъ зоба или признаковъ другой не менѣе ужасной болѣзни. Смотрите на Сѣверъ: въ Трансильваніи большія села Саксонцевъ красуются словно города; въ нихъ всѣ дома каменные и многіе двухэтажные; всѣ на одинъ ладъ, съ фронтонами въ видѣ усѣченнаго треугольника; посмотрите на села австрійскихъ Валаховъ: дома той же, восточной архитектуры, какъ въ Валахін, но какая разница: тутъ они привольны, обширны, съ прекрасными крытыми галереями вокругъ, народъ рослый, здоровый, одѣтый живописно; а эти люди платятъ иногда до 50 гульденовъ серебромъ правительству,

между тѣмъ, въ Валахіи не платятъ и пяти. Нѣсколько ступеней земли отдѣляетъ два народа одного происхожденія, одного языка, одной вѣры, но столь различнаго по внутреннему управленію и благосостоянію.

Австрійцы, съ такими затрудненіями впускающіе къ себѣ иностранцевъ, отпускаютъ ихъ чрезвычайно радушно; на заставѣ пропишутъ вашъ паспортъ, спросятъ, нѣтъ ли какихъ вещей, за которыя возмутъ два три крейцера пошлины, какъ бы только для того, чтобы напомнить вамъ о таможенной власти, и безъ осмотра, безъ распроса, менѣе чѣмъ въ пять минутъ, шлахбаумъ поднятъ передъ вами: поѣзжайте куда хотите, только не въ австрійскія владѣнія.

Остановимся опять въ Козьѣ. Названіе чисто славянское, какъ и большая часть горныхъ деревень и монастырей, еще не переведенныхъ въ валахскія имена, на манеръ Кимполунга, называвшагося нѣкогда Длинное-поле и другихъ.

Козье, какъ говорятъ, получило свое названіе отъ гряды горъ, высоко виднѣющихся надъ ними, изъ которыхъ одна имѣетъ видъ козьеѣ головы съ рогами. Другіе говорятъ, что кто-то изъ воеводъ, еще до построенія монастыря, любилъ охотиться здѣсь за дикими козами и отъ того кряжъ горъ прозванъ Козымъ, а по его имени и самый монастырь.

Монастырь основанъ въ началѣ XIII вѣка знаменитымъ Мирча — воеводой. — Внутренность церкви сохранилась, съ тѣхъ-поръ, неприкосновенною, какъ будто самые враги христіанства, нѣсколько разъ разрушавшіе монастырь, чтли храмъ, въ которомъ покоемъ прахъ его славнаго основателя. — Въ переднемъ притворѣ церкви, подъ полуизгладившейся мраморной доской, покоится этотъ прахъ; рядомъ съ нимъ, подъ тою же доскою прахъ жены Михаль-вѣды, прозваннаго великимъ, героя края. На стѣнахъ полуизгладившіеся лики святыхъ, живописи того

же времени, у входа—страшный судъ, со всѣми изображеніями, какія впустили живописцу страхъ казни и надежда вѣры; противъ алтаря, на стѣнѣ, возлѣ трона господаря, картина, изображающая по одну сторону самаго Мирча-воду, по другую—его жену, католичку, съ ребенкомъ у груди; въ уровень съ лицомъ первой фигуры изображеніе церкви, такой, какая вышла изъ подъ рукъ тогдашнихъ строителей: живопись не совсѣмъ дурна для тогдашняго времени; рѣзба вообще вездѣ очень тонка и искусна; алтарь сохранился въ томъ же видѣ. Церковь посвящена Животворящей Троицѣ; въ ней раздавались молитвы, на славянскомъ, греческомъ и наконецъ валахскомъ языкѣ, но всегда неизмѣнимыя, одного и тогоже православнаго исповѣданія.

Старинные храмы и монастыри большею частію воздвигались или въ исполненіе обѣта, какъ благодарственное приношеніе, или какъ очистительная жертва.

Мирча-вода велъ войну съ Венграми: онъ изнемогалъ подъ ихъ ударами. Разъ, послѣ битвы заснулъ онъ, не спимая своихъ бранныхъ доспѣховъ, подъ деревомъ; во снѣ явился ему образъ Животворящей Троицы и сказалъ, чтобы онъ немедленно опять далъ битву врагамъ. Мигомъ поднялся лагерь и Мирча-вода разбилъ на голову Венгровъ.—Благодарный, онъ воздвигнулъ церковь тамъ, гдѣ явился ему благовѣстительный образъ и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стояло дерево, стоитъ нынче алтарь.—Если бы кости Мирчаводы могли чувствовать все униженіе, всѣ бѣдствія, постигшія потомъ любимую имъ родину,—то давно бы перетлѣли отъ страданія, а теперь, говорятъ, онѣ все еще цѣлы.

На томъ мѣстѣ, гдѣ стояла католическая часовня жены Мирчаводы, возвышается нынче монастырская колокольная: ядра испятили ея: это было во время войны «за вѣру», но колокольная уцѣлѣла, между тѣмъ какъ часть монастыр-

скихъ келій, которая шла влѣво отъ нея лежитъ въ развалинахъ. Мы видѣли монаха, который, раненый, былъ взятъ Турками въ монастырѣ и находился при нихъ во все время ихъ пребыванія въ Козьемъ. — Старый, немощный, онъ только помнилъ свои страданія и не зналъ страданій церкви и отечества.

Часто заѣзжалъ я отдохнуть въ Козію, часто видалъ я, какъ изъ-за горъ выставлялись два рога луны и проводили серебристую струю во всю ширину Ольта, до подошвы монастырской стѣны, часто смотрѣлъ я, какъ рыбакъ, вылитый въ форму Гиѣдичевского рыбака, бороздилъ быстрину рѣки или далеко уносился ею... а кругомъ была тишина и святость, и всегда полный чувства, полный мыслей уѣзжалъ я отсюда. — Зачѣмъ человекъ не можетъ довольствоваться однимъ ощущеніемъ, постоянно прекраснымъ, — для него нужна борьба, нужна побѣда, самыя бѣдствія, кажется, необходимы для его существованія, не говорю для счастія:

счастіе мнѣ, какъ мнѣ о Прометѣѣ. Человѣкъ очень похожъ на лягавую собаку, на охотѣ: она постоянно въ напряженномъ, дѣятельномъ состояніи; то кинется въ сторону, то вернется на свой слѣдъ, обнюхиваетъ, суетится, опять бѣжитъ впередъ, настороживъ уши, вся вниманіе, истомленная, голодная,—а о чемъ хлопочетъ она? Достанется ли ей хоть малѣйшая доля отъ добычи, которую она выслѣдитъ!

Поднимаясь и опускаясь, то по долинкамъ Ольта, то по хребту горъ, между которыми онъ течетъ, въ этой чашѣ, въ этой глуши, я встрѣтилъ человѣка, подобно мнѣ, пришедшаго сюда изъ-далека, чужаго этой странѣ: то былъ французскій инженеръ М., занимавшійся по порученію валахскаго правительства проектомъ укрѣпленія береговъ Ольта, и учрежденія на немъ судоходства, что впрочемъ далеко превышаетъ средства Валахіи. М. прожилъ нѣсколько времени у меня въ Рымникѣ и я наконецъ могъ

промолвить слово, могъ отвести душу. Неговорю, чтобы здѣсь были люди нехорошіе, напротивъ, они очень хороши. Рымникъ далеко выше образованіемъ, чѣмъ нашъ Зашиверскъ или Бугульма, но все таки въ немъ какъ-то необычно для насъ, иностранцевъ. Я хотѣлъ было еще что нибудь сказать о Рымникѣ, въ которомъ такъ долго жилъ, но здѣсь наблюдательности путешественника представляется только рядъ скромныхъ домиковъ, разбѣжавшихся по равнинѣ между Ольтомъ и Рыу-рымникулуй или спрятавшихся въ чащи садовъ; между ними извиваются змѣйками дорожки и улицы, на которыхъ кое-гдѣ торчитъ фонарный столбъ, на пагубу пьянаго цыгана. — Къ чести Валаховъ надобно сказать, что между ними почти никогда невидно пьянаго, даже и въ праздникъ; городки ихъ отзываются всегда какою-то пустотою: пѣсни не услышите.

И только о Рымникѣ? Нѣтъ!

Въ простотѣ, въ наивности патнадцати-

лѣтней дѣвочки, почти безъ всякаго образованія, есть высокое кокетство самой природы, которая надѣляетъ ее съ такою же заботливостію красотою формъ, граціозностію движеній, улыбкою свѣтлою, какъ радость, какъ солнце, съ какой она убираетъ свой полевой ландышъ, потому что этотъ цвѣтокъ, будь онъ въ пустынѣ, ей по сердцу, потому что эта дѣвочка—ея избранница. Какъ будто природа хочетъ и здѣсь показать все безспіе человека и вмѣстѣ съ тѣмъ создать для него прекрасный образецъ для подражанія, который женщина должна глубоко изучать.—Видѣвши разъ, можно ли скоро забыть эти черные большіе глаза, глядящіе съ такимъ полнымъ наслажденіемъ на то, что имъ нравится, этотъ ротикъ, смѣющійся такъ выразительно, такъ весело, эту простертую вверхъ ручку, живой знакъ удивленія и наконецъ чудный глянецъ черныхъ волосъ, на чудно-овальной головкѣ Ефросиньи; и какъ жарки ея слезы, какъ убѣдительны,

сильны простыя рѣчи, какъ прекрасны
всѣ ея движенія, полныя дѣвственной
игривости!

ГЛАВА IV.

Въ Валахіи считается болѣе двухъ милліоновъ жителей, на пространствѣ четырехъ тысячъ осьми сотъ десяти квадратныхъ географическихъ миль; въ Молдавіи около милліона, на двухъ тысячахъ шести стахъ семидесяти одной квадратной мили. Если и возьмемъ во вниманіе, что половина Молдавіи и большая часть Валахіи покрыта горами и лѣсами, все-таки увидимъ, что населеніе это незначительно по пространству земли. Ктому же, и самыя Карпатскія горы не вездѣ недоступны для осѣдлой жизни земледѣльца.

Трудно сообразить, какимъ образомъ этотъ малочисленный, сравнительно, народъ, окруженный отвсюду славянскими племенами, одной съ ними вѣры, совершавшій свое Богослуженіе, свою переписку на одномъ съ ними языкѣ, находившійся нѣкоторое время подъ властію славянскихъ князей и почти всегда въ сношеніяхъ съ ними, — нынче такъ рѣзко отличается отъ своихъ сосѣдей духомъ и нравственнымъ направленіемъ. Славяне, подобно Молдаванамъ и Валахамъ, или Ромынамъ, Римлянамъ, какъ называютъ себя послѣдніе, находились подъ вліяніемъ Татаръ, а южные Славяне, вмѣстѣ съ ними перешли подъ власть Турковъ; но Славяне вели непрерывную борьбу съ врагами; это былъ бой гладіатора, отвсюду разимаго, но ни разу не сраженнаго, гладіатора, который, изнеможенный, падалъ, но только для того, чтобы усыпить врага своего уловкой и при первой возможности возставалъ опять, если

не съ новыми силами, то съ прежнимъ мужествомъ. Молдаване и Валахи несли жребій свой покорно, терпѣливо, въ самомъ рабствѣ искали своихъ личныхъ выгодъ, и находили. Если они сблизались иногда съ сосѣдями, то или представляя лицо страдательное, увлеченное необходимостью, или дѣйствуя въ этомъ случаѣ интригою, орудіемъ, которое они довели до страшнаго совершенства, интригою, достойною Византіійцевъ и Грековъ-Фанаріотовъ, и превосходившую въ своей утопченности махіавелевскую политику италіянскихъ республикъ. Возбуждая Славянскія племена противъ своихъ общихъ притѣснителей, Ромыны почти всегда предавали ихъ однихъ на жертву непріятелей, стараясь тѣмъ временемъ, силою обмана, лести, соблазна, подкупа, выторговать или вымолить себѣ нѣкоторыя привиллегіи, которыя, конечно, всегда относились или къ владѣтельнымъ князьямъ или къ боярамъ, ратовавшимъ этимъ орудіемъ на счетъ бѣдна-

го народа, низведеннаго наконецъ, сплюю такихъ привилегій аристократіи, до самой низкой ступени челоѣчества. Славяне сражались на жизнь и смерть, выходя въ поле съ открытою грудью, а подъ кровь союзника съ открытымъ сердцемъ. Ромыны дѣйствовали сплюю своей политики, и успѣхъ оставался гораздо чаще на сторонѣ послѣднихъ.

Генрихъ Второй, коварнѣйшій государь своего времени, сказалъ «лучше раскаяваться въ словахъ своихъ, чѣмъ въ поступкахъ, и лучше солгать, чѣмъ не достигнуть цѣли, къ которой стремишься». Это мудрое правило было девизомъ Князей-Фанаріотовъ Молдавіи и Валахіи и имѣло пагубное вліяніе на характеръ бояръ, раздѣлявшихъ власть ихъ. Только Малая Валахія всегда отличалась и отличается нынче своимъ характеромъ. Отдыхаешь душою перейдя въ эту страну. И смѣлая поступь, и вольная рѣчь, и самый образъ жизни, и часто встрѣчаемое оружіе, и какая-то отвага во

всѣхъ поступкахъ, показываютъ не только сосѣдство, но какое-то единство духа со Славянами; и то надобно сказать, что эта часть нынѣшней Валахіи большею частию и дѣйствовала съ ними за-одно, дѣйствовала тѣломъ и душою.

Нужно ли повторять здѣсь, что нынче Владѣтельные Князья въ при-дунайскихъ княжествахъ избираются на всю жизнь, если особенно важныя причины не принудятъ къ низверженію ихъ; обстоятельства, сопровождавшія выборы Князя Бибеско и Александра Кара-Георгіевича, Князя Сербскаго, такъ часто и такъ недавно повторялись во всѣхъ газетахъ, что онѣ каждому извѣстны. «Экстраординарное собраніе» Валахіи, совершающее выборъ Князя, состоитъ изъ Митрополита, трехъ Епископовъ, пятидесяти бояръ первой степени, изъ семидесяти-трехъ бояръ второй степени, тридцати-шести бояръ третьей степени, которые избираются отъ восемнадцати уѣздовъ княжества, по два отъ cadaго, и двадцати-се-

ми депутатовъ отъ всѣхъ городовъ. Они засѣдаютъ въ залѣ митрополіи, избираемые и избиратели, подъ предсѣдательствомъ Митрополита. По совершеніи литургіи, зала запирается до окончанія выборовъ, и никто не можетъ ни войти въ нее, ни выйти изъ нея, — мѣра чрезвычайно похвальная, какъ показалъ опытъ. Несмотря на то, въ послѣдній разъ засѣданіе продолжалось около полусутокъ, интрига прокрадывалась и сквозь замочную скважину: въ городѣ знали, прежде чѣмъ отперлась зала, сколько избирательныхъ голосовъ имѣлъ тотъ или другой, и, наконецъ, кто былъ выбранъ Княземъ. Судорожное ожиданіе томилъ городъ втеченіи дня: каждый чего-нибудь надѣялся, или страшился отъ того, кто будетъ господаремъ и воеводою.

Право быть избираемымъ принадлежитъ всѣмъ боярамъ первой степени, если они не нарушаютъ ни одного изъ условій, опредѣленныхъ регламентомъ, то есть, если не были обвинены судомъ, ес-

ли не моложе сорока лѣтъ и прочее. Конечно, не каждый выступаетъ на эту арену, чтобъ не обнаружить своей слабой стороны и не пасть съ позоромъ; однако, случилось, что у много было четыре или пять избирательныхъ шаровъ. Нынѣшній владѣтельный Князь Бибеско, избранъ почти единодушно.

Подобнымъ же образомъ избираютъ Митрополита и Епископовъ, но тутъ уже берется во вниманіе не чинъ, носимый въ духовной іерархіи, но, главнѣйше, святость жизни и безукоризненность поведенія избираемаго.

Всѣ другіе, старшіе чины гражданскаго управленія, назначаются Княземъ, по собственному его усмотрѣнію.

«Ординарное генеральное собраніе» собирается ежегодно; оно разсматриваетъ дѣйствія и отчеты министровъ, проекты, представляемые Княземъ, входитъ само съ представленіями объ улучшеніи нѣкоторыхъ частей управленія или искорененіи зла. Дѣйствія его, если бы онъ не

выходили изъ предѣловъ данной ему власти и не были руководимы страстями и интригой, могли бы быть очень полезны... Собраніе сопровождается шумными преніями; оно начинается въ январѣ и продолжается четыре мѣсяца и болѣе, но Князь вправѣ закрыть его преждевременно, предоставивъ ему только повѣрку счетовъ, какъ и случилось въ прошломъ году. «Ординарное генеральное собраніе» состоитъ также изъ Митрополита, Епископовъ, выбранныхъ бояръ и депутатовъ округовъ; оно назначаетъ изъ своихъ членовъ четыре коммисіи, раздѣляя между ними работы по предметамъ. Въ случаѣ болѣзни Митрополита старшій Епископъ занимаетъ его мѣсто. Князь не присутствуетъ.

Валахія дѣлится въ гражданскомъ отношеніи на осемнадцать округовъ (жудецовъ); въ духовномъ—на три епископства. Она раздѣляется еще на Большую и Малую Валахію.

Доходы княжества или вистеріи (го-

сударственного казначейства) простираются до девятнадцати милліоновъ піастровъ, или около одного милліона семи сотъ двадцати-семи тысячъ рублей серебромъ. Сообразно этой суммѣ, составляется бюджетъ княжества. Откупъ соли составляетъ одну изъ главѣйшихъ отраслей дохода: онъ приноситъ вистеріи до трехъ милліоновъ пяти сотъ тысячъ піастровъ. Подать, платимая Оттоманской Портѣ, составляетъ два милліона піастровъ.

Въ Молдавіи и Валахіи нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ, хотя всѣ нужные къ тому сырые матеріалы находятся подъ рукою: начиная отъ писчей бумаги до шелковыхъ и шерстяныхъ матерій все получается здѣсь изъ-за границы, и преимущественно изъ австрійскихъ провинцій. Бояре говорятъ, что Нѣмцы какъ-то умѣютъ уничтожать всякую возраждающуюся здѣсь промышленность, то отозвавъ мастеровъ, которыхъ по-необходимости надо заимствовать отъ нихъ же,

то понизивъ на время цѣну тѣхъ своихъ произведеній, которыя начинаютъ прививаться къ почвѣ Валахіи. Нѣмцы, и вообще иностранцы, говорятъ, что бояре сами не допускаютъ ни какихъ фабрикъ въ свою страну, сами разрушаютъ всякаго рода предпріятія, не уважая святости контрактовъ, заключаемыхъ съ ними. Только поташные заводы еще кое-какъ здѣсь держатся, и то въ жалкомъ видѣ, больше на пагубу лѣсовъ, чѣмъ на пользу страны.

Отпускъ произведеній ограничивается главнѣйше пшеницей и кукурузой, также саломъ, воскомъ, кожами, виномъ, лѣсомъ и еще нѣсколькими сырыми произведеніями.

Галацъ и Браиловъ, — два прекрасные порта, изъ которыхъ одинъ принадлежитъ Молдавіи, другой Валахіи; одинъ считается нынче до двадцати-пяти тысячъ, другой до осемнадцати тысячъ жителей; оба на Дунаѣ, не въ дальнемъ разстояніи отъ Чернаго моря, при воз-

никающемъ благосостояніи при-дунайскихъ княжествъ могутъ сдѣлаться значительнѣйшими торговыми городами въ Европѣ по своему географическому положенію. А что былъ Браповъ до Адрианопольскаго мира? Русское правительство нисколько не поколебалось создать изъ него торговый портъ для Валахіи, такъ-сказать, рядомъ съ своимъ Рени и въ виду своихъ черноморскихъ портовъ, вовсе не думая о торговомъ соимѣстничествѣ.

Денегъ въ оборотѣ мало и только одна звонкая монета въ ходу, даже банкирскіе билеты размѣниваются съ большими вычетами и не иначе, какъ съ переводомъ на Вѣну. Кредитъ совершенно подорванъ. Банковъ ни частныхъ, ни отъ правительствъ не существуетъ; займы производятся по особымъ сдѣлкамъ, не иначе какъ съ залогомъ или поручительствомъ; запутанность и недостатокъ судопроизводства даетъ всѣ средства неблагонамѣренному должнику увернуться отъ уплаты или по-крайней-мѣрѣ продлить

дѣло на безконечное время, а потому заимодавцы, рассчитывая этотъ рискъ, пользуются ужасными процентами. Само государственное казначейство еще недавно платило по 18-ти и болѣе процентовъ. Это обстоятельство, въ совокупности съ непомѣрною роскошью, было одною изъ главнѣйшихъ причинъ того, что всѣ почти имѣнія бояръ обременены долгами.

Учрежденіе заемнаго банка много бы содѣйствовало къ уничтоженію настоящаго бѣдственнаго положенія вещей и было бы мѣрою благодѣтельною для торговли и для поземельной собственности. Конечно, здѣшнее правительство, едва возникшее послѣ бурь и потрясеній гражданскихъ, еще не успѣло обзавестись своимъ запаснымъ капиталомъ и даже кредитомъ, но въ востеріи и другихъ присутственныхъ мѣстахъ лежатъ такъ называемые депозиты, деньги, находящіяся подъ запрещеніемъ, поступаютъ повременно податные сборы, монастыр-

скія суммы, взносы за откупъ соли,— почему бы, слѣдуя мудрому правилу, преподанному Англійскимъ Королевскимъ Банкомъ, изъ изчисленныхъ мною суммъ, прежде чѣмъ онѣ поступятъ на выдачу жалованья служащимъ и на другія государственныя потребности, не составить первоначально оборотнаго капитала, который, приращаясь процентами, дастъ возможность составить отдѣльный банковый капиталъ?

Другая важная преграда для развитія народной промышленности и торговли—недостатокъ средняго класса (*tiers-état*). Въ Валахіи только и есть бояре и земледѣльцы, первые потребители, вторые производители. Бояре не несутъ ни какихъ повинностей, а какъ средняго класса нѣтъ, то вся тягость расходовъ княжества лежитъ на земледѣльческомъ классѣ. Совершенное отсутствіе фабрикъ и заводовъ лишаетъ крестьянина средства сбывать выгодно на мѣстѣ свои произведенія, а недостатокъ дорогъ, препят-

*

ствуётъ удобно и съ большою выгодною подвозить ихъ къ портамъ. Народная бѣдность разительна. Кто успѣетъ скопить сколько-нибудь денегъ, тотъ сплится всячески добыть боярію. Аристократія Молдавіи и Валахіи, столь гордая своимъ происхожденіемъ и привиллегіями, не такъ разборчива въ пріемъ новыхъ членовъ изъ плебеевъ; только надо замѣтить, что эти прививки народной почвы не обновляютъ застоявшихся соковъ аристократіи... Это дурныя вѣтви, которыя дѣйствуютъ разрушительно на цѣлое дерево.

Особа бояръ неприкосновенна за неплатежъ долговъ, а какъ имѣніе легко перевести въ другія руки, то, при шаткой нравственности, это даетъ всю возможность спекулировать на чужое достояніе. Какой же тутъ можетъ быть кредитъ! Венгерское дворянство, отстаивающее права свои съ такимъ жаромъ, допустило отвѣтственность *лицемъ* за неплатежъ долговъ, и постепенное водворе-

ніе кредита дало уже благіе плоды: уменьшеніе процентовъ при займахъ, служить явнымъ тому доказательствомъ.

Господствующая здѣсь звонкая монета—австрійскіе цванцигеры, которые ходятъ едва ли не во всей Европѣ, голландскіе и австрійскіе червонцы, русскіе серебряные рубли и, наконецъ, пары, мелкая мѣдная турецкая монета, съ примѣсю части серебра, которая, передѣлываясь безпрестанно въ Константинополѣ, до того измельчалась, что носитъ одну тѣнь паръ и скоро превратится въ монету воображаемую. За всѣмъ тѣмъ еще много фальшивыхъ паръ, въ которыхъ уже вовсе нѣтъ примѣси серебра. Есть еще въ оборотѣ турецкая золотая монета, которая, при нынѣшнемъ передѣлѣ, могла бы возстановить свой потерянный курсъ, если бы финансовыя средства Турціи, дозволили привести этотъ передѣлъ къ окончанію. Для иностранца всего выгоднѣе привозить австрійскіе и голландскіе червонцы или цванцигеры, но не совѣту-

емъ имѣть съ собою банкирскихъ билетовъ.

Въ Валахіи всего пять тысячъ войска, кавалеріи и пѣхоты, между-тѣмъ, какъ одна южная граница по Дунаю простирается на девять-сотъ верстъ; эту линію должно оберегать и въ мирное время, потому что она служитъ карантинною чертою со стороны Турціи; а что она оберегается хорошо, довольно сказать, что съ учрежденія ея русскимъ правительствомъ, до настоящаго времени, въ Валахіи, слѣдовательно и въ прилегающихъ къ ней на Сѣверѣ провинціяхъ, не было чумы, между-тѣмъ, какъ въ прежнее время не проходило пяти, шести лѣтъ, чтобы эта страшная гостья не появлялась здѣсь грозою небесною. Въ помощь солдатамъ, содержащимъ кордонъ, придано нѣсколько деревень при-дунайскихъ крестьянъ. Жалкій народъ эти крестьяне! но солдаты вездѣ имѣютъ здоровый видъ, хорошо одѣты, сыты и очень порядочно обучены. Нынче послано нѣсколько ка-

валерійскихъ и пѣхотныхъ офицеровъ и солдатъ въ Вознесенскъ и другія мѣста, въ Россіи, для узнанія порядка службы и усовершенствованія по фронтовой части. Дѣятельность Князя кипитъ повсюду, во всѣхъ частяхъ гражданскаго и военнаго управленія. Но надо замѣтить, что къ войску онъ больше привязанъ, за то его и любятъ военные.—Здѣшній солдатъ служитъ шесть лѣтъ; жаль, что уничтожили наемъ солдатъ, выслужившихъ свои лѣта; говорятъ, обременительно для деревень, которыя поставляютъ ихъ, но отъ этого много выигрывала служба, имѣвшая всегда закваску старыхъ, обученныхъ и опытныхъ солдатъ.

ГЛАВА V.

Между Рымникомъ и Кимполунгомъ, на разстояніи около двухъ почтъ отъ каждаго изъ нихъ, вдался въ горы небольшой городокъ Курте-Аржись, бывшій нѣкогда столицею Валахіи, а нынче служащій резиденціей Аржискаго Епископства. Церковь епископства великолѣпнѣйшая во всей Валахіи; она сохранилась неизмѣнною отъ временъ своего построенія (въ XIII вѣкѣ) и можетъ служить образцемъ древней славяно-готской архитектуры, образцемъ прекраснымъ, достойнымъ изученія.—Преданіе о построеніи его напоминаетъ легенду сооруженія Кельнскаго собора.

Архитекторъ Мануло, которому предоставлены были всѣ средства для сооруженія такого храма, чтобы ему дивился весь свѣтъ, провелъ много мученическихъ годовъ, надъ составленіемъ плана, достойнаго этой великой мысли, и наконецъ, почерпнувъ вдохновеніе изъ нечистаго, какъ говорятъ, источника, онъ начерталъ планъ, которымъ самъ былъ восхищенъ. — Приступили къ постройкѣ, но тутъ случились такія препятствія, какихъ ни кто не предвидѣлъ и какихъ не могли отстранить человѣческія силы: едва выводили стѣну, — она обрушалась и всякой разъ, когда заканчивали вновь воздвигаемую на ея развалинахъ, случалось тоже, она падала и погребала подъ собою кого нибудь изъ работниковъ. — Паническій страхъ овладѣлъ ими. — Они отказались отъ работы, несмотря на святость обѣта, которымъ связалъ ихъ Мануло; всѣ видѣли тутъ дѣло недоброе и обвиняли Мануло; бѣдный архитекторъ былъ въ отчаяніи: онъ мучился муками

Тантала, видя свою высокую идею неисполненною, когда она уже рисовалась, величественная, въ его воображеніи, когда всѣ средства были у него подъ рукой.— Поджигаемый гордостью передать свое имя потомству въ сооружаемомъ имъ храмѣ Господу Богу, онъ готовъ былъ заключить условіе съ дьяволомъ, чтобы только достигнуть этой цѣли, и дьяволъ, всегда готовый на услуги подобнаго рода, предсталъ передъ нимъ, соблазнительный и льстивый, и потребовалъ отъ него повидимому весьма немногого; именно, чтобы онъ заложилъ въ сооружаемую стѣну перваго пришедшаго завтра посторонняго человѣка, кромѣ рабочихъ: рабочіе видно не нужны ему были или дьяволъ презиралъ душами плебейскими. Мануло подумалъ: вѣдь всякая падающая стѣна погребала подъ собою одного человѣка, а всякая сооружаемая стѣна падала, и сколько человѣкъ уже погибло, а тутъ однимъ можно отдѣлаться отъ всякихъ опасеній за жизнь другихъ; лю-

ди разсуждаютъ чрезвычайно логически, когда дѣло идетъ о ихъ личныхъ выгодахъ, хотя бы онѣ приобрѣтались на счетъ бѣдствія другихъ и совѣсть въ этомъ случаѣ чрезвычайно уклончива; а чортъ себѣ думалъ: что мнѣ въ этихъ людяхъ, которыхъ погубилъ я подъ развалинами стѣнъ: мнѣ нужно не тѣла ихъ, а души; а тутъ непременно будутъ двѣ; онъ рассчитывалъ весьма вѣрно: черти рѣдко ошибаются въ расчетахъ. Мануло объявилъ свое рѣшеніе работникамъ. Страшно стало всѣмъ: ихъ жены и дѣти однѣ приходили сюда; однако архитекторъ, увлекаемый своею мыслию, успѣлъ выманить ихъ согласіе на приведеніе въ исполненіе такой чертовской воли.—Поднялась заря; люди принялись за работу и устроили въ стѣнѣ пустоту въ ростъ человѣка; молча готовили они эту могилу; въ томительномъ ожиданіи посматривали на ведущую къ нимъ тропинку... и вотъ, показалось на ней вдали небольшое, движущееся пятнышко; оно расло по мѣрѣ

приближенія своего; взоры всѣхъ устремились къ нему и вскорѣ увидѣли женщину, безпечно идущую къ своей могилѣ. Иные изъ мастеровыхъ, готовы были закричать, чтобы она воротилась, но Мануло удержалъ ихъ; въ судорожномъ напряженіи каждый рабочій сплился узнать несчастную, боясь увидѣть свою жену или дочь, и въ эту минуту всякой раскапывался за данный обѣтъ. Но женщина приближалась и всѣ узнали... жену архитектора. Несчастный постигъ ниспадшую на него кару небесъ... неподвиженъ и безмолвенъ глядѣлъ онъ на жену свою, прекрасную, веселую, шедшую къ нему съ пѣснью и ласкою, на жену, съ которою онъ не успѣлъ еще прожить и одного счастливаго мѣсяца, и которую приносилъ на жертву своему тщеславію,—и онъ пожертвовалъ ею; человѣкъ горделивый и чувствительный только къ одной своей славѣ, онъ нашелъ въ себѣ силы указать на нее рабочимъ, не смотря на рыданія женщины, отъ кото-

рых надрывались ихъ грубыя сердца, несмотря на то, что съ нею хоронилъ свое собственное счастье: слава для него была дороже счастья и жизнь въ потомствѣ дороже жизни другаго міра. — Несчастную повели на жертву; самъ мужъ положилъ первый камень ея гробницы, чтобы подвинуть къ работѣ другихъ.... Мало-по-малу дневный свѣтъ сталъ меркнуть передъ нею, и вотъ, только одинъ лучъ, яркій и привѣтливый, еще блестя въ ея сухой могилѣ... вотъ пошатнулся и тотъ, сталъ суживаться къверху, поднимался все выше и выше, мелькнулъ ярко... и исчезъ!.. Раздался страшный крикъ страдальцы, такой крикъ, отъ котораго вздрогнули создаемыя стѣны; такой крикъ, что испуганное эхо вторить его и нынче, какъ увѣряютъ окрестные жители, слышавшіе его во время почной тишины; такой крикъ, отъ котораго замретъ сердце самаго храбраго солдата и отъ котораго въ одинъ мигъ сѣдѣютъ волосы у того,

изъ чьей груди онъ вырвется; а Мануло выдержалъ и пережилъ крикъ страстно любимой имъ жены. — Онъ думалъ о славѣ!..

Съ тѣхъ поръ храмъ, воздвигаемый Мануломъ, какъ видно было, своему тщеславію, а не Богу Живому, подвигался быстро вверхъ и вскорѣ вознесся высоко и величественно. Мануло, въ припадкѣ ли сатанинской гордости или просто въ помѣшательствѣ ума, вздумалъ съ высоты его достигнуть неба; онъ взошелъ на верхушку колокольни по неснятымъ еще лѣсамъ и лѣстницамъ и подвязавъ къ плечамъ своимъ крылья хотѣлъ подняться вверхъ, но, новый Икаръ, онъ слетѣлъ внизъ!... Сѣрный запахъ и снѣій дымъ взвился надъ трупомъ его и показалъ присутствовавшимъ какимъ путемъ отошла грѣшная душа этого человѣка.

Повѣрье о томъ, что всякое большое зданіе должно быть основано на человѣческой душѣ, общее всѣмъ южнымъ и западнымъ Славянамъ, Венгерцамъ и народамъ сосѣднимъ и кажется имѣть

свой источникъ на Востокъ. И нынче строители дома стараются захватить въ свои стѣны человѣческую душу, но это дѣлается иначе, чѣмъ дѣлалось прежде; плотникъ или каменщикъ, смотря потому, изъ какого матеріала строится домъ, залучивъ къ нему безпечнаго прохожаго, ухищряется поставить его такимъ образомъ, чтобы тѣнь отъ него падала на сооружаемую стѣну, которую и задѣлываетъ въ тоже время, пока тѣнь неотшатнулась; но какъ и это трудно приводить въ исполненіе, потому что посѣтитель можетъ догадаться въ чемъ дѣло, то строители ограничиваются тѣмъ, что снимаютъ мѣрку съ чьей-либо тѣни и закладываютъ ее въ постройку, оставляя отверстіе въ стѣнѣ, какъ бы для того, чтобы заключенный въ ней духъ могъ посѣщать весь домъ, потому, что онъ дѣлается съ тѣхъ поръ хранителемъ дома, домовымъ, валахскимъ стафіей; только послѣ этого постройка дома идетъ удовлетворительно; за то, лишившійся своей

тѣни недолго переживаетъ ее и обыкновенно умираетъ съ тоски; при этомъ происходятъ самые странныя вещи. Вотъ что случилось лѣтъ пятьдесятъ тому, въ православномъ городѣ Букарестѣ.

Бояринъ, по имени Янко, по фамиліи — но что за нужда до фамиліи, — Янко строилъ себѣ великолѣпный домъ. Постройка, приходившая къ концу, вдругъ стала неклеиться; то балка обрушится, то рабочій упадетъ съ лѣсовъ, словомъ, едѣлалось ясно, что создаемому дому недоставало стафія. Янко рѣшился помочь рабочимъ: онъ созвалъ пріятелей праздновать свои именины и далъ обѣдъ, въ одной изъ отдѣленныхъ на скоро комнатъ новаго дома; между тѣмъ каменщики не дремали. — Тѣнь прекрасной Сафты падала прямо на стѣну, въ которой заранѣе было приготовлено отверстіе, и рабочіе, тихомолкомъ, какъ бы не до нихъ касалось дѣло, начали закладывать ее, но едва успѣли они довести работу до половины, какъ Сафтѣ едѣ-

лалось дурно, видно добрый духъ сторожилъ ее, и она вышла изъ комнаты; вскорѣ и всѣ поднялись изъ-за стола.— Рабочіе довольствовались однимъ кускомъ тѣни, но недоволенъ былъ такимъ терзаніемъ стафій; домъ правда окончили, но въ немъ производился такой содомъ по ночамъ, что никому небыло житья.

Между тѣмъ Сафта не приходила въ отчаяніе отъ того, что лишилась половины своей тѣни, отъ головы до таліи: букарестскую женщину не легко довести до отчаянія.—Напротивъ, она рѣшилась воспользоваться этимъ случаемъ. Мужъ ея былъ очень ревнивъ, чего не случается нынче съ мужьями въ Букарестѣ.—Однажды, ночью, шелъ онъ мимо жилища Янко, который, замѣтивъ, былъ холостъ; вдругъ видитъ онъ у окна тѣнь женщины; любопытство подстрекнуло его; онъ всматривается, и узнаетъ тѣнь своей жены. Рогоносный ревнивецъ кинулся къ дверямъ, но домъ уже былъ оставленъ жильцами, чего не зналъ бѣдный мужъ

и несмотря на стукъ его, никто не отперъ двери. Онъ кинулся къ себѣ домой, прямо въ спальную жены и видитъ свою Сафту, спящую сномъ праведницы; мужъ не повѣрилъ этому сну; онъ довольно долго стучался въ двери, какъ сумасшедшій, и жена конечно успѣла выйти въ другія и непримѣтно дойти до своей комнаты. Янко какъ водится сдѣлалъ сцену жепѣ. Это повторилось нѣсколько разъ; наконецъ мужъ, терзаемый отчаяніемъ ревности, самымъ ужаснымъ и изобрѣтательнымъ отчаяніемъ въ свѣтѣ, рѣшился публично изобличить свою жену въ преступленіи. Онъ собралъ нѣсколько свидѣтелей, людей почтенныхъ и рогатыхъ, подкараулилъ съ ними вмѣстѣ появленіе тѣни жены у окна дома Янко и горя терпѣніемъ, отправился по скорѣе, вмѣстѣ со свидѣтелями, къ себѣ домой, чтобы написать законный актъ свидѣтельства. Каково же было удивленіе всѣхъ, когда они увидѣли Сафту, спокойно сидѣвшую въ кругу своихъ гостей и, пользуясь от-

сутствіемъ мужа, очень дружески разговаривавшую съ однимъ молодымъ человекомъ; гости единогласно показали, что она около часу не вставала со своего мѣста. — Сафта воспользовалась этимъ происшествіемъ, надѣлавшимъ много шума и развелась съ мужемъ, котораго принудила заплатить значительную сумму за такую гнусную клевету на честь невинной женщины. Между тѣмъ мужа, бывшіе на караулѣ у дому Янко, не переставали увѣрять и клясться, что видѣли собственными глазами тѣнь Сафты у окна, а жены, бывшія въ тотъ вечеръ у Сафты, восклицали, что мужа лжецы, племя недостойное и гадкое, которое сочиняетъ разныя скандальныя исторіи на ихъ счетъ. — Семейныя ссоры не переставали. Этого мало: Сафта, давно догадавшаяся, что это были проказы стафія, укравшаго у нея половину тѣни и обитавшаго въ домъ Янки, боялась, чтобы и другіе не догадались въ чемъ дѣло и такимъ образомъ не открылась невин-

ность мужа и истина свидетельства его пріятелей; она прибѣгла къ помощи цыганки, славившейся своимъ чародѣйствомъ, та общала пріобрѣсть ей кусокъ недостающей тѣни и вскорѣ сдержала слово; цыганка похитила часть тѣни, отъ талии до оконечностей волосъ на головѣ, у жены президента Криминальнаго Дивана; правда, этотъ широкій обрубокъ не совсѣмъ приходился къ остальной части граціозной тѣни Сафты, но она умѣла скрыть спай разнородныхъ обрывковъ широкими складками платья и гордо расхаживала въ своей обновѣ во всеувидѣніе по Букаресту, между тѣмъ какъ прежде не смѣла шевельнуться на мѣстѣ, боясь открыть свой недостатокъ. Въ то же время въ городѣ разнеслась повая, очень соблазнительная исторія, жертвою которой была жена бѣднаго президента криминальнаго дивана, изжившая съ нимъ четверть вѣка въ мирѣ и согласіи. Тѣнь ея стала являться по вечерамъ у оконъ домовъ, гдѣ жила холо-

стая молодежь, очень не крѣпкихъ правовъ. — Президентъ завопилъ какъ баранъ, клялся поймать свою преступную жену на мѣстѣ преступленія и немогъ. Жена рыдала, а Сафта смѣялась. — Букарестъ чрезвычайно смутился отъ такого соблазна; между тѣмъ цыганка, видя блестящій успѣхъ отъ обмѣна тѣней, стала ловить ихъ, гдѣ ни попало и продавать другимъ: женщины, всегда довольныя обновой, были въ восторгѣ отъ такого изобрѣтенія, тѣмъ болѣе, что цыганка усовершенствовала свое изобрѣтеніе до того, что даже измѣняла самыя лица женъ въ глазахъ ихъ ревнивыхъ мужей; передъ тѣмъ кого любили, онѣ конечно являлись въ своемъ обыкновенномъ видѣ, за исключеніемъ тѣни, да до ней нужда только мужьямъ, которые во всю жизнь ничего не дѣлаютъ, какъ только гоняются за тѣнью женъ, а обожатели вовсе не заботятся о ней.

Такимъ образомъ произошла страшная кутерьма; мужья не узнавали своихъ

женъ, любовники любовницъ; ссоры происходили безпрестанно и всегда торжество оставалось на сторонѣ женщинъ, вопившихъ противъ тираніи и несправедливости мужей; митрополія только и дѣлала, что совершала разводы браковъ. Нѣкоторые мужья съ ума сошли; женамъ этотъ казусъ придалъ много ума, пзоцряя его объ оселокъ любовной интриги.— Кончилось тѣмъ, что жены въ Букарестѣ совершенно эманципировались, прежде чѣмъ мадамъ Жоржъ Зандъ подумала о томъ; мужья махнули рукой и пошли себѣ своей дорогой, и обѣ стороны остались очень довольны другъ другомъ. Слова Эврипида: «не убѣгайте любви, она научаетъ мудрости и добродѣтели», послужили основаніемъ новой школы практической философіи въ Букарестѣ. Конечно, съ тѣхъ поръ семейная жизнь должна была улучшиться въ Букарестѣ: міръ совершенствуется, говорятъ мудрецы; но нельзя, чтобы описанное нами прошествіе, о которомъ и нынче воспомина-

ють съ восторгомъ женщины, не имѣло вліянія на судьбу нынѣшняго поколѣнія и можетъ быть вліянія очень для него благодѣтельнаго.

Я поднялся по системѣ водъ Аржиса и встрѣтилъ массу известняковъ. Становою хребетъ Карпата является повсюду одною узкою полосою горъ кристаллическихъ породъ, и почти нигдѣ не образуетъ долинъ, какъ на примѣръ нашъ Уралъ или Алтай, а только одни, такъ сказать, разсѣлины, по которымъ съ быстротою несутся или ниспадають съ пороговъ рѣки и ручьи.

Не далеко отъ Аржиса посѣтилъ я сельскую школу: двѣ очень порядочныя комнаты, скамьи и столы по срединѣ, въ углу черная доска, это пугало бѣдныхъ школьниковъ; все было въ порядкѣ и чистотѣ, какъ слѣдуетъ.—А гдѣ же ученики? спросилъ я провожавшаго меня арендатора деревни.

— А гдѣ же ученики? спросилъ онъ въ свою очередь смотрителя дома, съ

такимъ видомъ, какъ бы этотъ простой вопросъ впервые пришелъ ему на мысль.

— Да я невелѣлъ ихъ сюда пускать: только столы рѣжутъ, да стекла бьютъ, а тамъ пріѣдетъ окырмуиторъ, и отвѣчай.

— А учитель?

— А учитель? повторилъ арендаторъ.

— Учителя при случаѣ можно будетъ достать изъ сосѣдняго села: у него же и школы по сю пору нѣтъ.

— Да, что ваша школа для окырмуитора, что ли? спросилъ я.

— Нѣтъ! отвѣчалъ очень наивно арендаторъ, иногда и ревизоръ изъ Букареста пріѣзжаетъ.

Въ годичномъ отчетѣ объ «Учебной части» — тутъ то же есть учебная часть — сказано, «учебная часть подвигается быстрыми шагами впередъ» и такъ будетъ повторяться до тѣхъ поръ, пока «учебная часть» не разучится писать.

ГЛАВА VI.

Имѣя достаточное число разрѣзовъ горъ, для опредѣленія ихъ, мы поднялись опять вверхъ по Ольту до устья Лотру и потомъ до вершинъ послѣдней, по направленію уже извѣстному читателямъ; отсюда рѣшились идти вдоль главнаго кряжа, до самыхъ оконечностей его, спускающихся къ Дунаю.—Путь этотъ чрезвычайно тяжелъ.—Я вскорѣ убѣдился на опытѣ, что въ томъ планѣ, какой я предначерталъ себѣ, онъ почти невозможенъ къ исполненію, по крайней мѣрѣ для моего избитаго тѣла, но отказаться отъ него совсѣмъ, было горько. Чтобы

хотя нѣсколько облегчить этотъ трудъ, я спустился съ главной вершины горъ, лишенной не только населенія, но даже жизни растительной, на вторую полосу горъ, впрочемъ не менѣе утесистыхъ, потому что онѣ также состоятъ изъ известняковъ и только у подошвъ своихъ изъ известковаго туфа; но здѣсь, я находилъ пріютъ и отдыхъ въ монастыряхъ, котораго не всегда можно отыскать въ самыхъ городахъ.

Отъ Малая (на Лотру) я хотѣлъ пробраться верхомъ, прямымъ путемъ, до Быстрицы; поднявшись по ручью, не имѣвшему имени, и названному мною Орлинымъ, потому что онъ обгибалъ утесъ, на которомъ происходила описанная мною трагическая смерть орла,—я достигъ вершины рѣчки Быстрицы. — Не распросивши хорошенько вожатыхъ, отъ которыхъ, такъ трудно добиться толку и зная по опыту, что въ горахъ единственные пути сообщенія,—прорѣзи

ручьевъ, я началъ спускаться по Быстри-
цѣ. Вскорѣ попалъ въ настоящій лаби-
ринтъ камней, гдѣ не только не было воз-
можности ѣхать верхомъ, но надо было
много твердости, чтобы продолжать путь
пѣшкомъ. — Рассчитывая однако на то,
что монастырь недалеко, мы отправили
лошадей съ вожатыми назадъ искать пу-
ти, какой знаютъ, а сами отправились пѣш-
комъ. По обѣ стороны возвышались со-
вершенно отвѣсно, словно сплошныя стѣ-
ны, известковые утесы на 120 и 160 са-
женей; между ними мѣстами не было и
двухъ сажень разстоянія; мы шли корп-
доромъ, едва освѣщеннымъ дневнымъ свѣ-
томъ, гдѣ кипѣла и билась рѣчка; пе-
реступая по возможности съ камня на
камень, мы часто встрѣчали такія огром-
ныя валуны, что на нихъ надо было взби-
раться, словно на стѣну : тутъ рѣчка
обыкновенно прорывалась изъ-подъ ни-
зу или въ псточенную въ известковомъ
туфѣ кору, или наконецъ ниспадала вви-
дѣ водопада. — Мы наконецъ стали боятъ-

ся, что нѣтъ исхода изъ этой бездны. Ничто такъ не поражаетъ воображеніе человѣка, какъ видъ заключенія въ такомъ тѣсномъ пространствѣ. Преграды, часто казавшіяся непреодолимыми, стояли впереди; позади, пройденное пространство казалось еще страшнѣй, по мѣрѣ отдаленія его, а по бокамъ—недостижимыя высоты, на которыхъ опиралось небо; солнце, едва мелькнувшее, уже давно скрылось. Было дѣйствительно страшно.—Эта бѣшенная струя Быстрицы, прыгавшая съ камня на камень, то вверхъ, то внизъ, или притаившаяся за камнемъ, какъ кошка, чтобы обмануть сторожившіе ея утесы и уйти изъ своей тѣсной темницы—была единственнымъ путемъ исхода и казалось издѣвалась надъ нашими страданіями; а еще Славянка, по имени! Прямая ты Фанаріотка!

Вдругъ, какъ бы чудомъ, утесы разступились, рѣка вылилась въ довольно пространную долину и мы, совершенно для насъ печально, очутились у высокихъ

стѣнъ съ бойницами, весьма похожими на крѣпостныя: то былъ монастырь Быстрица! Надъ нимъ стоялъ небольшой монастырь Папуша, а еще выше, чуть видѣлся изъ-за зелени—Арпута, казавшійся снизу совсѣмъ недоступнымъ и лѣпившійся къ скалѣ, словно ласточкино гнѣздо.

Быстричскій монастырь основанъ Баноу Барбой Краевеско около 350 лѣтъ тому назадъ: до того времени здѣсь была не большая часовня во имя св. Прокопія. Вотъ причина основанія монастыря, какъ говоритъ преданіе и какъ свидѣтельствуется находящійся въ церкви старинный образъ св. Прокопія. Краевеско, еще въ молодости, былъ взятъ въ плѣнъ Турками и заключенъ въ темницу; вскорѣ онъ узналъ, что смертный приговоръ уже произнесенъ надъ нимъ и долженъ совершиться на разсвѣтѣ другого дня: настала ночь, страшная и торжественная для осужденнаго, который посвятилъ ее молитвѣ, пламенной молитвѣ мученика;

юноша, едва достигшій 18 лѣтъ, онъ былъ привязанъ къ жизни, и просилъ своего святаго патрона, Прокопія, спасти отъ смерти. На другой день рано утромъ явились въ тюрьму исполнители казни, но никого не нашли: тюрьма была пуста.—Въ тотъ же день вошелъ въ церковь Св. Прокопія, стоявшую какъ мы замѣтили возлѣ Быстрицы, старшій священникъ ея и увидѣлъ своего молодаго Бана, съ цѣпью, простертою отъ ноги до шеи, колѣно-преклоненнаго, у образа св. Прокопія: юноша самъ не помнилъ какъ очутился здѣсь.—Въ ознаменованіе такого чуда, онъ соорудилъ на мѣстѣ часовни монастырь. Въ послѣдствіи, когда Константинополь былъ взятъ Турками, Банъ малой Валалахіи, Краевеско, найдя по требованію султана въ новой столицѣ Магомета, выкупилъ мощи св. Григорія и перенесъ ихъ въ свой монастырь. Эти мощи и теперь находятся здѣсь въ богатомъ гробѣ, покрытые приношеніями вѣрующаго народа.

Замѣчательна большая картина, находившаяся прежде въ церкви, а нынче перенесенная въ келію архимандрита; она возобновлена, но совершенно по старому рисунку. Картина изображаетъ отреченіе старца Барбы Краевеско отъ власти, которою такъ долго былъ облаченъ, и отъ свѣтской жизни. Онъ представленъ уже въ одеждѣ схимника, отправляющагося въ сооруженный имъ Быстрицкій монастырь; бояре Краіова, печальные, иныя плачущіе, провожаютъ его. Впереди, всѣдъ за схимникомъ, идетъ молодой племянникъ его, — Банъ не имѣлъ сыновей, — онъ одѣтъ въ красное, безъ рукавовъ, длинное верхнее платье, опущенное мѣхомъ; изъ подъ него видны рукава узкаго исподняго платья: юноша высокъ и красивъ, съ маленькими усами, безъ бороды; но прочіе съ бородами, безъ бакенбардовъ, которыхъ вообще и нынче не носятъ южные Славяне.

Монастырь, какъ мы уже замѣтили, сооруженъ въ видѣ крѣпости. Випкая въ

политику Князей и Бановъ того времени, къ которому принадлежить построение большей части монастырей, (времени появленія Турковъ въ Европѣ и покоренія Константинополя), нельзя не замѣтить, что не всегда религіозная мысль руководила ихъ въ сооруженіи этихъ твердынь. — Не смѣя явно строить крѣпости, чтобы не навлечь подозрѣнія и гнѣвъ Турковъ, они покрывали свою землю укрѣпленными монастырями, которые во время войнъ служили всегда единственными пунктами обороны. Это особенно замѣтно въ малой Валахіи, которая составляла отдѣльное Банство или удѣльное княжество, находившееся въ нѣкоторой зависимости отъ дому Булгарскихъ Князей Владиславичей, владѣвшихъ Большою Валахіею. Баны готовили такимъ образомъ на всякой случай оборону и противъ владѣтельнаго дома, съ которымъ впрочемъ всегда находились въ родствѣ.

Возлѣ монастыря есть пещера; она

можетъ укрыть и укрывала десятки тысячъ народа. Входъ ея совершенно недоступенъ и тянется узкимъ коридоромъ, по которому надо проходить согнувшись; далѣе пещера расширяется и является въ видѣ огромныхъ сводообразныхъ залъ; она удерживала нѣсколько разъ всѣ покушенія непріятеля проникнуть въ нее.—Еще въ послѣднюю войну «за вѣру» укрывался здѣсь народъ и бояре съ своимъ достояніемъ, а въ монастырѣ спдѣли Турки. Непсечерпаемый бассейнъ прекрасной воды, стоящей словно полная чаша, въ глубинѣ самой пещеры и всегда находившійся здѣсь складъ съѣстныхъ припасовъ, позволяли выдерживать самыя продолжительныя осады непріятеля. Въ пещерѣ двѣ маленькія церкви и при нихъ по одной келіи; тутъ спасаются отъ юдольной жизни добровольные затворники.

Длинные восковые свѣчи догорѣли до половины пути; надо было думать, какъ

воротиться. Три четыре монаха, Булгары, провожавшіе насъ, говорили, какъ могли, съ нашими русскими людьми, обрадованные, что могли слышать родные звуки. Нога не разъ скользнула или спотыкалась, ступивши на кость, породу которой мы не старались изслѣдовать, боясь открыть горькую истину.— Испуганныя стаи летучихъ мышей вились и мелькали вокругъ, не рѣдко туша свѣчку крыльями или задѣвая по лицу то того, то другаго изъ насъ; больше всего доставалось С.—вѣроятно потому, что его сѣрый балахонъ приманивалъ ихъ къ себѣ, и всякій разъ С. вскрикивалъ отъ прикосновенія крыла летучей мыши, какъ бы отъ прикосновенія змѣи.

«Чего ты боишься, говорилъ его товарищъ, видишь, ласточки передъ дождемъ разгулялись.

— Погоди, отвѣчалъ онъ съ выраженіемъ страха и угрозы, скоро вышибетъ изъ тебя храбрость. Кости-то эти не твоимъ чета, да видишь очутились тутъ.

«Ну имъ и честь по заслугамъ, а мои уляжутся и въ могилкѣ».

— Молчи, не конщунствуй, нѣмецкое племя, сказалъ сурово С. Будетъ и того, что мы тревожимъ кости усопшихъ и топчемъ ихъ, какъ пометъ какой.—И за то еще какъ раздѣлаемся.

Нѣмецкое племя замолчало, только пзъ-подъ-тишка, пропически указывало своему сосѣду на С., который, въ своей черной шапкѣ съ широкими, какъ крылья вѣтренной мѣльницы, полями, въ длинномъ балахонѣ, съ вытянувшеюся отъ страха физиономіею и руками постоянно простертыми вверхъ для обороны отъ летучихъ мышей, походилъ самъ на летучую мышь огромнаго размѣра и страннаго вида.

Мы псходили только небольшую часть пещеры, какъ объяснилъ намъ почтенный архимандритъ, сопровождавшій насъ. Нигдѣ не встрѣтилъ я и слѣдовъ сталактитовъ.

На другой день мы отправились въ Арнуть, который висѣлъ высоко надъ

Быстрицей и казался такимъ свѣтлымъ, такимъ красивымъ.—Взбираясь съ камня на камень, мы достигли до него и нашли—одни развалины, между которыми кое-какъ пріютились четыре монаха, — а монастырь имѣетъ до 3 тысячъ червонцевъ дохода! Среди этихъ развалинъ, въ церкви, находится гробъ превосходной работы, бѣлаго мрамора; въ немъ покоится прахъ строителя монастыря и сорока другихъ церквей и монастырей, какъ говоритъ надпись, Матѳея Басарабы-вѣды, умершаго въ 1645 году. Надпись на Булгаро-славянскомъ языкѣ. Гробъ сдѣланъ въ Италіи, и потому въ надпись вкралось нѣсколько ошибокъ. Это едвали не единственный памятникъ, по красотѣ своей, въ Валахіи.—На обратномъ пути мы зашли въ Папушу,—скитъ, принадлежащій Быстрицкому монастырю. Въ немъ спасся старикъ монахъ. Папуша значитъ кукла и названъ такъ потому, конечно, что близь него находятся голые, высокіе отдѣльные утесы, словно гигантскіе

монолиты, поставленные человѣческими руками, и имѣющіе видъ различныхъ изображеній.

Архимандритъ Быстрицы, родомъ Българъ, оказавшій намъ гостепріимство, истинно славянское, проводилъ насъ до монастыря Ореза и оттуда до Половрача. Отъ Ольты, въ Малой Валахіи, начинается цѣлый рядъ монастырей, большею частию на часъ ѣзды одинъ отъ другаго, расположенныхъ у подошвы главнаго хребта горъ, подобно тому, какъ городки Валахіи расположены у второй гряды его; путешественникъ, — мы только это такъ говоримъ, а путешественниковъ здѣсь не бываетъ, — странникъ очень ошибется, если захочетъ искать убѣжища и отдыха въ городкахъ или запасть въ нихъ чѣмъ бы то нибыло, и для этого оставить гостепріимный кровъ монастырей. Въ городѣ онъ проводитъ ночь среди улицы, а о пріютѣ и пищѣ пускай и не думаетъ; его, правда, неме-

дленно обступитъ толпа любопытныхъ, но ни одинъ не пригласитъ на обѣдъ.

Мы уже сказали главнѣйшую цѣль основанія монастырей. Въ послѣдствіи, многіе изъ бояръ отказали имъ значительныя имѣнія, между прочимъ въ томъ предположеніи, чтобы они служили убѣжищемъ для странника, немѣющаго пріюта въ этой странѣ, и понынѣ дикой; эту цѣль довольно свято исполняютъ монастыри, растворяя дверь свою для всякаго проѣзжающаго, если не съ одинаковымъ почетомъ, то всегда довольно радушно.

Орезъ едва ли не лучший монастырь въ Валахіи, по своему зданію. Онъ принадлежитъ дому Бранковановъ, и всѣ получаемые имъ доходы, которые простираются до 70,000 рублей ассиг., поступаютъ или должны поступать на украшеніе монастыря, между тѣмъ, какъ монастыри государственные отдають почти всѣ доходы свои въ центральную кассу, откуда они поступаютъ, большею ча-

стію, на расходы, совсѣмъ не монастырскіе; монастыри патріаршіе отправляютъ деньги въ Константинополь или Іерусалимъ. Основателемъ Ореза, Половрача и нѣсколькихъ другихъ, былъ господарь Валахіи Константинъ Бранкованъ, извѣстный своею измѣной Россіи и Петру, во время несчастнаго событія при Прутѣ, также какъ другой господарь, Молдавіи, Кантеміръ, своею неизмѣнною вѣрностью Царю, несмотря на то, что преданность его дѣлу Россіи и Петру стоила ему княжества и могла стоять жизни, если бы онъ отдалъ свою дружбу и жизнь другому—не Петру.

Фамилія Бранковановъ несчастна въ исторіи. — Бранковичъ, зять Сербскаго Короля Лазаря, ознаменовалъ себя громкой измѣной на Коссовомъ полѣ, стоившей жизни его тестю и паденія государства. Съ тѣхъ поръ фамилія Бранковича поселилась въ Малой Валахіи, подъ именемъ Бранкована, и нынче не имѣетъ по себѣ преемниковъ въ мужской линіи,

*

между тѣмъ какъ Константинъ Бранкованъ имѣлъ до пятнадцати человѣкъ дѣтей. Онъ изображенъ, въ церкви, въ кругу своего семейства, рядомъ съ женою, которая, подобно ему, въ коронѣ, въ парчевой, опушенной горностаемъ шубѣ.

Въ Орезѣ примѣчательна библіотека Константина Бранкована, состоящая изъ древнихъ классиковъ и византійскихъ историковъ: изданія большею частию роскошныя и рѣдкія. Въ церкви хранится Евангеліе, печатное въ Москвѣ, при Царѣ Иоаннѣ Алексѣевичѣ и Петрѣ Алексѣевичѣ, присланное въ даръ преемникамъ Константина Екатериной I. Оно величюю въ большой столъ, соразмѣрны ему и буквы; нельзя не удивляться тщательности и роскоши этого стариннаго изданія. Жаль, что новыя передѣлки и постройки испортили старинную суровую архитектуру Орезскаго монастыря и придали ему пестроту, совершенно въ китайскомъкусѣ.

Орезъ и Половрачь отличаются красотою женщинъ; то есть, не то, чтобы самыя монастыри, а села принадлежащія этимъ монастырямъ или находящіяся на земляхъ монастырскихъ. Недолжно забывать, однако, при этомъ, что тѣ и другія находятся болѣе или менѣе въ зависимости игумена и по необходимости должны прибѣгать къ нему по своимъ дѣламъ или для суда и расправы; на игуменѣ лежатъ не только обязанности его духовнаго чина, но и вся тягость управленія (по монастырямъ владѣльческимъ и частнымъ) и отчетности, (по монастырямъ государственнымъ), а потому недолжно судить по нашимъ понятіямъ объ игуменахъ; званіе это почти таково, каково оно въ Черногоріи, съ необходимымъ оттѣнкомъ, свойственнымъ правленію страны.

Женщины, разумѣется изъ среды народа, чрезвычайно трудолюбивы. Вы встрѣтите женщину всегда обремененную полами: за плечами у нея связка

дровъ, на дровахъ дитя, обхватившееся ногами и руками за шею матери, на головѣ, — на головѣ у нея первая ноша; самыя тяжкія вещи переносятся на головѣ; а въ рукахъ прялка; безъ прялки вы не увидите женщины ни днемъ, ни вечеромъ; всегда, вездѣ передъ вами гудитъ и мелькаетъ веретено въ рукахъ Валашки, какъ будто прялка составляетъ часть ея самой.

Всякій, кто хотя не много путешествовалъ, знаетъ, какіе дикіе сны бываютъ въ дорогѣ, если удастся сомкнуть глаза. Сколько разъ, засыпая съ мечтами о счастьи, я видѣлъ во снѣ это счастье съ прямою въ рукахъ; оно силилось вывести мнѣ нить долгую, блестящую, прочную, но едва зачинало ее, нить обрывалась; сколько разъ мечтая о небывалой подругѣ жизни, о семьѣ, видѣлъ я себя рядомъ съ прямою, окруженнаго веретенами, которыя визжали и пищали, видѣлъ наконецъ себя, превращеннаго въ прялку, а рядомъ прядильщицъ, которыя

щипали и кусали меня, тщетно стараясь добыть волокнистую питку, — съ этимъ обыкновенно я просыпался, проклиная валашскія дороги и прялки.

Напрасно станутъ рассчитывать на цѣлую, правильную гряду горъ кристаллическаго образованія въ южномъ Карпатѣ. Едва подниметесь вы на высоту его по утесамъ почти отвѣснымъ и думаете наконецъ встрѣтить горныя или покрайней мѣрѣ рѣчныя долины, — ничуть небывало! вы спускаетесь съ такихъ же утесовъ, вслѣдъ за ниспадающими ручьями, прямо на мергели или сѣрую ваку. Это конечно представляетъ Карпатъ въ весьма живописномъ видѣ, но что въ томъ толку для нашего вѣка, оцѣнивающаго красоту природы ея практической пользою. Здѣсь говорится о главномъ крижѣ: вторая гряда важна въ другомъ отношеніи.

Изъ Половрача я отправился вверхъ по рѣчкѣ Гальбинѣ. Если читатель вспомнитъ, что съ вершинъ Лотру мы спусти-

лись къ Быстрицѣ и проѣхавъ около трехъ часовъ по предгорью, опять поднялись на высоты, чтобы опуститься съ нихъ къ Тургужію, потомъ, поднялись у Тисманы и опять спустились, описывая такимъ образомъ частыя дуги, то онъ увидитъ, что мы направлялись, хоть очень медленно, къ западной вѣтви горъ, неоконченной, не развитой, но обрѣзанной бассейномъ водъ Дуная, между Турпо-Северинномъ и Дренковой, близъ Орсовы. Далѣе, на Западъ, идетъ другая вѣтвь Карпата, Банатскаго, выросшая все изъ того же главнаго кряжа, который мы изслѣдуемъ.

Въ Половрачѣ навязался мнѣ добровольный спутникъ. Напрасно убѣждалъ я его отказаться отъ этого путешествія, тѣмъ болѣе, что по Гальбинѣ иначе нельзя было подниматься, какъ пѣшкомъ, — онъ стоялъ на своемъ; совершивши путешествіе въ коляскѣ отъ Букареста до Половрача, онъ думалъ, что ему ни почемъ ни какой путь, ни какой трудъ и

отправился со мною въ полной увѣренности, что онъ пройдетъ до вершинъ горъ и спустится въ Трансильванію. Пока была тропинка, онъ подшучивалъ надъ предполагаемыми препятствіями, говоря что труднѣе провести нѣсколько бессонныхъ ночей за картами, чѣмъ совершить переходъ черезъ Карпаты.—Въ отношеніи искусства можетъ быть и такъ, замѣтилъ ему одинъ изъ нашихъ: на картахъ можно выдѣлывать пинетевскіе фокусы, а тутъ развѣ придется показать легкіе опыты акробатическихъ штукъ.

Вскорѣ тропа исчезла. Камни громоздились на камни. Гальбина прыгала, какъ съумасшедшая съ порога на порогъ. По бокамъ ниспадали въ нея ручьи, не рѣдко съ высоты 700 футовъ. Ель замѣняла всякой другой лѣсъ. Природа являлась дикой и грозной; но намъ было не до нее. Пошелъ сильный дождь. Необходимо было непрерывно переходить Гальбину, въ бродъ, или пробираться впередъ, лѣпясь по ея закраинамъ; мы то и

дѣло раздѣвались и одѣвались, наконецъ измокшіе до костей, увидѣли бесполезность этой мѣры и шли не разбирая ни суши ни воды. Непривычный спутникъ нашъ изнемогалъ. На бѣду съ нимъ случалось приключеніе за приключеніемъ, какъ это почти бываетъ съ людьми, находящимися внѣ своей сферы. Онъ обыкновенно заставлялъ кого-нибудь изъ провожавшихъ насъ людей переносить себя черезъ рѣку. Провожатые были горцы, болѣе или менѣе кретины. Одинъ изъ нихъ, уставшій подъ ношей, довольно тяжелой, остановился среди рѣки, присѣлъ на выдавшійся камень, и вовсе безъ злаго умысла, воображая, конечно, что онъ несетъ мѣшокъ кукурузы, оборотилъ его къ себѣ и опустилъ прямо въ воду. Легко вообразить досаду и гнѣвъ нашего путника; онъ думалъ что надъ нимъ подшучиваютъ, но кретины, съ совершеннымъ добродушіемъ, отвѣчалъ на все его ругательства «немикъ, домнулуй,» — ничего сударь, взвалилъ на себя бремя и

съ терпѣніемъ и безсмысліемъ осла потащилъ далѣе. Далѣе было не лучше; а хуже нельзя было быть, потому что мы и то должны были перепрыгивать съ камня на камень или упираться руками и колѣнями, чтобы вскарабкаться на другой голый утесъ и только для того, чтобы спуститься съ такимъ же успіемъ.— Найдя оставленный пастушій шалашъ, мы остановились въ немъ, чтобы сколько нибудь обогрѣться.

Нашъ спутникъ такъ обрадовался огню, что не разуваясь протянулъ къ нему ноги: сапоги затлѣлись, скоробились и треснули; другой умѣлъ бы обойтись еще и съ изорванными сапогами; эти приключенія случаются не рѣдко въ горахъ; но онъ рѣшительно не могъ продолжать далѣе пути; избитый, изорванный, измученный, рѣшился онъ возвратиться съ проводникомъ домой.

Черезъ пять шесть часовъ ходьбы, достигли мы высотъ. Дождь переставалъ на минуту и опять принимался лить

пуще прежняго; по временамъ кое-гдѣ на скатѣ горы проявлялось солнышко, придавая ей веселый видъ, между тѣмъ, какъ вершина стояла въ туманѣ, грозная и темная, какъ духъ ночи; горные ручьи надувались болѣе и болѣе отъ дождей и ниспадали водопадами; громъ гремѣлъ и перекатывался отъ горы до горы; небыло и слѣда человѣческаго. Природа была дѣйствительно чудесна въ своемъ гнѣвѣ; но намъ было не до восторга; каждый слишкомъ былъ занятъ на ту пору собою, потому что одинъ не крѣпкій и не вѣрный шагъ велъ неминуемо въ бѣду; было не до природы, не до наблюдений; я едва могъ измѣрить гору, господствующую надъ Царево-Николаевскимъ; было 4000 фут. слишкомъ высоты. Далѣе не могъ я приняться ни за что и едва доставало силъ, чтобы страдать. Говорятъ, есть люди, которые, упавъ въ кипящій котелъ, дѣлали наблюдения надъ теплотою человѣческаго тѣла, благо имъ!

На другой день достигли мы небольшой горной долины, гдѣ лѣпились къ скаламъ нѣсколько домиковъ; но въ какомъ состояніи были тутъ люди! Мы не встрѣчали ни одного челевѣка, который бы былъ не кретинъ, и рѣшительно ни одного, который не влачилъ бы у своего горла зобъ, доходившій иногда до ужасающей величины; не рѣдко зобъ ниспускался тремя, четырьмя этажами и покрывалъ грудь, заслоня такимъ образомъ всю нижнюю часть лица. Представьте къ этому сонную походку кретина, всѣ движенія вялыя, почти безжизненные, безпорядокъ волосъ и одежды, если можно назвать одеждой его лахмотья, а мальчики и дѣвочки, не старѣе 13 лѣтъ, ходятъ просто нагіе; малый ростъ, безсмысліе въ глазахъ и въ разговорѣ и какое то ужасное хрипѣніе, причиною котораго бываетъ зобъ, и вы составите себѣ понятіе объ этихъ несчастливцахъ, такъ мало похожихъ на людей. Но нигдѣ не поражалъ меня этотъ кретинизмъ такъ

сильно, какъ въ М—ѣ, на Лотру; можетъ быть потому, что я имѣлъ случай видѣть его во всѣхъ видоизмѣненіяхъ, проживши тамъ нѣсколько времени, или можетъ быть я тогда еще не привыкъ къ этому явленію. Въ М—ѣ онъ проявляется въ ужасающемъ видѣ, который не можетъ не потрясти душу человѣка. Тамъ люди живутъ совершенно въ скотскомъ смѣшеніи, братъ съ сестрой, и еще хуже... тамъ не знаютъ связей крови, не знаютъ святости брака, не имѣютъ понятія о томъ, что религія, что любовь, что ненависть! Страшно!—Будемъ надѣяться, что валахское правительство обратитъ свое вниманіе на распространеніе кретинизма, и переселеніемъ нѣкоторыхъ деревень въ Дунайскія долины, столь обширныя и пустынные, выведетъ ихъ на путь спасенія. Это тѣмъ удобнѣе, что горное народонаселеніе еще велико, сравнительно съ остальнымъ краемъ Валахіи; народъ бѣжалъ въ горы, скрываясь отъ гоненія Турковъ и чумы; но теперь, при-

брежняя земли безопасны, какъ и горныя, а близость такой рѣки, какъ Дунай, дастъ всю возможность къ сбыту сельскихъ произведеній, въ чемъ нынче такъ затруднены жители горъ.

Отъ зобу иногда излечиваются переселеніемъ изъ горныхъ мѣстъ въ долины. Тамъ, гдѣ цѣлыя деревни подвержены этой болѣзни, ребенокъ обыкновенно пріобрѣтаетъ ее по первому году; если же зобъ долго неявляется, то мать ребенка подвергается насмѣшкамъ чужихъ и упреку своихъ; нерѣдко это служитъ предлогомъ къ разводу между мужемъ и женой, какъ свидѣтельство невѣрности первой.

Полная луна сильно беспокоила меня. Ея упоительный, мягкій, очаровывающій свѣтъ, изъ подъ вліянія котораго казалось бы невышелъ, дѣйствуетъ если не всегда пагубно, то всегда раздражительно, и не наоднѣ органическія тѣла. — Въ городахъ не замѣчаешь дѣйствія лунныхъ лучей. Мало ль отъ чего

не спится, и голова, воспламененная днемъ, жжетъ подушку въ теченіи ночи: тамъ дѣятельность поглощаетъ всего человѣка; но въ балаганѣ, въ тѣсномъ обществѣ съ природой, и только съ ней одной, невольно слѣдишь за всѣми капризами своей жизненной спутницы и часто терпишь отъ нихъ, подѣ часъ съѣтуешь на этотъ союзъ, который воспѣвали старые, воспѣваютъ и новые поэты, но уже не съ такимъ восторгомъ, какъ бы не совсѣмъ довѣряя ему. Нынче кажется нельзя сомнѣваться, что вліяніе луны простирается нетолько на области морей, но и на землю: тамъ оно было замѣчено прежде, потому что обнаруживалось ощутительнѣй, но едва ли его вліяніе не также сильно и на землѣ, только проявляется не въ столь видимыхъ формахъ. Измѣненіе погоды, состояніе здоровья больныхъ во время полнолунія не доказываютъ ли дѣятельное участіе его сколько на виѣшнюю, столько и на внутреннюю сторону природы.

Бродя въ продолженіи длинныхъ, безсонныхъ лунныхъ ночей вокругъ своего балагана, я немогъ не примѣтить, при совершенной тишинѣ въ воздухѣ, какого-то судорожнаго движенія нѣкоторыхъ предметовъ. Въ небольшой рѣчкѣ, протекавшей у самаго балагана, была замѣтна суматоха между рыбами; вздрагиваніе нѣкоторыхъ растений обнаруживалось ясно и нельзя было этого приписать обмѣну ихъ сѣмѣнной пыли,—отъ котораго они иногда дрожатъ, какъ-бы ощущая чувственный восторгъ, потому что пора ихъ любви уже прошла. *) Сурки безпокойно перебѣгали отъ норы къ норѣ, не оставаясь долго на одномъ мѣстѣ. Сонъ окружающихъ меня людей былъ видимо

*) Наблюденія Мейена (Pflanzenphysiologie, Berlin 1839), Моррена (Froriep's Notizen 1841) Унгера (Grundzüge der Botanik, Wien. 1843) и другихъ положительно доказали *самопроизвольность* движенія не только соковъ, но и частей растѣній. Въ нихъ есть своя жизнь, со всѣми видоизмѣненіями органической породы, кромѣ произвола перемѣны мѣста.

тревоженъ, а иные вовсе не спали; многіе были съ зобами и храпѣніе ихъ было дѣйствительно страшно въ эту пору. Во время полнолунія эти люди представляютъ изъ себя олицетворенное страданіе; нѣкоторые стараются тогда вовсе не спать ночью, потому что такой сонъ расслабляетъ больше безсонницы. Дѣйствительно, есть что-то поразительное, чего не можетъ согласить наше довѣрчивое воображеніе, какимъ образомъ этотъ роскошный свѣтъ, плывающійся съ неба, такъ враждебенъ землѣ, что при совершенной тишинѣ, небыло никому покоя, до малѣйшихъ не органическихъ веществъ. — Бѣдные цвѣтящіеся червячки то и дѣло мелькали своимъ фосфорическимъ огонькомъ, какъ бы въ немъ была сосредоточена вся ихъ дѣятельность. Кажется нынче можно утвердительно сказать, что свѣтъ, который издають они, не происходитъ отъ особеннаго случайнаго раздраженія нерва, вокругъ котораго образуется свѣтъ, какъ нѣкоторые

думали, но совершенно и непосредственно подчиненъ волѣ этихъ маленькихъ насекомыхъ. Испугайте червячка, — онъ перестанетъ свѣтить, ускользнетъ и опять засвѣтитъ. Возьмите его осторожно щипчиками и щекотите испускающій свѣтъ нервъ, который легко замѣтить въ микроскопъ, — онъ мерцаетъ только по временамъ, только тогда, когда червячекъ хочетъ выразить имъ боль или неудовольствіе; вырвите этотъ нервъ совершенно, онъ свѣтитъ только мгновенье, какъ бы еще возбужденный волею насекомого, но вскорѣ меркнетъ, и ничто не можетъ возбудить его фосфорической силы. Ученые никакъ не хотятъ позволить имѣть волю этимъ низкимъ созданіямъ, увѣряя, что въ природѣ соблюдается такое же строгое чиноположеніе, какъ между людьми, и на верьху совершенства сидитъ онъ, ученый раздатель чиновъ и должностей въ царствѣ органическомъ, награждая одного чиномъ животного разумнаго, другаго—

только одареннаго инстинктомъ, и предназначая послѣдняго на службу или на законный обѣдъ себѣ. Обращаясь къ фосфорическому свѣту червячковъ, добровольно или издаваемому, нельзя не замѣтить, что человѣкъ, существо столь высокое и совершенное въ области созданія, издаетъ то же иногда фосфорическій свѣтъ, но только тогда, когда все жизненная часть его умретъ и начинается процессъ химическаго разложенія или за нѣсколько времени до того. — Остановимся на минуту здѣсь, тѣмъ болѣе, что замѣчаніе наше менѣе отклоняетъ насъ отъ предмета, чѣмъ кажется съ перваго раза. Зачѣмъ гордый умъ человѣка съ такимъ презрѣніемъ отвергаетъ все, что кажется ему непостижимымъ, сверхъестественнымъ и что просто только не разгадано. Давно ли казалось сказкой повѣрье народа, что надъ трупомъ покойника взлетаетъ огонекъ, вьется нѣсколько времени надъ нимъ и улетаеть. Повѣрье это существуетъ и

на Востокѣ, откуда перенесено къ намъ такъ много разныхъ вѣрованій. Народъ, въ дѣтскомъ незнаніи, говорилъ, что это блуждаетъ душа покойника и не смѣлъ и не умѣлъ разгадать совершавшагося тутъ химическаго процесса; ученые твердили, что народъ, какъ и всегда, говоритъ вздоръ, и недумали обратить вниманія на это явленіе, пока простой случай, который такъ часто прибѣгаетъ къ нимъ на помощь, не указалъ на причину этого явленія; наконецъ положительные опыты доказали, что пламя, обнаруживающееся иногда надъ разлагающимися трупами, бываетъ довольно сильно и проявляется разнообразно. — Тотъ же случай открылъ, что нѣкоторые заживо обнаруживали фосфорическій свѣтъ; это случалось съ тяжело больными, конечно безъ всякаго участія ихъ воли и даже безъ собственнаго ихъ сознанія такого страннаго феномена: свѣтъ происходилъ большею частию изъ головы, въ видѣ снопообразныхъ лучей. — Дѣй-

ствіе ль это фосфорности или электричества, которому мы нынче приписываемъ столько явленій, не зная другихъ благовидныхъ причинъ? Не принимаемъ ли мы часто одно за другое? Ученый Кольдеронъ, обратившій на этотъ предметъ свое вниманіе, очень остроумно приписываетъ проявленіе свѣта, издаваемого живыми существами, особому невѣсомому дѣятелю, обнаруживающемуся посредствомъ нервной системы. Какъ бы то нибыло, но то несомнѣнно, что еще многіе дѣатели природы и человѣка намъ неизвѣстны. За чѣмъ же мы такъ упорно отвергаемъ все, чего постигнуть не можемъ? Самыя наши крѣпкія убѣжденія, которыми такъ недавно тщеславились, не сбиты ли совершенно открытіями новѣйшими? Не поколеблены ли самыя теплыя вѣрованія? Не испыталъ ли каждый изъ насъ самаго горькаго разочарованія.

ГЛАВА VII.

Всякій разъ, спустившись съ горъ, я находилъ свой экипажъ и повозки для людей гдѣ-нибудь у монастыря и переѣзжалъ до ближайшаго мѣстечка или чаще городка, часа на четыре разстояніемъ, довольно покойно послѣ ѣзды верхомъ или путешествія пѣшкомъ, и запасшись чѣмъ нужно, отправлялся далѣе въ горы.

Тыргужіу не великъ; всего домовъ 500 и тѣ разбросаны Богъ знаетъ какъ; но мѣстоположеніе его прекрасно. Гряда Карпатовъ видна недалеко на Сѣверѣ и выше всѣхъ Паринга, вершина которой

украшена озеромъ, какъ серебряннымъ вѣнкомъ. Объ этихъ горныхъ озерахъ всегда ходитъ множество легендъ, между которыми самая обыкновенная та, что онѣ имѣютъ сообщеніе съ ближайшими къ нимъ морями. Горныя озера являются иногда на мѣстахъ потухшихъ кратеровъ; иногда образуются внезапно, послѣ землетрясенія. Замѣтимъ, что Паринга въ связи съ Вулкановымъ-Проходомъ, Vulkan-Pass, откуда начинаются трахиты и идутъ между границей Трансильваніи и Баната. Впрочемъ, не смотря на названіе и на довольно общее мнѣніе, я не рѣшусь причислить Вулканова прохода къ потухшимъ вулканическимъ горамъ.

Часа за два отъ Тыргужіу, по направленію къ монастырю Тисъманъ, близъ деревни Рунку, замѣчательно проявленіе на свѣтъ рѣки Жаламъ. Вообразите себѣ невысокую, довольно обрывистую, голую известковую гору. Подошва ея разрѣзана во всю ширину, саженьей на пять, обра-

зую какъ бы широкую пасть, изъ которой истекаетъ огромная рѣка, неглубокая, какъ и всѣ горныя рѣки, но вовсю ширину этой пасти; это совершенно театральная декорація: словно блестящая ткань снуется сквозь искусственную разсѣлину; къ довершенію подобія двѣ три тощія липы прильнули какъ бы чудомъ къ камнямъ и сверху осѣняютъ истокъ рѣки. Происхожденіе Жаляма прекрасно объясняетъ напластованіе подземныхъ водъ, которое, конечно, въ геологической связи съ формаціями горныхъ породъ. — Много рѣкъ берутъ свое начало въ пещерахъ, или, правильнѣе, протекаютъ черезъ пещеры, потомъ являются на свѣтъ и опять скрываются подземнымъ ходомъ; иногда эти рѣки довольно велики, какъ напримѣръ въ знатенитой Гейдельбергской пещерѣ или Иванъ-Бегово-Черноевичь, въ Черногоріи, которая еще больше, но всѣ онѣ уступаютъ Жаляму и хотя обязаны происхожденіемъ своимъ

одной и той же причинѣ, но тутъ эти причины такъ сказать осязательнѣй.

Монастырь Тисьмана очень красивъ издали. На выдавшейся высоко изъ ребръ горъ грядѣ известняковъ стоятъ, какъ бы служа имъ продолженіемъ, стѣны монастыря. Съ низу онѣ кажутся висящими на вѣтвяхъ деревьевъ: другаго основанія не видно. Съ верьху страшно смотрѣть — бездна! Это уже настоящая крѣпость, названная монастыремъ приличія—ради; она сооружена Негру-водой около 500 лѣтъ тому. Возмѣ—пещера, необходимая принадлежность всякой крѣпости, которая какъ бы ни была сильна, не всегда выдерживала приступъ Турковъ и Венгерцовъ и потому народъ долженъ былъ укрываться въ нѣдрахъ земли, гдѣ всегда хранился складъ хлѣба, пороху и всего домашняго и церковнаго достоянія. Пещера эта, и безъ того недоступная, еще укрѣплена искусственно; переходы ея безчисленны и даль совершенно неизвѣдана; извѣстны толь-

ко нѣкоторые выходы, которыми перѣдко пользовались осажденные въ пещерѣ, производя печальныя вылазки на непріятеля. Черезъ пещеру проходитъ рѣка, которая у стѣнъ же монастыря низвергается съ высоты 20 сажень, но масса воды не такъ значительна.

Внутри монастыря совершенное запустѣніе; дождь безпрепятственно лется сквозь крышу церкви и келій; только игуменскія комнаты недоступны дня него; онѣ отдѣланы роскошно.

Тисъмана стоитъ между высокими и до того стѣснившимся горами, что изъ монастыря видна только узкая полоса неба. Единообразны, унымы здѣсь дни и ночи. Взойдетъ солнце изъ-за горы, пройдетъ указанный ему короткій путь, соберетъ мало-по-малу тѣни съ земли и скроется за другую гору; за нимъ выйдетъ мѣсяцъ на смѣну, потечетъ своимъ путемъ и также скроется; явятся звѣзды и поблекнутъ. Здѣшняя братія ничего больше не видитъ. Въ годъ забредеть

сюда человекъ другой, избѣгая него-
степримнаго крова Тисымаы. Окружаю-
щая природа дика и враждебна человѣ-
ку, который невольно долженъ обращать
взоры свои къ небу.

~ Вообще горы бассейна водъ рѣки
Жіо или Шля, какъ называютъ ее нѣм-
цы, весьма утѣссты, неприступны.
Переѣзжая, изъ Тыргу-жіо въ Баю —
д'Араму, мы оставили ихъ на Юго-
западѣ. Здѣсь горы представляются
взволнованнымъ моремъ, возвышаясь въ
беспорядкѣ отдѣльными купами, какъ
это всегда бываетъ тамъ, гдѣ онѣ не
распределены по грядамъ бассейнами
большихъ рѣкъ.

Отсюда же на Западъ видны отроги
Карпата Банатскаго. Самое худшее то,
что поднявшись на самый хребетъ и ви-
дя у ногъ своихъ прекрасныя и богатыя
деревни Трансильваніи и Баната, кото-
рыя такъ и манятъ къ себѣ ваше уста-
лое тѣло и голодный желудокъ, вы не
можете спуститься къ нимъ, потому что

на всемъ пространствѣ отъ Орсовы до Вулкана нѣтъ таможи и необходимыхъ ей принадлежностей, и вы хоть умрите въ горахъ, васъ не пропустятъ черезъ кордонъ, а въ случаѣ вашего покушенія, станутъ по васъ стрѣлять какъ по куропаткѣ. Такимъ образомъ, взобравшись на вершины горъ и осмотрѣвши ихъ покатости, мы должны были возвращаться на валахскую сторону, хотя другимъ, но чаще еще худшимъ путемъ, чѣмъ первый,

Между тѣмъ Августъ былъ на исходѣ. Становилось скучно и тяжело. Многое приглядѣлось, другое представлялось въ гадкомъ видѣ. Небо стояло грязное, покрытое клочкообразными тучами; молніи переливались по нимъ, вздрагивая какъ зарево; казалось небо мигало съ просонка. Полуобнаженные зноемъ и долго-продолжавшеюся засухой, деревья стучали своими прутьями, словно скелеты костями. Дождики перепали безпрестанно и надобно было по неволѣ

искать убѣжища въ горныхъ деревушкахъ, гдѣ нищета и неопрятность являлись въ эту пору еще отвратительнѣй. Обыкновенную и единственную пищу крестьянина составляетъ мамалыга, родъ крутой каши изъ кукурузы; но иные не имѣли и этого, варили крапиву, прибавляя въ нее нѣсколько соли и питались ея густымъ наваромъ.

Была пора, когда дикіе кабаны сходятъ съ вершинъ на осеннее и зимнее кочевье, и мы встрѣчали не рѣдко по десятку кабановъ вмѣстѣ. Медвѣди въ это именно время совершаютъ свои путешествія въ долины, приближаются къ самымъ деревнямъ и воруютъ кукурузу и сливы: тутъ начинаются ихъ похищенія и мы въ каждой деревнѣ слышали нѣсколько анекдотовъ. Третьяго дня медвѣдь, вѣроятно голодный или слишкомъ самонадѣянный, вскочилъ на спину буйвола и глубоко впустилъ въ него когти, надѣясь побороть его и расправиться по своему; но сильное животное устояло;

страхаль-ради или руководимое инстинктомъ, оно пустилось, что было силъ, въ деревню.—Медвѣдь оробѣлъ; влекомый буйволомъ, онъ тщетно сплился освободить изъ его толстой кожи свои когти и былъ принесенъ на спинахъ его въ самую деревню, гдѣ, лишенный всякихъ средствъ обороны, погибъ подъ колями и кочергами крестьянъ, словно оселъ какой.—Вчера нѣсколько ребятишекъ увидѣли медвѣдя на верхушкѣ дерева, лакомящагося сливами и подняли страшный крикъ, но медвѣдь не испугался, продолжалъ кушать и по временамъ кидалъ сливами въ убѣгавшихъ мальчишекъ,—этакій шутильщикъ! Само собою разумѣется, когда сбѣжался народъ, онъ убрался во свояси.—Сдѣшніе медвѣди довольно смѣлы; по свойственной имъ смышленности, они догадались, что крестьянамъ строго запрещено имѣть всякаго рода оружія, и издѣваются надъ ихъ колями и рогатинами.—Казалось и другіе звѣри меньшаго разряда встревожились отъ

приближенія ненастья: оленей я не видѣлъ въ теченіи цѣлаго лѣта, а тутъ попались мнѣ два въ одинъ день.—Дикія козы, капріолы, встрѣчались также часто.

Очень скучно. Днемъ намокнешь какъ губка; скользишь и спотыкаешься на всякомъ камнѣ; гряды горъ, одѣтыхъ гдѣ сверху, гдѣ снизу лахмотьями тумановъ, являются въ какомъ то уродливомъ видѣ. Слышно было надъ собою вѣяніе крыльевъ дунайской лихорадки. Вечера и ночи становились длинны.

— Цыганъ, говори сказку!—

Цыганъ говорилъ такую дичь, что не было возможности слушать; то цыганка у него осѣдлала мѣсяцъ и поѣхала по ту сторону неба, а потому ночью темно; то какой-то король взялъ на цѣлую осень солнце на прокатъ, и потому холодно днемъ.

Я сплился доказать себѣ, что въ Петербургѣ въ это время еще хуже. Люди играютъ въ одномъ изъ клубовъ или

доча, проигрываютъ на вѣрное и очень сердятся. На улицѣ небо спустилось до самыхъ плечъ бѣдныхъ чиновниковъ, которые тащатъ клочки его въ свои канцеляріи и потомъ сильно чихаютъ отъ насморку и отъ разнаго рода отношеній и предписаній.—На семейныхъ вечерахъ разыгрываютъ концерты, отъ которыхъ уши слушателей вытягиваются въ длину ослиныхъ, но отъ страданія, а не отъ восторга. У Н. литературный вечеръ и хозяинъ читаетъ разсужденіе о томъ, когда омега введена въ греческую азбуку и по какому случаю? Гостямъ сильно хочется ѣсть, а они должны выражать явные знаки удовольствія и удивленія. На Александринскомъ театрѣ играютъ трагедію, которой главная роль выполняется Т-мъ и такъ далѣе. Какъ не разсуждай, а все-таки больно и досадно. Дымъ ѣстъ глаза. Дождь сочится сквозь крышу и падаетъ прямо на постель, то есть, на сѣно, прикрытое войлокомъ. Термометры и

✓

барометръ валяются, почти всё въ дребезгахъ. Платье изорвано; тѣло избито о трудъ и камни; жаль тѣла: пригодилось бы для чего нибудь лучшаго. Скоро ль исходъ!

Вотъ самое удобное время писать разсужденіе о цыганахъ, которое я давно собирался сдѣлать и которое конечно никогда не сдѣлаю. — Когда я былъ въ Университетѣ, профессоръ правъ читалъ намъ со своей кафедры двѣнадцать лекцій сряду о цыганахъ вообще и о правахъ ихъ въ особенности. Не знаю, какіе правы отыскалъ онъ у цыганъ, но помню, что всё двѣнадцать лекцій были посвящены исключительно изысканіямъ о происхожденіи цыганъ; въ заключеніе послѣдней, онъ торжественно произнесъ: «Господа! изъ всего вышесказаннаго, вы видите ясно, что происхожденіе цыганъ теряется въ мракѣ неизвѣстности.» Тѣмъ не менѣе, однако, я рѣшусь прибавить отъ себя, что кажется всего вѣроятнѣе полагать ихъ пришельцами изъ Юго-Запад-

ной Азіи; незапность ихъ появленія, первоначально на берегахъ Чернаго моря, въ Молдавіи и Валахіи, нѣсколько приблизительно сходныхъ словъ, которыя подмѣтили у нихъ съ нарѣчіемъ пидѣйскимъ и языкомъ Парсовъ; эта безусловная гордость, которая заставляетъ цыганъ считать себя существами высшей породы, не смотря на свое униженіе,—гордость столь свойственная Азіатцамъ, которые вѣрно выводили бы свое происхожденіе отъ боговъ, если бы имѣли ихъ, подобно древнимъ, а за неимѣніемъ навязываются въ родню Ною, Александру Македонскому, черезъ котораго, невѣдомо себѣ, породнились и съ самими богами Греціи, Магомету и такъ далѣе,—все это отчасти служить подтвержденіемъ словъ моихъ. Нынче стали производить цыганъ въ прямой линіи отъ Гвебровъ, огнепоклонниковъ, основываясь на особенной привязанности ихъ къ огню, вокругъ котораго цыганы проводятъ цѣлыя ночи; но, эта страсть слишкомъ обыкновенна.

всѣмъ кочевымъ народамъ, не имѣющимъ другаго крова, кромѣ неба, другой защиты отъ стужи и непогоды, кромѣ огня, и истекаетъ изъ ихъ физическихъ нуждъ. Разложенный среди степи огонь становится не прихотью, но первой потребностью, домашнимъ жертвенникомъ, вокругъ котораго люди собираются дѣйствительно частію съ набожнымъ чувствомъ; но такимъ образомъ и мы попадемъ въ огнепоклонники! Кто изъ участвовавшихъ въ хивинской экспедиціи не благоговѣлъ передъ разложеннымъ огонькомъ, если только удавалось добыть его.

Общее мнѣніе то, что цыгане явились впервые въ Европѣ не позже 1417 года и спустя два года распространились всюду; но кажется эпоху первоначальнаго ихъ появленія должно отнести дальше. Въ одной хроникѣ, напечатанной въ XI томѣ *relig. manuscriptorum*, упоминается о появленіи цыганъ въ Венгріи въ 1250 году; впрочемъ, подлинность хроники не совсѣмъ доказана. Тогда ихъ считали

выходцами изъ Ефіопіи, Египта, откуда производили все чудесное того времени, наконецъ выходцами того свѣта, порожденіемъ духа тьмы и прочая. Законы преслѣдовали ихъ всюду. Папы отдали повелѣніе, чтобы цыганы неоставались подъ однимъ кровомъ болѣе трехъ дней. Въ одной Венгеріи ихъ преслѣдовали меньше: тамъ каждое сословіе имѣло права и цыганы получили свои, хотя очень ограниченные, и потому можетъ быть они всего болѣе удержались въ Венгріи, да тамъ, гдѣ первоначально появились, въ Молдавіи и Валахіи. Но нынче тамъ и здѣсь состояніе ихъ очень горькое. Органическій Регламентъ уничтожилъ кочевую жизнь этихъ людей, единственную, въ которой обрѣтается цыганъ, словно въ своей сферѣ, довольный и счастливый среди всевозможныхъ физическихъ нуждъ, за которыя вполне вознаграждаетъ его свобода дикая и безграничная.—Цыгане поселены большею частію, или почти исключительно, на земляхъ бояръ, и состав-

ляютъ единственное сословіе крѣпостныхъ людей въ Молдавіи и Валахіи. Состояніе ихъ въ высшей степени бѣдственное, какъ я уже имѣлъ случай нѣсколько разъ замѣтить. Они обыкновенно составляютъ многочисленную дворню, которою окружаютъ себя бояре, и тутъ, смотря по прихоти и капризу владѣльца, имъ бываетъ лучше или хуже, чѣмъ въ состояніи земледѣльца; но тамъ и здѣсь, цыганъ лицо совершенно страдательное, и хотя законъ простирается и на него, но продолжительная привычка сильнѣе самаго закона, и цыганъ рѣдко прибѣгаетъ къ его защитѣ, совершенно убѣжденный въ томъ, что воля исполнителей сильнѣе самаго закона.

Вечеромъ расположились мы кочевьемъ близъ Князе-Георгіевскаго. Ненастье было важное. Казалось некому бы было бродить въ такую непогоду, — смотримъ, съ горы спускается женщина, навьюченная лахмотьями палатки; за нею едва движется старикъ, чуть живой. Съ пер-

ваго взгляда можно было угадать, что это цыгане. Они пришли къ рѣчки, у которой кочевали мы; старикъ, изнеможенный, упалъ безъ чувствъ; женщина опустила свою пошу и стала заботиться о старикѣ; но вскорѣ ему ненужны были никакія заботы, никакая земная помощь: старикъ былъ мертвъ. Склонившись головою на его бездушный трупъ, цыганки сидѣла надъ нимъ нѣма, недвижима: это былъ ея отецъ! Черныя, разметанныя вѣтромъ волосы ея закрывали всю голову ея и часть искаженного, подернутаго предсмертными судоргами лица старика: она не плакала, не билась надъ трупомъ, казалась сама такимъ же холоднымъ, безжизненнымъ трупомъ, и долго находилась она въ такомъ положеніи, наконецъ, дождь, ливнемъ ниспадавшій на нея, пробудилъ ее, несчастную, къ горькой существенности; она медленно приподняла свою голову и обвела взоры кругомъ, какъ бы ища помощи и покровительства,—но природа была для нея так-

же сурова и безотвѣтна какъ люди; блуждавшій взоръ ея однако остановился на цыганскомъ шатрѣ, который, тѣмъ временемъ, принесъ и разставилъ цыганъ, старый и отвратительно-гадкій; по скарбу его, состоявшему изъ рубчатой деревянной доски и двухъ лодковъ, видно было, что онъ принадлежитъ къ классу «аурарей», цыганъ, промышляющихъ добычею золотого песка. Цыганка вся задрожала, увидѣвши его.—Наступила ночь; страшно ей было остаться одной съ тѣломъ покойника; она нѣсколько разъ покушалась подойти къ цыгану, сосѣду, но опять возвращалась, колебалась, наконецъ отчаяніе ея выразилось громкими воплями; ломая себѣ руки и терзая волосы, кинулась она къ своему сосѣду.

— Помоги мнѣ зарыть тѣло отца, сказала она едва внятно, прерываемая всхлипываніями.

— Зароешь сама.

— У меня нѣтъ ни лопаты, ни топора,

ни даже ножа; пыталась вырыть яму ногтями,—не могла, ослабѣла.

— Какая нѣженка!

— Сжался.

— Не сможешь или не хочешь зарыть покойника, такъ брось его тѣло на сѣденіе шакаламъ,—завтра же не станеть и костей.

— Ни за что! воскликнула она, вдругъ выпрямившись во весь ростъ. Лицо ея было гордо и прекрасно.

— Таскай трупъ за собою : у тебя нѣтъ другаго скарба.

Несчастливая нѣсколько времени молчала, и потомъ опять обратилась съ тою же мольбой къ цыгану.

— Я тебѣ еще вчера предлагалъ условія, отвѣчалъ цыганъ : я зналъ что случится; предлагаю ихъ еще и теперь, а завтра можетъ быть раздумаю. Согласись же быть моею женой, и мы станемъ дѣлать по полямъ и работу и хлѣбъ.

— Ты зарѣзалъ свою первую жену, зарѣжешь и меня.

— Если будешь непослушна, зарѣжу.

— Ты старъ, гадокъ, лютъ, какъ волкъ.

— За то буду защищать тебя отъ другихъ и пособлю зарыть тѣло покойника.

— Я лучше отелужу тебѣ за это; цѣлый годъ буду твоей рабыней, все же мнѣ останется надежда, что когданибудь кончатся мои мученія, а тутъ—на всю жизнь.

— Непремѣнно на всю; я ручаюсь, что ты не переживешь меня.

— О, голова моя, голова несчастная! расшибись объ первый камень, чтобъ тебѣ неносить мученій долгихъ; о, глаза мои, бѣдные глаза! вылейтесь слезами, чтобъ вамъ не видѣть этого стараго мучителя,—и вопли неумолчные заглушались вѣтра. Цыганъ продолжалъ сноскивать золотосодержащій песокъ, неумолимый и равнодушный, какъ бы дѣло шло объ изломанной подковѣ,—равнодушнѣе того.

— Что жъ, сказалъ онъ наконецъ, со-

гласна ты или нѣтъ? говори скорѣе, ты мнѣ надоѣла.

— Согласна!....

— Есть люди несчастнѣе насъ, сказалъ кто-то сзади меня.

— Ты думаешь! отвѣчалъ другой, къ которому относились эти слова.

Ночь черная и ненастная сокрыла отъ людей и преступленіе и видъ несчастія, но послѣднее непереставало бодрствовать вездѣ, гдѣ бодрствовалъ человѣкъ.

Отъ Баи-д'Арамы горы, какъ мы уже замѣтили, не представляютъ становаго хребта, ни въ географическомъ, ни въ геогностическомъ отношеніи. — Онѣ разбѣтаны въ безпорядкѣ, распространены далеко, перепутаны узлами; состоя преимущественно изъ известняковъ и порфировъ, онѣ служатъ обильнымъ вмѣстилищемъ рудъ. — Нисходя къ Дунаю, эти горы мало-по-малу отстаютъ отъ Карпатовъ и вступаютъ въ связь съ за-Дунайскими Балканами. Эта связь не сомнѣнна и подтверждается геологическими разрѣзами

горъ. Возлѣ Казана, верстахъ въ десяти отъ Орсовой, (въ Банатѣ), гдѣ Дунай съуживается, вы видите ясно разорванную его стремленіемъ гряду горъ по правую и лѣвую сторону рѣки, продолженіе которыхъ скрывается подъ водою или выставляется утесами, преграждающими плаваніе параходовъ. Таково теченіе Дуная отъ Дренковой до Скелы—Кладовой. Тутъ онъ, какъ бы обезсиленный борьбою съ горами, уклоняется отъ нихъ и течетъ сначала у подошвы, потомъ уходитъ въ обширныя равнины; горы остаются вправѣ,—это Балканы! Въ волнистыхъ отрогахъ Баната и прилегающей къ нему части Малой Валахії, которую можно назвать рудоносною (основываясь на послѣднихъ открытіяхъ), разбросано нѣсколько отдѣльныхъ возвышенностей, не состоящихъ въ связи между собою; по сдѣланнымъ мною барометрическимъ измѣреніямъ, эти высоты, именно возлѣ Мехадії, незначительнѣй горъ самага Карпата и простирают-

ся до 4000 футовъ. Тутъ являются въ обиліи дубъ; горная флора роскошна; природа не такъ угрюма; кретинизмъ слабѣетъ; являются мошки и оводъ, которыхъ мы не видѣли въ самые сильные жары въ Карпатахъ. Эти насѣкомыя, составляющія бичъ рудопромышленниковъ Сибирскихъ, неизвѣстны въ горахъ Карпатскихъ; за то путешественникъ здѣсь встрѣчаетъ еще больше преградъ, отъ нагроможденныхъ въ безпорядкѣ горъ, отъ чащи лѣсовъ, и ниспадающихъ по всюду ручьевъ, чѣмъ въ Сибири, какъ ни тяжелы путешествія и тамъ: я это говорю по опыту.

Турно—Северинулуй нѣсколько выдался изъ горъ. Онъ стоитъ на берегу Дуная. Передъ нимъ возвышается обломокъ башни Северина, какъ бы въ укоръ его пишетъ, какъ бы въ поученіе современникамъ, до чего можетъ достигъ слава и образованность и до чего она достигала во время-оно. Нѣсколько по-отдалѣ остатки Траянова моста, о которыхъ я буду

говорить въ свое время; остатки эти были очень замѣтны изъ подъ воды, когда я находился въ Турно-Северинулуѣ, потому что Дунай былъ очень низокъ. На Сербской сторонѣ видно укрѣпленіе, примыкающе къ мосту, и Римская дорога, изсѣченная въ утесахъ еще служить для пѣшеходцевъ и для бурлаковъ, которые перетягиваютъ бичевою небольшія судна черезъ быстрину, усѣянную подводными камнями, между Дренковой и Скела-Кладовой. Говорятъ компанія Дунайскаго пароходства рѣшается очистить форватеръ Дуная на этомъ пространствѣ, сорвавъ подводные утесы: трудъ гигантскій. Но уже ея дорога, проложенная по лѣвую сторону Дуная, въ параллель Римской, по закраинамъ же утесовъ, достойна удивленія: это одна изъ необыкновенныхъ работъ, произведенныхъ въ послѣднее время.

Турно-Северинулуѣ замѣнилъ для Мехединскаго жудеса Чернецъ, который за полчаса отъ него, въ долину, удаленъ

отъ Дуная, грязенъ пуще другихъ городовъ. Жаль, что пароходы останавливаются не въ Турно — Северино, а въ Дренковѣ, отстоящей всего за пол-часа отсюда, вверхъ по Дунаю. Дренкова бѣдная деревня; съѣзжающіеся сюда пассажиры дожидаются отбытія парохода въ домѣ компаніи. За часъ ѣзды по валахскому шоссе, въ родѣ того, о которомъ говорили мы, при переѣздѣ изъ Козья въ Германштатъ, граница Валахіи и Австріи. Тутъ вступили мы въ Банатъ. Казанъ можно назвать узломъ, связывающимъ отроги Балкана, Карпата и Банатскаго кряжа, который принадлежитъ столько же къ первому, какъ и ко второму. — На Востокъ, въ Валахію, тянутся предгорья Карпатовъ, постепенно понижаясь, до Краіова. Краіовъ, главный городъ Малой Валахіи, бывшая резиденція бана, владѣтельнаго князя. Городъ великъ, старъ, грязенъ и болѣе всѣхъ городовъ Валахіи сохранилъ остатки Турецкаго владычества. Изъ Краіова тя-

нута равнины, чрезвычайно низкия, имѣ-
ющія не болѣе 40 футовъ высоты къ
сторонѣ Дуная, повышающіяся на Сѣ-
веръ, къ горамъ Карпатскимъ. Долины
эти тянутся до самаго Чернаго моря,
обнимая собою Букарестъ, который ле-
житъ на 234 фута отъ поверхности
моря.

КОНЕЦЪ.

2
A

16 Л.

Цена 75 коп. серебромъ.

Четвертая книжка, заключающая въ себѣ Ниж-
ній Дунай и Балканы, поступила въ печать и
вскорѣ выйдетъ въ свѣтъ.

1500213977